

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

РАСЧИСЛЕН
ПОДПИСАНО

Э. МУРЗАЕВ

ПУТЕШЕСТВИЯ
БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

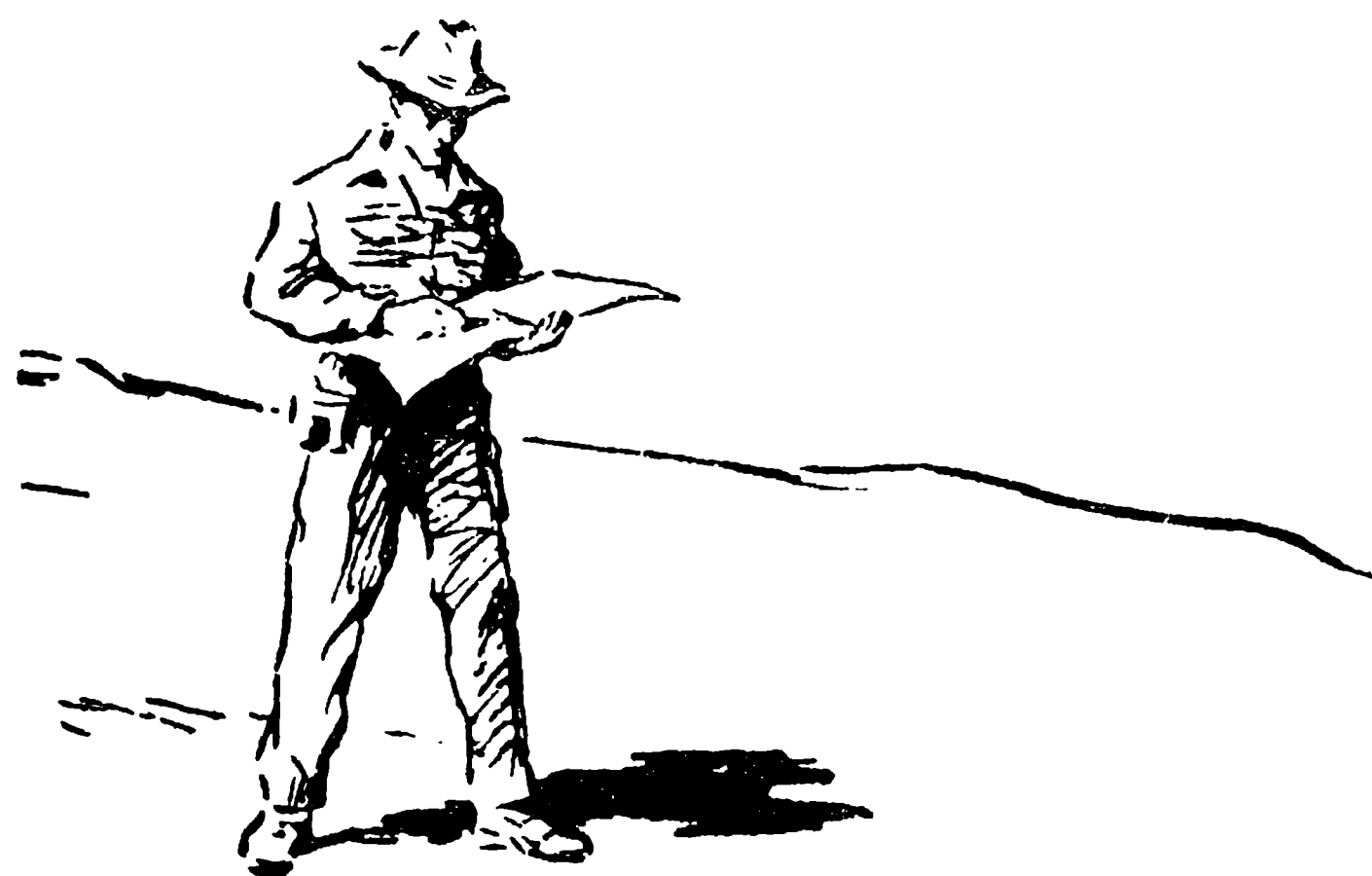
МОСКВА 1962

РАССКАЗЫ
О
ПРИРОДЕ

Э. МУРЗАЕВ

ПУТЕШЕСТВИЯ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

ЗАПИСКИ
ГЕОГРАФА

91(09П)
М—91

Художник МАШКОВЦЕВ М. Н.

К ЧИТАТЕЛЮ

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики.

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени

Закончена работа над книгой, и надо написать предисловие, объяснить, как и почему она задумана.

— Опять очерки путешествий! — скажете вы. В ХХ веке путешествовать легко и просто. Мир в общих чертах изведан. Прошли времена Пржевальского, Миклухо-Маклая, Седова, и автору путевых очерков скептик еще скажет словами китайской пословицы: «Не открывай старых истин: все знают, что солнце заходит на западе». Читая путевые заметки, могут вспомнить и Вольтера, заметившего, что «путешественник обыкновенно крайне недостаточно знает страну, в которой находится. Он видит лишь фасад здания. Почти все, что внутри, ему неизвестно». И это нередко оказывается правдой. Турист смотрит на то, что ему показывают: нарядные улицы, театры, музеи, центральные магазины. В его восприятии таится опасность односторонности. Некоторые туристы, наблюдающие лишь фасад страны, поверхностно пишут о виденном. А жизнь-то бурлит за фасадами.

Эту книгу я задумал давно. Хотелось поделиться своими впечатлениями о путешествиях по Китаю, где я работал в экспедициях пять лет, с 1956 по 1960 год. Но, признаться, меня одолевали сомнения. И все же я взялся за перо, решив, что оснований для этого у меня как будто достаточно. Мне пришлось путешествовать в самых отдаленных местах Китайской Народной Республики. Всего по этой стране я проехал на поездах, самолетах, автомашинах и лошадях 53 тысячи километров. Я бывал не только в прекрасных гостиницах Пекина и Шанхая, но и в фанзе земледельца, и в юрте скотовода. Меня

интересовало все, что связано с географией этой великой страны, в первую очередь тех ее районов, которые еще недостаточно изучены.

Мои очерки могут показаться неполными. Например, в них нет рассказов об ароматной китайской кухне, поражающих тех, кто ищет восточной экзотики. И не потому, что я не люблю китайских блюд. Наоборот, мои товарищи по экспедиции могут засвидетельствовать обратное. О китайской кулинарии писано и переписано, и какой смысл вновь повторять одно и то же. Нет в моих записках и впечатлений о китайском театре с его условностями и символикой. О самобытном искусстве китайского народа предоставим судить специалистам.

Наш известный китаист академик В. М. Алексеев подметил еще одну опасность, подстерегающую автора путевого очерка. «Важно победить в себе обожание своего предмета, — писал он в 1907 году, когда изучал в Восточном Китае язык и культуру китайского народа. — Путешествие таит в себе угрозу непомерного увлечения чужой страной, «открытия Америки» на каждом шагу. Жизнь будней представляется жизнью каких-то необычайных событий и интересов.

Путешествие — это книга. Умеет ее читать только тот, кто умеет читать между строк наблюдаемую жизнь. Тот же, кто ищет оригинального, экзотики, настроен «поэтически», неминуемо впадает в ошибку, ибо в нормальных условиях жизни он ищет ненормального»¹.

Многие авторы, посещавшие страны Востока, искали экзотики. Действительно, там много удивительного для нас, людей, привыкших к иным жизненным стандартам. Но, право же, и наша психология может показаться странной, а иногда и вовсе непонятной жителю, скажем, тихоокеанских островов.

Быть может, Китай, как и Индия, больше других стран мира восхищает объективного наблюдателя. Из всех классических культур культура китайского народа — одна из наиболее древних — не знала катастроф и, последовательно развиваясь, не имела перерывов в своей эволюции, она дошла до нас, сохранив многие черты глубокой старины. Другие же древние цивилизации либо совсем исчезли

¹ Любознательному читателю интересно будет познакомиться с книгой В. М. Алексеева «В старом Китае», выпущенной в 1958 году Издательством восточной литературы.

с лица земли, либо оставили редкие памятники материальной культуры, а языки их создателей стали мертвыми.

Цивилизации Египта, Греции и Рима, всесильное могущество Персидской и Монгольской империй со временем меркли. Культура же китайского народа не была сломлена ни трудностями исторического развития, ни внутренней раздробленностью страны, ни иностранными вторжениями и войнами.

Необычайно распространены в Китае символические изображения двух мифических животных — дракона (лун) и феникса (фынхуан). Их скульптурные изображения можно видеть в музеях, во дворцах и парках, на улицах и площадях, а рисунки — в книгах, на почтовых марках и открытках, на тканях, фарфоре и женских украшениях.

Издавна, уже по крайней мере 3 тысячи лет, дракон символизирует величие и мудрость народа, а феникс — его бессмертие.

Сколько увлекательного могут рассказать историки и этнографы о жизни китайцев! Я же — географ. И, естественно, мои записки отражают мои профессиональные интересы.

В наше время научные экспедиции уже мало чем напоминают путешествия пионеров-исследователей прошлого, на годы уходивших в неизвестность. Черский, Ливингстон, Обручев, Амундсен и другие отважные первооткрыватели, подвергая себя опасностям, лишениям, вели многотрудную странническую жизнь во имя благородной цели познания мира. Человечество с тревогой и симпатией следило за их работой, восхищаясь их героизмом, отвагой, целеустремленной преданностью науке.

Ежегодно в экспедиции выезжают тысячи советских людей, они уходят в тайгу, во льды полярных стран, на океанские просторы, в пустыни и горы. Пытливых разведчиков тайн природы не останавливают ни трудности непроторенных путей, ни неизбежные лишения, ни разлука с близкими...

Может показаться, что грандиозные масштабы экспедиционной деятельности привели или скоро приведут к высокой степени изученности земного шара, и полевые исследования отомрут. Этого не может случиться. С каждым годом теория и практика предъявляют все новые

требования. То, что не видели и не могли видеть наши предшественники — путешественники, скажем, в пустынях Азии, то увидели современники, так как изменился уровень науки. То, что не можем обнаружить и объяснить мы, — выяснят наши последователи, которые будут обладать большими знаниями и лучше смогут использовать достижения техники в экспедиционной методике.

Уже современные комплексные экспедиции технически хорошо оснащены. Двухсторонняя радиосвязь сделала их работу зримой для всего мира. В былые времена Христофор Колумб, отправившись искать новый путь в Индию, нежданно-негаданно открыл огромный, никому дотоле не известный материк. Теперь таких неожиданностей не бывает. В наш век новые географические открытия исподволь подготавливаются научными учреждениями. Хороший пример этому — международное сотрудничество ученых на шестом материке земли — Антарктиде. Сотни людей работают здесь по определенной, заранее выработанной программе. В их распоряжении все: суда и самолеты, вертолеты и тракторы, радио и электростанции, множество инструментов, витаминизированная пища. А было же время, когда люди погибали от цинги в полярных странах и морских путешествиях. И различные открытия в Антарктике по существу предусмотрены программой научных исследований, подготовлены суммой организационных и научных мероприятий, стали возможными благодаря труду большого коллектива.

В Сибири и азиатских пустынях стали широко пользоваться авиацией, давшей такой великолепный материал для научных работ, как аэрофотоснимки. То, на что уходили годы лишений и труда, осуществляется ныне в поразительно короткие сроки.

На смену глазомерной съемке, измерениям абсолютных высот при помощи барометра, методам несовершенным, не очень точным и малопродуктивным пришли высокоточные геофизические методы. Они заняли прочное место при геологических изысканиях и географических исследованиях.

Используя технику, человек стер почти все белые пятна на земле, и в этом — продуманный расчет, последовавший за идеей. Это главное. Заранее намеченный эксперимент, выяснение предполагаемого явления — вот что лежит в ос-

нове современных исследований, даже таких необычных в век искусственных спутников и атомных ледоколов, как два недавних путешествия на плоту и в резиновой лодке через Тихий и Атлантический океаны.

Не для спортивного интереса и сенсации спустил на воду свой плот «Кон-Тики» норвежский ученый Тур Хейердал. Он хотел доказать и доказал возможность древних связей между культурами Южной Америки и Океании. Высокими гуманистическими идеями руководствовался французский врач Ален Бомбар, решившись один в резиновой лодке переплыть Атлантический океан. Преодолев все стихии, он показал, что при надлежащей подготовке потерпевшие кораблекрушение без пищи и пресной воды смогут выйти победителями из тяжелой борьбы с океаном.

Природа нашей планеты скрытна. А сколько сил, времени, терпения нужно, чтобы ответить на ее загадки! Совершенно открытие. Казалось бы, все ясно. Однако время радости коротко. Вновь возникает много вопросов, и все они ждут разрешения. Вот пример из практики географических исследований.

Территория, как мы говорим, закартирована, т. е. нанесена на карту крупного масштаба, «белое пятно» закрашено опытной рукой картографа-рисовальщика. Появились извилистые линии рек и ручьев, изображающие рельеф горизонталей, кружочки колодцев, запятые тростниковых плавней и многое другое. Но не изучены еще почвы, формы рельефа, неизвестны растительность, запасы вод, режим рек, глубина озер. А знать все это нужно, чтобы умнее использовать естественные ресурсы, чтобы лучше учесть природные условия при освоении новых земель. Вот и получается: формально «белого пятна» уже нет, а по существу работы еще уйма, и такой работы, которая может быть выполнена лишь квалифицированными специалистами — почвоведом, ботаником, гидрогеологом, геологом... И в нашей Синьцзянской экспедиции, помогая друг другу, работали десятки ученых.

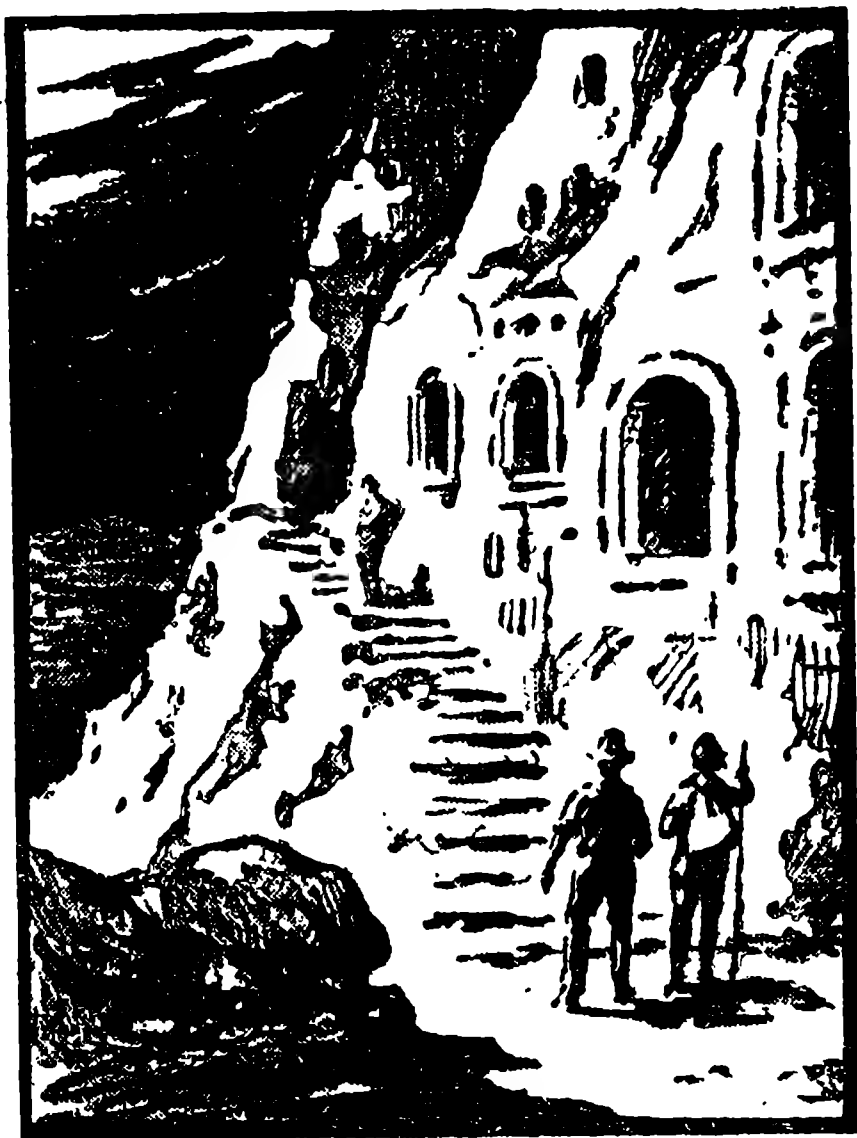
Советская наука уже накопила большой материал о пустынях советской Средней Азии и Казахстана. Но как изменяются природные условия на востоке — в Китае и Монголии, где продолжается великий пояс азиатских пустынь, оставалось неясным.

Работы Синьцзянской комплексной экспедиции Академии наук КНР помогают ответить на этот вопрос.

Люди нового Китая борются с неблагоприятными природными условиями Синьцзяна, расширяют оазисы и сокращают площади пустынь. И, как всем сотрудникам экспедиции, мне пришлось стать участником этой трудной борьбы. Однако не буду забегать вперед.

Экспедиция закончилась, а я все еще вижу необозримые пески Такла-Макана и снежные вершины Тянь-Шаня, дикие просторы Джунгарии и каменную твердь Куньлуня. Вижу, как в лёссовой дымке возникают и исчезают контуры больших и малых гор, окаймляющих обширные впадины Центральной Азии. Чувствую иссушающий зной горячего ветра пустыни и пронизывающий холод высокогорий. Позади остались пустыни и горы Синьцзяна, но навсегда сохранятся в памяти их бесконечные синие дали, розовые закаты, мои друзья — спутники по экспедиции. Может случиться, что наши пути вновь встретятся в азиатских пустынях, с которыми связаны многие годы моей жизни ¹.

¹ О прежних путешествиях автора по Средней и Центральной Азии см. книгу «Непроторенными путями». Третье издание, Москва, 1954, 391 стр.

НА ЗАПАДЕ КРАЙНЕМ КИТАЯ

15 сентября 1956 года я готовился к отъезду в Китайскую Народную Республику. Меня радовала перспектива поработать в Центральной Азии — в пустынях Синьцзяна. Много лет я бродил по просторам советской Средней Азии и Монгольской Народной Республики. И Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, лежащий между ними, конечно, занимал мои мысли. Что может быть интереснее путешествий в далекий, труднодоступный край? Как увлекательно пройти по следам замечательных русских путешественников-исследователей Центральной Азии! Ведь в прошлом в Синьцзяне работали Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, М. В. Певцов, П. К. Козлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Н. Потанин, В. А. Обручев. Неповторимая природа Синьцзяна привлекала пристальное внимание и западноевропейских и американских ученых.

А китайские географы уже писали о Сиюй — западном крае тогда, когда в Европе о нем вообще не было каких-либо достоверных сведений.

Накануне отъезда из Москвы я получил письмо от своего старого друга Ю. С. Желубовского — геолога, с которым мы когда-то вместе работали в Монгольской Народной Республике. С той поры прошло много лет, а он без устали продолжал исследования на советском Дальнем Востоке. Затем судьба привела его в Китай. Более четверти века Юрий Сергеевич с молотком и рюкзаком изучал геологию различных районов Азии, но не угасла в нем жажда поисков и открытий.

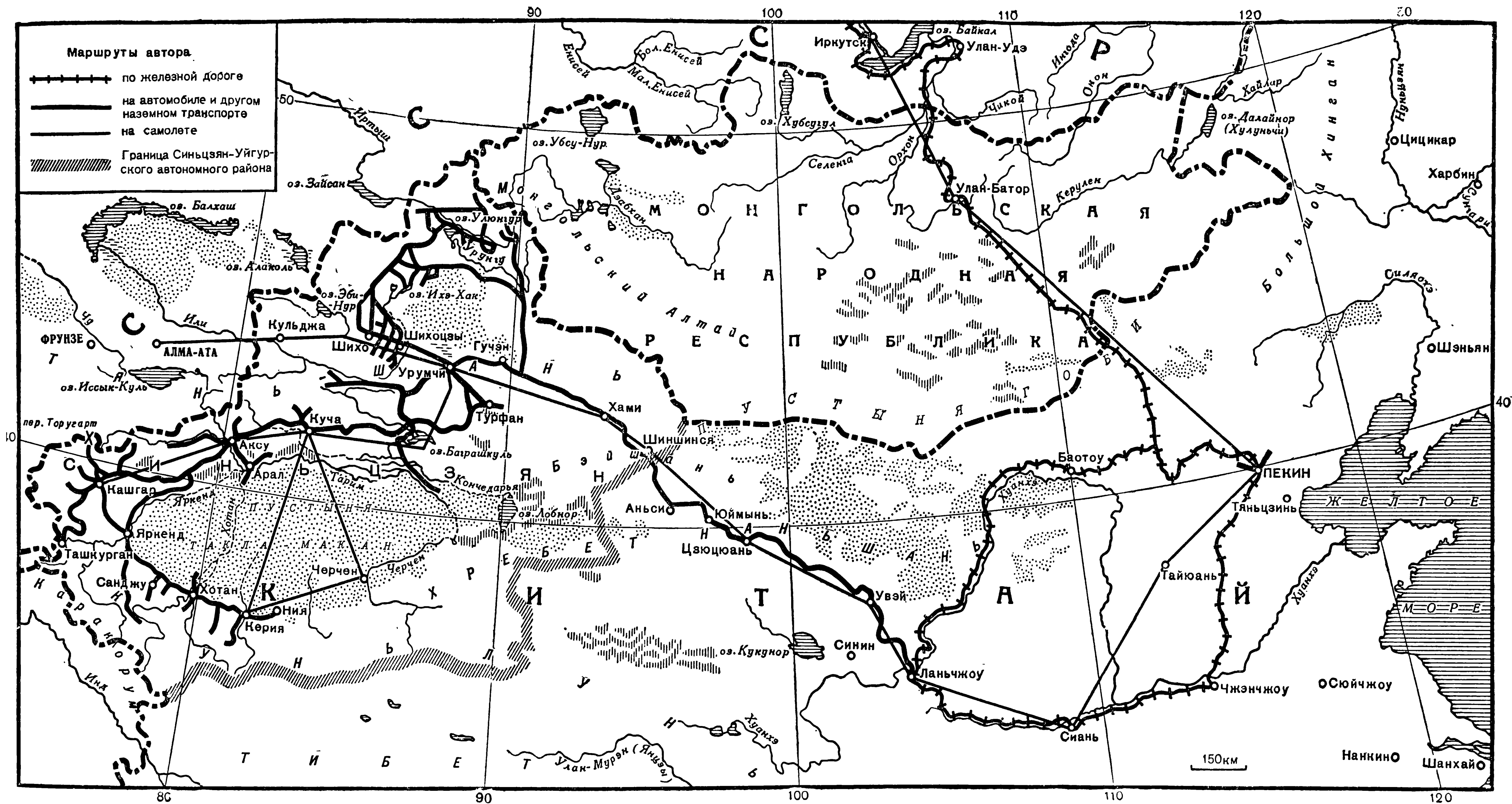
И теперь из далекой Сычуани пришло письмо, взволновавшее меня. Я вспомнил чудесные дни экспедиции в Восточную Монголию.

«Мой дорогой Э. М., — писал Юрий Сергеевич, — привет Вам из Чунцина, с берегов Янцзы. Когда смотрю на гладь полноводной реки, всегда оглядываюсь назад, вижу пройденные пути-дороги, неоглядные дали монгольских степей и наши совместные маршруты.

Теперь путешествия стали проще, а путешественник чувствует себя куда вольготнее, чем в былые времена. Я это ощущаю на себе, когда вспоминаю первые свои экспедиции.

Не знаю с чего начать, так много впечатлений! Пройдя 3600 километров на автомобиле, попал в Цайдам. Ученым в прошлом столетии для этого требовались многие месяцы, если не годы. Теперь хорошая дорога проложена сюда из Ланьчжоу. Она проходит по левому берегу Хуанхэ в Синин и далее к высокогорному «Голубому озеру» — Кукунор, которое, кажется, было мечтой всех исследователей Китая.

Мы подъезжали к нему с востока. Вечерело. Солнце почти уже скрылось за горами. В алом небе только отдельные лучи освещали покрытые снегом вершины Наньшаня. Вопреки названию кукунорская вода оказалась разноцветной: восточная часть озера действительно была голубой, а западная — розоватая — отражала краски угасающего дня. На склонах окружающих гор на больших высотах почти нет следов оледенения. А это вызывает удивление. В Цайдаме на таких же высотах видны великолепные ледниковые цирки, висячие долины и морены. Один китайский геолог высказал предположение, что хребет, отде-

ляющий Кукунор от бассейна Хуанхэ, совсем молодой и возник после максимального оледенения, чем и объясняется отсутствие ледниковых форм рельефа. Помнится, и Вы предположительно писали о прошлых связях Кукунора с Хуанхэ в своей «Центральной Азии».

Этот примечательный факт объясняет многое. Он говорит о том, что в прошлом, во время ледникового периода, некоторые бессточные замкнутые бассейны Центральной Азии, откуда ныне ни одна капля воды не достигает морей, имели сток, реки уносили влагу в океан.

На озере, в его западной части, высится небольшой остров. Его в начале XX столетия достиг на лодке геолог А. А. Чернов, сотрудник камской экспедиции П. К. Козлова. На острове жили несколько лам-отшельников. Они могли общаться с местным населением только зимой, когда озеро покрывалось льдом. Монахи удивились, увидев человека неизвестной национальности, точно с неба свалившегося.

Помнится, путешественник кратко описал остров, покрытый скудной растительностью, которая едва обеспечивала кормом нетребовательных коз. Их молоком летом питались отшельники. Озеро изобиловало рыбой, но ламы были равнодушны к ней. И до сих пор некоторые кочевые народы Центральной Азии не употребляют в пищу рыбу, так же как и птицу. А птиц на острове видимо-невидимо. Тысячи гнездовий покрывают ступенчатые берега. Гуси, чайки, утки, бакланы охраняют свою островную родину. Пройдет лето, и опустеет остров. Его обитатели улетят в южные края, распрощаются с холодным горным озером, чтобы с весенним теплом вновь возвратиться к своим гнездам.

Из Кукунорской котловины перевалил через южный Кукунорский хребет. Его северный склон покрыт тонким слоем лёсса; горы, обращенные к Цайдаму, опесчанены. Видимо, этот хребет играет роль экрана, по одну сторону которого откладывается лёсс, по другую — песок. Но основная масса лёссов отлагалась в бассейне Хуанхэ.

Сколько спорят о происхождении этих загадочных пылеватых и плодородных отложений! Одни ученые считают, что они навеяны ветрами, дующими из пустынь; другие — что лёссы принесены водными потоками в виде тонкой мути, которая постепенно отлагалась на большой площади, образовала слои в десятки метров толщиной.

В настоящее время насчитывается по крайней мере до двадцати гипотез, по-разному объясняющих образование и накопление лёссов. Их исследованием во всем мире занимаются сотни ученых: географы, геологи, палеонтологи, химики, физики, однако единства во мнениях пока нет. Насколько я успел заметить, наблюдая китайские лёссы, они разные и по-разному образовались, лёсс лёссу рознь. Но если начать писать о них, то я ничего больше не смогу рассказать о своем путешествии — не хватит ни времени, ни места.

В Цайдаме все пропитано солью. Здесь простираются громадные солончаки. Не случайно это название переводится с тибетского — соленая грязь, а с монгольского — солончак. Очень пустынно, даже куланов и джейранов мало, меньше, чем в Монгольской Гоби.

Но и в Цайдам пришла жизнь. Как-то я приехал в лагерь геологов, ведущих нефтяную разведку. Представляете себе абсолютную пустыню и темную звездную ночь? Вечером все население лагеря — человек 200 — собралось послушать концерт артистов, возвращавшихся из Лхасы. Артисты останавливались в маленьких тибетских поселках, затерявшихся среди холодных горных пустынь, и уходили далеко-далеко в сторону от автомобильной дороги, чтобы донести свое искусство народу. Эти мастера сцены поразили меня и непосредственной игрой и героизмом. Они работали на высоте четырех-пяти тысяч метров, в тибетской выси, где даже Пржевальскому было трудно охотиться. В этой группе были еще совсем молодые девушки и пожилые актеры и актрисы, чье сердце, увы, уже должно было чувствовать высоту. Ведь на перевале Танла воздух и в наши дни также разрежен, как во времена Пржевальского. Мне, правда, сказали, что самая юная артистка немного поплакала. Страшно было угрюмых холодных гор, заснеженных долин, безлюдья и длинных ночей, когда приходится просыпаться каждые десять минут и судорожно вдыхать воздух.

Высокогорье истощает организм. В первые дни в Тибете пропадает аппетит, совсем не хочется есть. В день достаточно одной маленькой пампушки. Человек худеет, но затем здоровый организм приспособливается и его потребности входят в норму.

Как много интересного видишь во время далеких путешествий, как удивительно хороша жизнь! Вот только

отставать от нее нельзя. Будь у меня талант и терпение, написал бы книгу «По следам великих путешественников». Рассказывал бы о Камчатке, Курилах, Гоби, Ордосе, Хингане и Хайнане. Но уготован мне иной удел. Все отпущенные мне чернила потрачены на груды отчетов о геологических изысканиях. А ведь я вижу, ясно представляю такую книгу и, кажется, действительно могу ее написать, так переполняют меня впечатления и воспоминания. Но когда? Вот и после этой экспедиции намечается следующая. Однако это лирическое отступление отвлекло меня.

Из Цайдама перевалил через горы Наньшаня в оазис Дунхуан. Пустынные подгорные каменистые равнины. Пески, сухие русла, курганы, а вдоль дороги развалины сторожевых башен и обо. Растений почти нет. Только далекие миражи — фыншуй (по-китайски — воздушная вода) да песчаные смерчи разнообразят пейзаж. И вдруг вдали роща деревьев — оазис Дунхуан. Близ него сотни древних пещерных храмов. Вы их, конечно, помните по описаниям Пржевальского в книге «Из Зайсана через Хами в Тибет». Эти пещеры китайцы называют «Чэнфудун», т. е. «Пещеры тысячи будд». Все они созданы человеком, высечены в песчаниках и конгломератах. Буддийские отшельники жили тут в вечном молчании и молитвах. Со временем скиты разрастались. Возникали целые монастыри.

В Дунхуанских пещерах (их четыреста восемьдесят) в течение тысячелетия работало много талантливых художников. Их монументальные скульптуры и росписи на потолках поражают своим великолепием. Кто они, эти безвестные мастера, создавшие гигантский музей китайского искусства, заложенный в V—VI веке и сохранившийся до наших дней? Прошли века, а пещерные храмы Дунхуана продолжают удивлять масштабами, композицией, изваяниями будд, красками настенных фресок, затейливыми орнаментами, игрой тьмы и света.

Из провинции Ганьсу мы направились во Внутреннюю Монголию, в пустыню Гоби — места, знакомые нам с Вами по монгольским путешествиям. Около города Эрляня китайские огородники — великие знатоки своего дела — в гобийских условиях выращивают капусту и картофель. Растет! А рядом пасутся стада домашних животных и диких антилоп-джейранов.

Подъехали к Баотоу. У окраины города течет Хуанхэ, еще более мутная, чем в Ланьчжоу. Переправлялись через реку на пароме. На правом берегу начинаются пески Кузупчи в пустыне Ордос. Подвижные барханы перевеваются ветрами. А между ними, как ни странно, хорошо сохранились речные долины с террасами, например долина Люго. Пески наступают на нее, барханы подходят к самой бровке террасы, и, когда в реке мало воды, песок засыпает русло. Но вот пойдут дожди, потекут потоки воды, смоят и унесут в Хуанхэ пески, и вновь оформится долина, выступят на поверхности и русла, и террасы. Удивительно. В Ордосе выпадает немало осадков. Почему же простираются здесь барханные пустыни? Они созданы самим человеком. В течение многих веков он выпасал скот, рубил кустарники на топливо, без меры уничтожал растительность. И вот теперь приходится насаждать деревья.

Посетил один из больших монгольских поселков в Ордосе. Монголы живут в китайских фанзах, занимаются земледелием, говорят на китайском языке. Мне показали место захоронения Чингис-хана и даже сказали, что где-то поблизости пасется табун белых лошадей, прямых потомков коня легендарного завоевателя. Сколько раз за время путешествий по Центральной Азии я то там, то здесь встречаю могилу Чингис-хана!

В Ганьсу побывал в храмах, познакомился с «перерожденцами» — живыми богами. Младшему из них едва минуло 14 лет. Они, конечно, ничем не отличались от простых смертных. В одном из храмов произошло чрезвычайное событие, смутившее верующих буддистов. «Живой бог» — «перерожденец» в каком-то колене спокойно и благочестиво жил более 30 лет. Он ждал глубокой старости, чтобы вновь «возродиться» молодым в другом облике. Но бес попутал, не помогли ни пост, ни молитвы. «Живой бог», на удивление всем, женился и народил детей. Он пасет баранов в окрестностях монастыря, где когда-то восседал в храмах под бронзовыми изваяниями будд.

Из Чунцина отправился вверх по Янцзы. Река необозримая. По ней плыло много парусных лодок. Совсем как на изящных китайских картинках, когда одна джонка перегоняет другую. Как не похожа природа Сычуани на пустыни Ганьсу или Внутренней Монголии! Южнее Чунцина — настоящие субтропики. Густо

и пышно растут бананы с их неправдоподобно большими листьями. Высокий и стройный бамбук образует такие густые заросли, что трудно войти в них. Бамбук у китайцев олицетворяет стойкость. Чего только не делают они из его древесины: трубы, изгороди, шкатулки, дамские сумочки, ширмы, фонари и многое другое. Пальмы дополняют пейзаж Сычуани.

Дорогой друг! Пора кончать это затянувшееся письмо. Впечатлений у меня много, о них можно писать бесконечно, но жаль утруждать Вас. Боюсь, что многое Вам уже известно, и Вы будете недовольно морщиться, разбирая мой почерк.

Приезжайте! С нетерпением буду ждать Вас в Пекине! Хочется о многом поговорить, рассказать о впечатлениях. Для Вас будут интересными и великие пустыни, и высочайшие горы Китая. Крепко жму руку. Желаю счастливого пути. Ваш Ю. С.».

Это письмо настроило меня на лирический лад. Я мысленно представил себе пустынные пейзажи Центральной Азии, о которой так много читал и немного писал.

1956 год. И вот я в Китае. В Синьцзяне большая экспедиция Академии наук КНР приняла меня в свой коллектив.

Синьцзян-Уйгурский автономный район, или, короче, Синьцзян,— самая западная часть Китайской Народной Республики. Всего 200 лет назад она вошла в состав Чжунго — Срединного государства. Название «Синьцзян» переводится на русский язык как новое владение, новая граница. Его земли простираются между Алтаем и Куньлунем и по площади равны таким крупным европейским государствам, как Испания, Франция, Англия и Италия, вместе взятым.

Внутри азиатского материка обширные пустыни образуют единую географическую зону пустынь умеренного климата: в Советском Союзе — пустыни среднеазиатских республик и Казахстана; в Китае — пустыни Синьцзяна, Ганьсу, Внутренней Монголии. Самая восточная граница зоны лежит уже в Монгольской Народной Республике. Другими словами, почти все большие пустыни Азии расположены на территории социалистических стран. И всюду идет созидательная работа за лучшее использование их природных ресурсов.

В советских социалистических республиках Средней Азии и в Казахстане построено много новых водохранилищ и каналов в бассейнах Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Чу, Зеравшана. Уже на сотни километров проложен Каракумский канал. Большие работы осуществлены в долине Вахша в южном Таджикистане, в низовьях Чу в Киргизии, в Ферганской впадине в Узбекистане, в нижнем течении Сыр-Дарьи в Казахстане. Осваивается Голодная степь.

Китайский народ также отвоевывает земли у пустынь Внутренней Монголии и Синьцзяна.

Крайний запад Китая можно в некоторых отношениях сравнить с нашим Дальним Востоком. Те же просторы, удаленность от государственных центров.

Но природа их различная. На советском Дальнем Востоке летние муссонные ветры приносят влагу и леса поражают пышностью и разнообразием северотаежных и южных субтропических форм. А в Синьцзяне — обширные пустыни Джунгарии и Такла-Макан, пески, камни, солончаки, голые, разрушенные временем холмогорья.

Пустыни окружены высокими горами Алтая, Тянь-Шаня и Куньлуня. Их вершины белеют вечными снегами и прячутся в облаках. Одиноким пикам сверкают в небесной лазури, поднимаясь над пеленой туч.

В горах рождаются бурные реки. Они приносят на равнины воду и тонкий ил. Летом, когда снег и лед тают, реки разливаются, затопляют низины, мутнеют. Зимой потоки скудеют и светлеют, а весной почти высыхают.

Тысячелетиями человек боролся с пустыней, построил каналы и плотины, заставил воду течь в разных направлениях, напоил сухую, горячую и жадную землю. Возникли оазисы, они расширялись, рождались города.

Территория Синьцзяна была издавна населена человеком. Возникновение прикуньлуньских или притяньшаньских оазисов теряется в глубине тысячелетий. На бескрайних пустынных равнинах Центральной Азии создавались и распадались государства. Этот мир, скрытый от других стран высочайшими горами и труднопроходимыми пустынями, все же жил неизолированно. Сюда приходили торговые караваны, через территорию Синьцзяна были проложены знаменитые шелковые пути, по которым шелк из Китая попадал в западные страны. С гор Куньлуня вывозили нефрит — этот знаменитый камень древности, столь почитаемый на Востоке.

Морские пути еще не были известны, когда по Центральной Азии шли предприимчивые и любознательные купцы. Вместе с шелком, нефритом и другими товарами двигались идеи, налаживался культурный обмен между Синьцзяном и соседними странами. Это общение оставило глубокий след в языке и культуре современного населения. Из Индии пришел буддизм, ставший в начале нашей эры господствующей религией в оазисах Куньлуня и позже сменившийся исламом. Уже в очень ранних источниках античного времени — в трудах китайских, индийских и греческих авторов — можно встретить первые, пусть скудные, данные о землях и народах Синьцзяна. Китайская география еще до нашей эры располагала сведениями о некоторых княжествах Турфанского и Лобнорского районов.

Ко второму веку до нашей эры относятся сообщения путешественника Чжан Цаня, обработанные историком Ханьской династии Сыма Цянем. Китайские источники по географии Центральной и Средней Азии в течение столетий остались неизвестными в Европе. И только изучение и перевод части из них на другие языки открыли много нового в истории географических исследований.

Гораздо больше данных о Центральной и Средней Азии содержится в источниках раннего средневековья, среди которых выделяются «Записки о западных странах», составленные монахом Сюань Цзаном, который путешествовал по Синьцзяну, Туркестану, побывал на Памире и в Индии. Его путешествие продолжалось 16 лет, он хорошо познакомился с западными странами и их народами. Отчет Сюань Цзана не грешит против истины, и сведения, приводимые им как очевидцем, особенно ценны, что отмечали многие историки и комментаторы его записок.

На обратном пути из Средней Азии Сюань Цзан прошел через Памир, Сарыкол и посетил некоторые города Таримской впадины. Путешественник полно описал Хотан—центр буддизма, который более всего и интересовал ученого. Из Хотана через южную часть пустыни Лоб он возвратился на родину. Из западных стран Сюань Цзан привез семена некоторых культурных растений, ныне широко распространенных в Китае, среди них — виноград.

Многими авторами, писавшими об истории географических открытий Азии, путешествие Сюань Цзана, на

редкость плодотворное по результатам, справедливо приравнивается к путешествию Марко Поло.

Вся история освоения пустынь Центральной Азии говорит о борьбе человека с ее суровой природой. И еще далеко не исчерпаны возможности в этой борьбе. В прошлом человек часто отступал под разрушительным воздействием стихийных бедствий. В наше же время коллективные хозяйства, вооруженные данными науки, используя современную технику, могут быстрее покорить пустыни, полнее использовать их природные богатства.

Как лучше использовать горные воды, сохранить их летние потоки? Они устремляются в пустыни, испаряются под лучами знойного солнца, просачиваются в пески, галечники, рыхлый грунт, исчезают, точно проходят через решето. Какие земли годны для орошения? Где могут возникнуть новые оазисы, знаменующие победу человека над природой? Где будет краснеть гранат, желтеть абрикос, белеть коробочками хлопчатник, колоситься пшеница, сверкать водяными стеклами плантации риса?

Нужен упорный труд, чтобы расширить границы старых оазисов, создать новые. Пустыня не хочет уступить человеку своих владений. Она грозит суховеями, засыпает песками любовно возделанные земли. Белыми пятнами на почве выступают вредные соли, и растения погибают. Много сил и терпения нужно, чтобы успешно бороться с пустыней. Но теперь народ вооружен знаниями, опытом, машинами.

В Синьцзянской комплексной экспедиции работал большой коллектив, в основном молодежь. Экспедиция была хорошо оснащена техникой и имела свои лаборатории. Мы всегда ощущали заботу руководства экспедицией и местных органов власти. Коренное население Синьцзяна — уйгуры, монголы, казахи, киргизы — всегда гостеприимно встречало нас, как своих друзей. В течение нескольких полевых сезонов советские ученые сдружились со своими китайскими коллегами. В беседах и в поисках правильных решений мы обменивались опытом и крепили наши добрые отношения.

Немало трудностей стояло на нашем пути. Хорошие автомобильные дороги редки, и местами пришлось прибегать к помощи испытанного в пустынях транспорта — верблюдам, не гнушаться и осликами, наиболее распространенными рабочими животными. А маршруты экспе-

диции — то в высокие горы, где перевалы лежат на уровне четырех-пяти тысяч метров, то в сыпучие пески — требовали опыта, тренировки, сил и стойкости. В горах нам приходилось испытывать нехватку воздуха, а на равнинах — и холод, и жару, и сильные песчаные бури. Но, как говорят на Востоке, «лучше перенести все невзгоды пути, чем спокойно, без дела, сидеть дома».

Пустыни и горы западной части Китая изучены гораздо слабее, чем восточные густонаселенные провинции. Поэтому всестороннее исследование Синьцзяна — одна из важнейших задач в планах Академии наук Китая.

Синьцзян поражает размерами территории. Но она пустынна. Большие площади заняты «дурными землями», и кажется, что их нельзя использовать ни в наше, ни в будущие времена. Но ведь это только кажется!

Проходит время, и вчерашние «дурные», никому не нужные земли оказываются настоящим кладом. Раньше человек их просто не знал, а поискали и нашел руды, уголь, нефть, соли, строительные материалы. Бывает и так: издавна известны какие-то горные породы, но они были не нужны человеку. Затем настало время, когда они понадобились в хозяйстве. Можно привести немало таких примеров. Бокситы — алюминиевые руды, состоящие главным образом из глинозема, — стали важным минеральным сырьем совсем недавно. Геологи обнаружили в Синьцзяне нефть и различные руды. Там уже работают нефтеперерабатывающие заводы.

Человек строит в пустынях заводы, промыслы, города, но пески угрожают жилищам, засыпают железные дороги. Нужно быть бдительным. И только вода и пашни побеждают пустыню, заставляют ее отступить, изменяют исконные мрачные пейзажи. Совсем другими становятся каракумские ландшафты в зоне Каракумского канала. Есть и в Синьцзяне поразительные примеры превращения пустыни в богатые земледельческие угодья.

В 150 километрах на запад от города Урумчи, центра Синьцзян-Уйгурской автономной области, течет большая река Манас. В бассейне этой реки в последние годы созданы государственные хозяйства, где выращиваются пшеница, кукуруза, рис, хлопчатник. Там построены ирригационные каналы, водохранилища. На севере Джунгарии, в бассейнах рек Иртыша и Урунгу, приступили к освоению несравненно больших массивов земель.

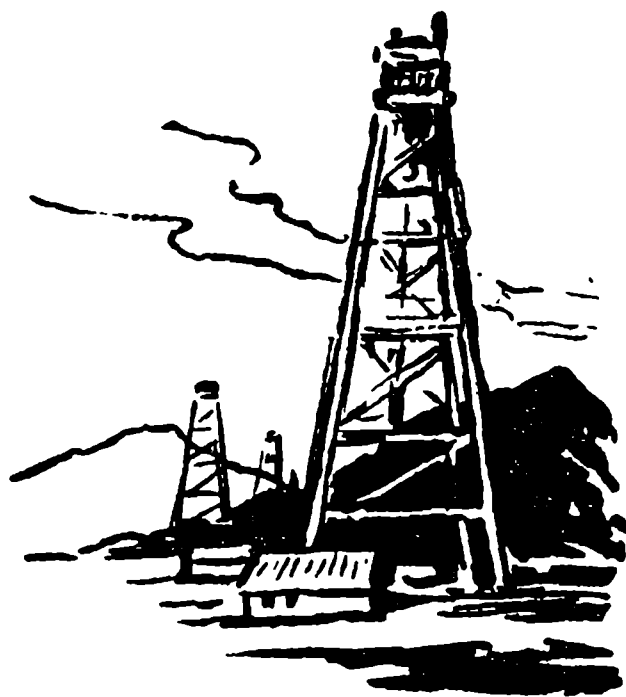
В южном Синьцзяне, защищенном тянь-шаньскими горами, теплее, чем в Джунгарии, а вегетационный период гораздо продолжительнее. Вот почему именно в бассейне крупнейшей центральноазиатской реки Тарима началось планомерное и большое наступление на пустыню.

В экспедиции существует неписаное правило: каждый участник ведет дневник. Не должен быть пропущен ни один день, даже если он прошел в незначительных делах и мелких заботах. Зрительные восприятия путешественника, как бы ярки они ни были, с течением времени сглаживаются, стираются. Исчезают детали, на первый взгляд несущественные, но иногда очень важные для науки. И вот, когда их нужно восстановить, на помощь приходят документы: дневники и фотографии. Они дополняют друг друга. Они не обманут, им можно верить до конца.

Мои короткие записки о путешествии в Западный Китай сопровождаются фотографиями. Не все из них могут показаться занимательными, но они рассказывают об удивительных явлениях в жизни природы Центральной Азии, о том, как человек борется и побеждает пустыни¹.

Пусть эти записки помогут понять книгу природы, страницы которой запечатлены в извилинах речных русел, в изгибах земной коры, в смене почв и растительности, в белом налете солей на поверхности земли. И пусть читатель посмотрит на Синьцзян глазами географа.

¹ Все фотографии, за редкими исключениями, оговоренными в подписях, принадлежат автору.

НА СЕВЕРЕ СИНЬЦЗЯНА

УРУМЧИ

амолет поднялся с пекинского аэродрома и сразу углубился в хаос гор провинции Шаньси. Часа через полтора мы были уже над плодородной долиной Фынхэ, в которой расположен город Тайюань — один из крупных промышленных центров нового Китая. Затем мелькнула коричневая лента Хуанхэ, в осеннее время маловодной реки, изобилующей отмелями, островками, косами, перекатами. Показался большой город Сиань — древняя столица Китая, которая за последние годы сильно выросла и насчитывает около полутора миллиона жителей. По населению Сиань больше таких городов, как Киев или Горький. Прямоугольные кварталы Сиани раскинулись на берегах Вэйхэ, крупного правого притока Хуанхэ. В долине Вэйхэ проложена железная дорога, уходящая в горы Ганьсу.

Западнее Сиани маршрут пролегал через лёссовые горы Шэньси и Ганьсу. Лёсс — пористая пылеватая горная порода: лёссовые почвы весьма плодородны. Лёссовые районы густо заселены, в них ощущается большая нехватка земледельческих площадей. Крестьяне здесь издавна террасировали горные склоны и тем самым увеличивали размеры пахотных земель. Но лёсс очень легко размывается водами и даже развевается ветрами. Поэтому некогда плоская местность так называемого Лёссового плато в излучине Хуанхэ ныне сильно расчленена глубокими долинами и бесчисленными быстрорастищими оврагами. Только кое-где сохранились равнинные площадки на вершинах гор. Один сильный ливень (а такие ливни тут не редкость) уносит массу плодородной земли. На десятки, а иногда и сотни метров перемещаются верховья оврагов, наступающих на поля. Борьба с эрозией лёссов в Китае — всенародная задача.

Эрозия лёсса и насыщение им воды в Хуанхэ — явление, особенно вредное для развития хозяйства Китая в настоящий период, когда началось строительство крупных гидростанций. Хуанхэ несет твердых частиц больше, чем любая другая крупная река мира. Поэтому-то она и получила название Желтой реки, а море, куда она впадает, — Желтого моря. Если не уменьшить количество мути в Хуанхэ, большое водохранилище Саньмынься будет полностью заилено в несколько десятков лет; такая же участь постигнет и другие бассейны.

С эрозией борются лесопосадками, террасированием, постройкой плотин поперек оврагов, обвалованием их верховьев. Но самая эффективная мера — задержка дождевых вод на полях. После вспашки все поле покрывают мелкими и частыми ямками, где собирается дождевая вода. Ямки не дают воде собираться в бурные потоки и размывать легкую почву. Так удастся задержать эрозию лёссов.

Утром следующего дня наш самолет взял курс из Ланьчжоу на запад — в Урумчи — центр Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Вскоре показываются горы Наньшаня и Тянь-Шаня, пустыни Бэйшаня и Джунгарии. Бесплодные равнины иногда сменяются оазисами с полями правильной формы, — и опять пустыня. Каменистая и глинистая, местами с песками, она далеко уходила за линию горизонта.

Синьцзян известен своими земледельческими оазисами с такими городами, как Яркенд, Хотан, Кашгар, Аксу, Кульджа, Турфан, Курля.

Самый крупный город Синьцзяна — Урумчи — лежит в долине одноименной реки при выходе ее из гор Тянь-Шаня в Джунгарскую пустыню. «Урюм» — по-казахски отдельные озерки, расположенные по вытянутой низине, реки и речки, пересыхающие в сухое время года. Отсюда и получила свое название река Урумчи, и, как это часто бывает, так стал называться и город.

И действительно, осенью и зимой русло Урумчи сухое. Широкая галечная пойма бесплодна, безводна, всюду камень. Во время дождей пойма широко заливается быстрым потоком, приносящим новые камни с гор.

В прошлом редкие, но сильные ливни доставляли много хлопот горожанам, река выходила из берегов, разрушала мосты и сооружения на каналах, заливала дороги и улицы. В сухое же время воды очень не хватало и нечем было орошать поля и огороды. И вот несколько лет назад выше города вырыли длинный канал и построили водохранилище Хунъянчи. Когда в реке много воды, ее по каналу отводят в водохранилище и создают запасы. В маловодный период их расходуют. Одновременно была построена и гидроэлектростанция. Теперь пойма реки уже не заливается полыми водами, а весной городская молодежь высаживает там тысячи молодых деревьев.

В первый раз я приехал в Урумчи осенью. Улицы были полны солнца, но листва на деревьях уже облетела. Только пирамидальные тополя еще сохраняли свой желтеющий наряд.

Тот, кто знал старый Урумчи, не признает его теперь. Я ожидал увидеть небольшой пыльный городок, каким он был лет десять-пятнадцать назад. А Урумчи оказался значительным городом с новыми благоустроенными районами так называемых дач, поселка текстильной фабрики, городка сельскохозяйственного института, мельничного поселка и других. После освобождения Урумчи увеличил свое население в пять раз. Теперь в нем 400 тысяч человек. Хозяйственное освоение Синьцзяна привлекает переселенцев из восточных провинций республики, имеющих очень высокую плотность.

Город, как богатырь, расправляет плечи. Уже стало тесно в долине реки, дома и улицы поползли вверх по склонам

окружающих гор. С вершины холма Хуншань хорошо видна панорама широко раскинувшихся городских кварталов и рабочих поселков. Снесены старая крепость и древние городские стены.

На востоке высится величественная снежная вершина Богдоула, в складках которой спрятались озера, глубокие ущелья, животворные родники. К Небесному озеру (по-монгольски—Тенгринур, по-китайски—Тяньчи) урумчинцы проложили автомобильную дорогу. В летнее знойное воскресенье горожане едут в горы, чтобы ощутить свежую прохладу, отдохнуть. Много легенд связано с Богдоулой; в прошлом ей приписывалась чудодейственная сила. Уверяли, что в буддийской кумирне у озера верующие излечиваются от недугов. И, видимо, не случайно в старых китайских книгах по географии эти урумчинские горы называли Миншань — чудотворные — или Фушеушань — горы счастья и долголетия. Да и монгольское название Богдоула значит — божественная, святая гора.

Местное китайское население Урумчи часто называет Тянь-Шань Наньшанем, т. е. южными горами, так как они стоят высокой стеной на юг от города. Но в действительности хребты с трех сторон, кроме северной, окружают столицу Синьцзяна. Солнце все время ходит за горами. Утром оно выглядывает из-за Богдоулы, освещая ее снежные пики, а заходит за ближайшие бурые отроги. Вечером утихает горный ветер, атмосфера становится чистой, небо ясным. В закатном свете линии, оконтуривающие горы, настолько четки, что кажутся нарисованными темно-синей тушью на розовой бумаге. В прозрачном воздухе горы становятся совсем близкими, иззубренный гребень упирается острыми пиками в пламенеющее небо.

Урумчи известен лет двести, с того времени как у мыса Красной горы Хуншаньцзуй были построены военная крепость и торговый городок. Выгодное географическое положение на пути через тянь-шаньские горы способствовало развитию города.

В 1889 году Урумчи посетил известный русский ученый — исследователь Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло. В своей книге «Описание путешествия в Западный Китай» он писал об этом городе: «...Достаточно одного взгляда на карту Западного Китая, чтобы оценить его значение в торговом отношении. Действительно, он не только занимает центральное положение среди городов

китайского Притяньшанья, но и лежит на пересечении главных путей, по которым как расходятся, так и притекают товары из двух стран, непосредственно поставляющих их на урумчинский рынок — России и Внутреннего Китая».

С развитием современного транспорта Урумчи стал важнейшим узлом автомобильных дорог, аэропортом местного и международного значения. А ныне сюда подошла, опять же пользуясь сквозной долиной через тянь-шаньские горы, и железная дорога.

Быстро течет время, все меняется. Особенно изменился Урумчи в результате большого промышленного и коммунального строительства. Урумчи — важнейший индустриальный центр Синьцзяна. Здесь десятки предприятий тяжелой и легкой промышленности, девять высших учебных заведений, в том числе национальный уйгурский институт, где молодежь обучается на родном языке на восьми факультетах. В Урумчи же находятся Синьцзянский филиал Академии наук КНР и большой научно-исследовательский институт сельского хозяйства и лесоводства.

Недавно на центральной площади сооружен новый городской театр. Для его внутренней отделки широко использованы национальные уйгурские орнаменты. В театре можно послушать музыкальную драму, эстрадный концерт, посмотреть пьесу (обычно на историческую тему). Уйгуры — веселый и приветливый народ. На вечеринках танцуют, играют, поют; все это делается изящно, темпераментно.

Меня и моих товарищей по экспедиции приютила новая гостиница. Как-то в большом ее зале собрались сотрудники экспедиции, чтобы провести вместе вечер дружбы. Здесь были китайцы, уйгуры, казахи и несколько человек нас, советских ученых. Наши взаимные приветствия произносились на трех языках: китайском, уйгурском, русском. Но это не мешало искренности и полному пониманию. Общие танцы и сольные выступления завершили этот вечер. Было уже поздно, над Урумчи мелькали золотые звезды на черном бархате неба, когда стали расходиться молодые сотрудники экспедиции — любители танцев.

Нередко я бродил по городу, наблюдая его жизнь. В узорных тюбетейках, похожих на наши ферганские, шествовали уйгуры. Женщины одеты в мягкие пестрые шелковые платья свободного покроя. Дунган легко отличить

по черным халатам и тоже черным маленьким шапочкам, напоминающим профессорские.

В старом городе, прямо на улице, расположилась парикмахерская. Здесь нет даже зеркала, да и к чему оно? Модных или сложных причесок мастер не знает. Он просто бреет голову, к тому же без мыла.

Когда-то и мне пришлось испытать такую операцию. Это было в старом кишлаке, где-то в Узбекистане, давно, очень давно, лет двадцать пять назад. Парикмахер смачивал волосы теплой водой и долго растирал их пальцами; по моему лицу скатывались капли воды. Острым ножом мастер смело срезал волосы. Если случался порез, то под жаркими лучами солнца выступившая кровь быстро свертывалась.

А вот приятная встреча. Занятия в школе окончились, и две девочки, с черными косичками, с бантиками и пестрыми матерчатыми сумками для книг, возвращаются домой. Одетые в теплые ватные штанишки, школьницы кажутся не по возрасту полными. Они довольны: выучены очередные иероглифы, и теперь их ждут веселые игры. А тут еще какой-то забавный русский дядя фотографирует.

В 1957 году в Урумчи мне довелось встретить национальный праздник Освобождения Китая — день 1 октября. На Народной площади собрались десятки тысяч горожан. Волны разноцветных шелковых флагов вздымались и опускались под натиском ветра. День стоял ослепительно яркий и теплый. Особенно хороши были театрализованные шествия. Их участники показывали отрывки из классических китайских музыкальных драм и издавна славящиеся в Китае цирковые акробатические номера.

Веселым и шумным потоком текла праздничная толпа в пышных красочных одеждах, со сложными и высокими шапками, в масках, с пиками, саблями, шарами, фонарями, носилками, паланкинами. Уйгуры—большие любители музыки: в колоннах демонстрантов били литавры, гукали большие барабаны, дробью рассыпались звуки маленьких барабанчиков, гудели трубы. Народ веселился.

Но вот показались разрисованные в светлые тона автомобили-вездеходы. На кузове одного из них был изображен кулан — дикая лошадь, на другом — антилопа-джейран, на третьем, грузовом,— тяжелый бык-як. Все эти звери обитают в Центральной Азии. Это проехала киноэкспедиция, снимающая трассу и строительство железной дороги

Актогай — Ланьчжоу. Картина «Под небом древних пустынь» ставилась совместными силами Московской и Шанхайской студий научно-популярных фильмов под руководством В. А. Шнейдерова. В фильме много географической романтики и познавательного материала. Чудесные краски удачно передают цветовую гамму природы Центральной Азии. Зритель вместе с киноаппаратом путешествует от границ Советского Союза до берегов Хуанхэ. Кинематографисты засняли и город Урумчи в радостный День Освобождения.

В китайских городах особенно хороши праздничные вечера, карнавалы гулянья, когда артисты и любители выступают с короткими сценическими миниатюрами, очень динамичными, полными юмора и смеха. Кругом горят разноцветные светлячки — китайские фонари разных форм и размеров. Мягким светом они озаряют оживленные лица людей.

РЕКА МАНАС

В поднебесных горах рождается Манас — самая мощная из рек, стекающих с северного джунгарского склона Тянь-Шаня. Ее воды по выходе на равнину орошают много земель, а то, что остается, питает озера пустынь.

Манас — легендарный герой киргизского эпоса. Может быть, по силе и полноводности река получила имя богатыря, а может быть, народ считал, что именно с этими горами связаны его жизнь и подвиги.

Истоки Манаса лежат в снежном хребте Ирен-Хабирга. Вершины его скалисты и безлесны. Сыро, холодно, не растут деревья. Даже летом снегопад — частый гость. А ниже, где теплее и дождей выпадает достаточно, горные склоны покрыты черными лесами. Высокие стройные тяньшаньские ели с узкой кроной поднимаются на 40—50 метров, на высоту пятнадцатипятиэтажного дома.

Прямой крепкий ствол ели — прекрасный строительный материал. У подножия Тянь-Шаня прокладывается железная дорога от Урумчи к государственной границе Советского Союза в Джунгарских воротах. Нужны шпалы, много шпал.

В горах Манаса рубят лес. Казалось бы, можно просто сбрасывать стволы в реку. Вода сама унесет тяжелый груз. Но слишком быстрое течение, слишком узкое ущелье,

слишком извилистое и каменистое русло. Разобьет строптивая река толстые бревна, только разбухшие от влаги щепки останутся. Пришлось строить горные дороги и на грузовиках вывозить лес. Трудно работать в этих местах. Не хватает воздуха, сказывается высота.

Ниже в горах деревья встречаются все реже. Влияет сухость соседней пустыни, мало выпадает дождей. Но ель старается приспособиться: растет в затененных местах, где меньше солнца и медленнее испаряется почвенная влага. Только к северу и северо-западу, на склонах гор, сохранились лесные рощи. Сюда приходят дожди и влажные ветры, а ель прячется от излишнего света, от сухости. Возникают живописные пейзажи, похожие на контрастный рисунок при боковом освещении: одни стороны гор ярко освещены солнцем, а противоположные выделяются глубокими темными красками. И так поразительно четка граница лесного полога! Северный склон горы зарос еловыми деревьями. Им тут хорошо, они смотрят на север, в сторону джунгарских пустынь, не боятся их.

Но вот пейзаж меняется, за бровкой склона тянется ровный луг, ни одно дерево не рискует сюда пробраться. Точно по бровке, проходит рубеж между лесом и горным лугом: по одну северную сторону — лес, по другую — южную — луг или степь, они не страшатся солнца и некоторой сухости.

Мне часто приходилось наблюдать, какие тонкие взаимосвязи существуют между рельефом, климатом и растительностью и как они определяют развитие природы в пустынной зоне, как чутко отзывается растение на влагу, как старается использовать ее для жизни.

Нижний пояс Тянь-Шаня сух. Пустыня взбирается на тысячу метров над уровнем моря. Редкие кустарники пустынного нанофитона с примесью кохии и полыни сыпью покрывают каменистую почву.

На время обеденного привала некуда спрятаться от солнечных лучей. Соломенные китайские шляпы с широкими полями мало помогают. Хочется горячего чая, много чая. В горле пересохло. Сотрудники экспедиции не отходят от клеенки, расстеленной на земле. Как медленно закипает вода в котле!

День кончался. Зной стал спадать. Нам с гидрологом Николаем Тимофеевичем Кузнецовым хотелось посмотреть мощный пласт галечников, обнажившихся в обрыве над

рекой. Боковые лучи солнца четко очерчивали скалы, террасы реки, кустарники и создавали длинные тени. Времени оставалось немного, а еще нужно было описать широкую впадину между горами. Она отделялась от Джунгарской впадины только низким хребтом, сравнительно молодым в геологическом смысле, образовался он позже главных водораздельных гор Тянь-Шаня. В то время широкая межгорная впадина была равниной, куда реки выносили громадное количество камней и откладывали их у подножия гор.

Когда произошло поднятие хребта, эта равнина превратилась в межгорную впадину. Реки в поисках выхода пропиливали хребет и, вгрызаясь в галечники, обнажили их толщу по склонам долин на сотни метров. В разрезе этой толщи горизонты грубого крупного галечника сменяются мелким, хорошо окатанным. Получается настоящий слоеный пирог. Такой разрез галечников — как бы раскрытая книга геологической истории, книга о жизни гор. Когда они вздымались, реки становились бурными, выносили далеко на подгорные равнины валуны и крупные камни.

Но горы Тянь-Шаня поднимались то быстрее, то медленнее, и наступали моменты относительного спокойствия. Тогда реки были куда спокойнее и уже не могли переносить большие камни, а откладывали только мелкую гальку и песок.

Солнце уже склонялось к западу. Обычно в такое время уже возвращаются в лагерь, но мы никак не могли расстаться с этим чудесным глубоким каньоном.

Спустились с увала. И как-то сразу близко увидели взрослую антилопу. Я узнал джейрана, знакомого мне по многим прежним путешествиям в Каракумах и Гоби. Мне всегда радостны были встречи с ним. Так легка, грациозна и изящна эта газель, так стремителен ее бег, так грустны ее черные влажные глаза!

Джейран не спешил уходить, оглядывался в нашу сторону, точно приглашал следовать за ним. Мой спутник и я в недоумении переглянулись. Оружия с нами не было, да и все равно стрелять в доверчивое животное было как-то совестно.

Антилопа отошла метров на пятьсот и остановилась. Потом повернулась и неотступно следила за нами. Что-то тревожило ее, но что-то другое заставило пренебречь

чувством страха. Какой-то магнит притягивал ее к нам, и, казалось, нет такой силы, которая заставила бы ее уйти.

Скоро мы поняли все. Еще несколько шагов, и я различил распластавшуюся под кустиком ириса маленькую зверюшку. Окрашенная в цвет земли, она надеялась остаться незамеченной. Я подошел поближе и увидел черные испуганные глазки. Они смотрели не мигая. Через секунду малыш вскочил, попытался бежать — прыжок, другой... Длинные ножки пока бессильны, они не спасут. Он упал и опять инстинктивно вытянул шею и голову по земле, прижался к ней, точно искал защиты. Я улыбнулся этой простой хитрости. Зверек опять решил меня обмануть. Но было уже поздно. Подняв на руки, я осторожно гладил его по молодой пушистой шерстке. Маленькая антилопа быстро успокоилась у меня на груди.

Мой пленник родился вчера, а может быть, два-три дня назад, он был совсем еще слаб и не мог следовать за матерью. А она, увидев, что мы разгадали ее уловку, приблизилась метров на двести, но дальше идти не решалась. Я вспомнил тургеневского «Воробья». Как безгранично храбр он был, когда спасал собственного детеныша. «Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его от туда».

Бережно опустив притихшего теленка на землю, я положил его под кустик ириса, и мы быстро удалились. Поднявшись на пригорок, оглянулись. Антилопа стояла над своим малышом, опустив голову, она обнюхивала и временами облизывала его, успокаивала. Опасность миновала. Пройдет еще несколько дней, окрепнет новорожденный и будет так же стремителен в беге, как и его мать. Великую службу сослужат ему длинные тонкие ножки: не догнать тогда ни волку, ни другому хищному зверю.

Манас прорывает последнюю горную гряду и выходит на равнину. По берегам тянутся галечниковые высокие террасы. Значит, когда-то Манас протекал гораздо выше, а потом размыл и углубил ложе.

На равнине Манас расточает свои запасы, собранные в горах Тянь-Шаня. Много воды уходит в галечники, в рых-

Орошение новых земель в бассейне р. Манас. Рисовые плантации

Эоловый «город» в Джунгарии

Всем желают долголетия эти причудливые камни

Павильон Зимнего дворца в Пекине

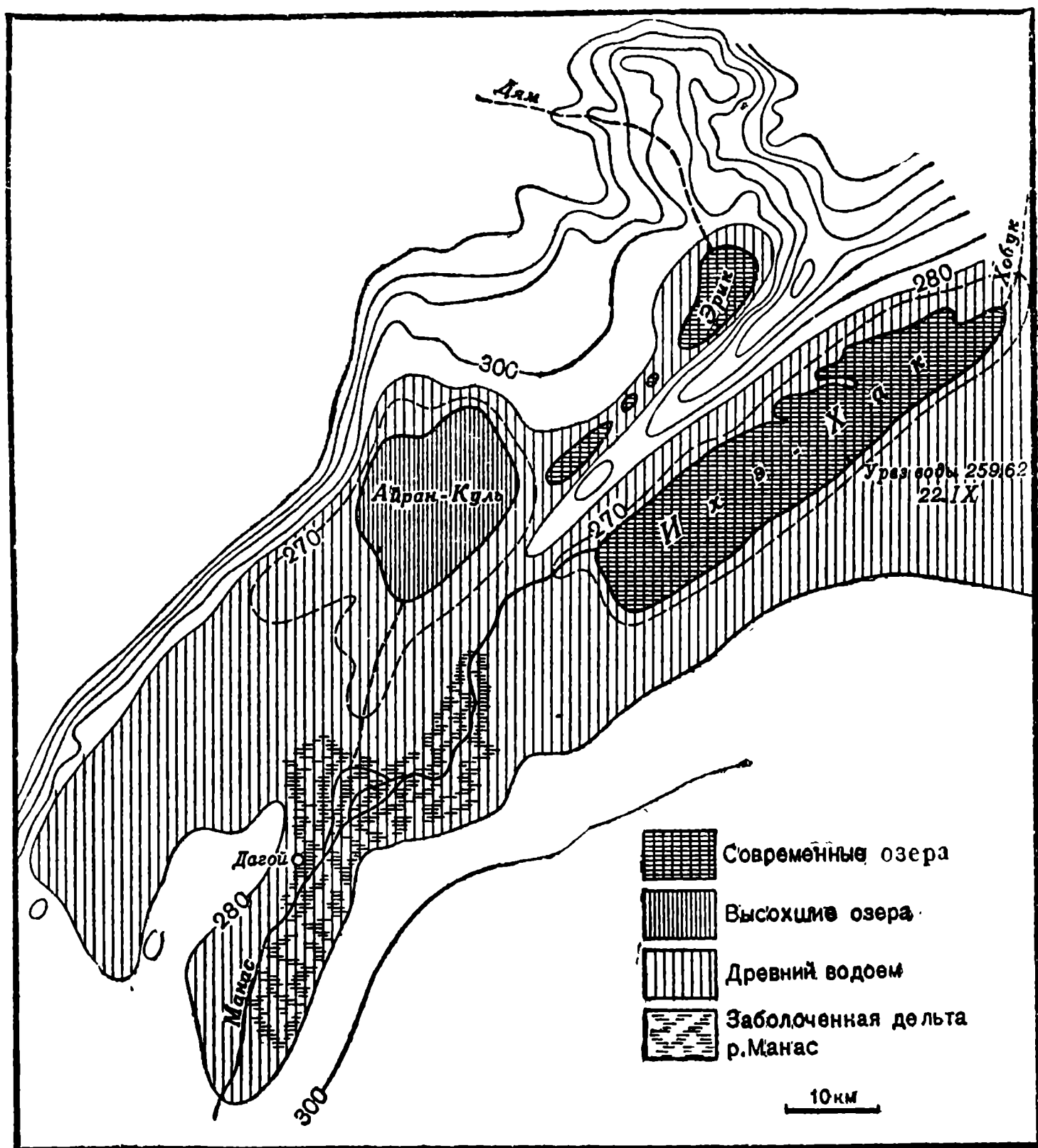
Предгорная равнина Тянь-Шаня в Джунгарии

Река Манас в Джунгарской пустыне

Тянь-шаньские ели на склонах гор

Современные и древние озера в низовьях Манаса

лые грунты пустынь. Пойма очень широка — несколько километров. Многоводная река разбивается на протоки, мелеет, а поздней осенью, когда сток резко уменьшается, кажется совсем уснувшей. Отдельные плесы, как озерки-медальоны, еще выделяются среди камней, принесенных большой летней водой.

Снега, выпадающие на вершинах Тянь-Шаня, породили родники и реки. А речная вода, стекающая с гор на равнины, ушла под землю, где образовала широкую ска-терть грунтового потока, медленно-медленно движущегося к пустыне. В некоторых местах грунтовая вода вновь выходит на поверхность. Возникают источники-болотца с

тростниковыми зарослями. В тростниках живут гуси, утки, кулики. Здесь много пищи, надежно укрыты гнезда с птенцами. Человек и зверь сюда не проберутся, кругом тряси́на. Разве только зимой, когда толстой льдистой коркой покроются болота. Но еще осенью пернатое население покинет родные места и потянется к югу, за горы Тянь-Шаня, Куньлуня, Тибета, Каракорума — к теплым равнинам Индостана.

Местами источники так обильны, что рождаются новые речки, как, например, Саван. Их воды орошают поля; на берегах располагаются селения, зеленеют сады. Родники не мелеют ни осенью, ни весной, их питает неистощимый грунтовой поток.

Такие речки местное население называет «карасу», но вода в них чистая, прозрачная, ключевая. Тогда почему же народ дал им такое нехорошее имя? Ведь «карасу» значит «черная вода», «черная речка». Оказывается, у многих народов, говорящих на тюркских языках, например у узбеков, уйгуров, киргизов, слово «кара» имело в прошлом и другое значение — «земля». И поэтому слово «карасу» можно перевести как «земляная вода», «речка из земли», «родниковая».

Летом, когда много воды отводится на поля и уходит в землю, Манас все же — большая река. А поздней осенью или весной ее можно пересечь вброд на лошади, а в некоторых местах и на автомашине. Но в половодье нужен паром. Так переправляемся и мы на правый берег в среднем течении. Это очень просто. Вода тихая и спокойная, небо ясное, погода чудесная, отряд дружный, веселый...

Более четырехсот километров течет богатырь Манас, но так и не может погубить его пустыня. Не в силах высушить реку ни знойный ветер, ни пески, местами подступающие к самым берегам.

Но в борьбе все же истощается Манас, скудеют его запасы, и уже маловодным потоком впадает он в большое, но мелкое озеро Ихэ-Хак, что по-монгольски значит «Великая лужа». Действительно, берега Ихэ-Хака вязкие, илистые, топкие. Человек с трудом медленно подходит к озеру, оставляя глубокие следы, на его глазах заполняющиеся водой.

Кругом пустыня. Почти ничего не растет у воды. Она очень соленая. Рыба, попадающая сюда из реки, или гибнет, или стремится, пока есть силы, уйти обратно в реку. Ничто не нарушает мертвую тишину пустынных берегов.

Разочарованно бредет наш проводник-охотник. Скучно, безлюдно...

Это озеро образовалось всего 30—40 лет назад. А раньше в обширную котловину Ихэ-Хак доходило очень мало воды. Испаряясь, она оставляла соленую грязь. В то время Манас отдавал свои воды другому озеру — Айран-Кулю. В 1906 году академик В. А. Обручев, изучая западную часть Джунгарии, побывал на его берегах. Ученый ночевал тут, варил чай из озерной воды, нашел ее хорошей, пресной. Она только пахла немного гнилым тростником.

В местах, описанных Обручевым, мы не увидели ни озера, ни тростников. Перед нами простиралась безжизненная глинистая и галечная равнина. Только в низовье поблескивала вода. Кое-где сохранились колки тростниковых корневищ. Но и они были мертвы.

Три дня, работая в низовьях Манаса, мы старались раскрыть историю блуждания реки и озер. Стояла нещадная жара. Кипела вода в радиаторах автомашин: им приходилось трудно, когда попадались песчаные гряды или рыхлые засоленные грунты. Много ходили пешком. Очень хотелось пить, а к концу дня чувствовалась большая усталость. Но прохладная ночь восстанавливала силы, и утром вновь отправлялись в путь. Шаг за шагом выяснялась интересная картина рождения, жизни и смерти озер в Джунгарской пустыне. Мы нашли ясные следы береговых валов, некогда образованных прибоями волн. Валы имели несколько ступеней, значит, существовали разные уровни Айран-Куля.

Изучая древние береговые валы, можно хорошо представить картину широкой водной глади на месте сухой каменистой земли, где гуляли высокие сердитые волны, с ревом набрасывавшиеся на берег. А на берегу бродили невиданные звери, они приходили сюда на водопой, пугливо оглядываясь и настороженно слушая ровный шелест тростника.

Интересно, что в Джунгарии на восточных границах древних озер много хорошо заметных валов, а на западной — мало. Это господствующие здесь западные и северо-западные ветры гнали волны на восток, где они намывали пляжи, сохранившиеся по сей день.

Нашли мы доказательства и связи этого водоема с соседним небольшим озером Эрик, откуда в период половодья

вода сливалась на юг в сторону Айран-Куля, образуя по пути несколько малых и мелких озерков, заболоченных и заросших густыми тростниками.

Редкие путешественники, побывавшие здесь 40—70 лет назад, писали, что в Эрике вода солоноватая, негодная для питья. Наш отряд посетил его — оно оказалось чистым и совершенно пресным. Тростник обрамлял берега. Мы увидели крошечный рыбацкий стан — две-три хижиньки-землянки, три лодки на галечном пляже, бочки для засола рыбы и сохнувшие сети.

Старший рыбак Ли Юн-чи хорошо говорил по-русски. Когда-то он жил в России, откуда привез русскую жену. Их дети работают на карамайских нефтяных промыслах.

Ли Юн-чи пригласил нас в самую большую хижину, но и она была мала и низка. К осевой балке, которая держала крышу, прилепилось ласточкино гнездо. В нем сидело четыре только что оперившихся птенца. В открытую дверь влетела красивая сине-белая ласточка. В клюве она принесла пищу малышам. Они вытянули головки и широко открыли рты. Меня поразило поведение ласточки. Она совсем не боялась людей. Гнездо было так низко, что даже ребенок мог достать его рукой. Доверчивость птички вырабатывалась постепенно. Гнездо с ее малышами не знало ни ветров, ни дождя, ни палящих лучей солнца. Так устраивает гнезда только деревенская ласточка, или, как ее называют в народе, касатка.

Ли Юн-чи рассказал нам об озере Эрик. Интересно, что в самые жаркие дни рыба не ловится. Она уходит на дно, в глубокие омуты, где спасается от теплой воды. Только с осени начинается лов.

Рыбак показал нам и озеро Ихэ-Хак, куда впадает Манас, с тех пор как высох его левый проток, питавший озеро Айран-Куль. Ихэ-Хак оказался большим, но мелким и очень соленым озером. И это понятно, ведь вода здесь растворила все запасы солей, которые долгое время накапливались в солончаке.

Когда будут построены водохранилища в горной части бассейна Манаса, человеку удастся использовать всю его воду для орошения. Лишившись питания, исчезнет и «Великая лужа». На солнце будут сверкать кристаллы соли. Вместо озера останется солончак.

В низовьях Манаса мы нашли еще один пример блуждания озер среди пустынных равнин. Теперь их известно

много и они уже не в диковинку. О причинах же блуждания озер я расскажу ниже, когда речь пойдет об удивительной истории реки Тарим и озера Лобнор — истории, занимавшей умы ученых в течение почти целого столетия.

Воды Манаса издавна отводили на поля. Крестьяне строили большие и малые каналы. У некоторых старых каналов дно покрылось речной галькой, а русло стало извилистым, как у реки. В таких случаях трудно отличить канал от естественного протока.

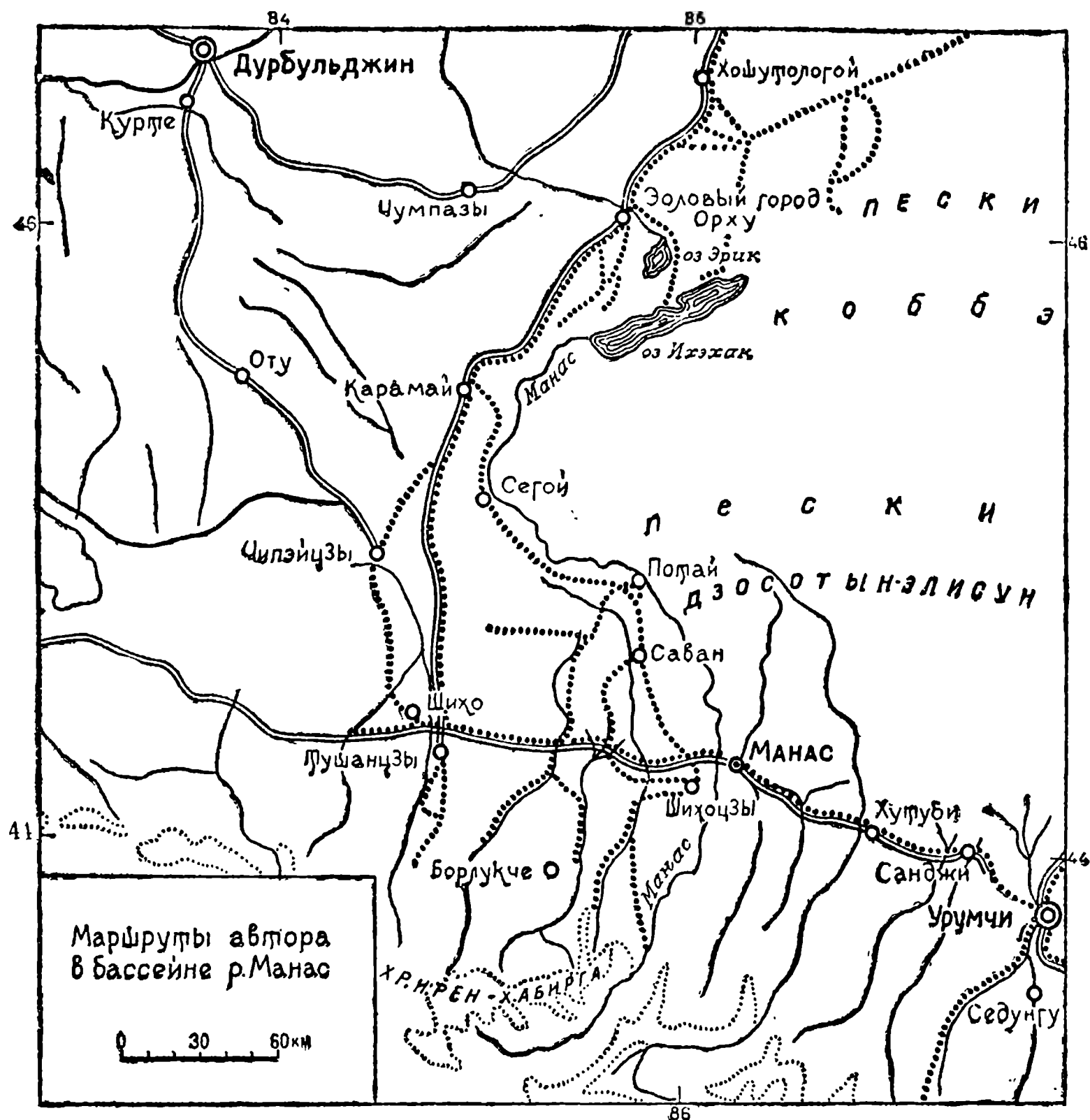
Манасские поля плодородные. В начале лета для поливов очень нужна вода, а в реках ее мало. Еще не успели подтаять снега и ледники, не потекли ручьи с высоких гор, не собрались в сильные потоки. Выручают водохранилища. Они позволяют регулировать подачу воды на поля. Нужен строгий расчет, нельзя быть расточительным.

В последние годы здесь построили новые оросительные системы, обводнили целинные земли. Теперь Манас известен во всем Китае. В бассейне этой реки освоен обширный массив пустынь. Каналы отвели воду из реки Манас на расстояние 60—70 километров, но вокруг еще много пустующих земель. И близок день, когда человек, преобразуя природу, использует до конца воды реки и еще больше расширит оазисы.

На целинные поля Манаса из провинций Восточного Китая приехали новоселы. Они прочно обосновались: обзавелись семьями, в новых поселках появились молодые граждане Китайской Народной Республики, родившиеся уже в Синьцзяне.

Как-то наша машина подошла к площадке детского сада одного из манасских государственных хозяйств. Веселые, круглолицые ребята отнеслись по-разному к нашему приезду. Одни продолжали заниматься своими какими-то, по-видимому очень важными и неотложными, делами и не обращали внимания на гостей. Другие в спокойном ожидании глядели на фотографов. А один, постарше, не отходил от машины. Этот несомненно будет шофером или трактористом.

Ребятишки в Китае всегда дружны, ласковы со взрослыми, трогательно доверчивы и как-то удивительно деловиты. Им некогда капризничать, да и у родителей мало времени потворствовать им. Плачущего ребенка можно

услышать редко, разве только когда он болен. Малыш — по-китайски «вава». Родители очень любят детей, но, как и всюду на Востоке, предпочитают сыновей.

Дети отца называют папой, мать — мамой. Некоторые наши молодые китайские друзья по экспедиции удивились, узнав, что и у нас ребяташки точно так же обращаются к своим родителям, и, возможно, подумали, что эти первые детские слова в русский язык попали из китайского.

Центр осваиваемых земель в бассейне Манаса — Шихоцзы. Еще в 1950 году здесь было пустынно. А теперь вырос благоустроенный городок, рядом с которым прошла железнодорожная магистраль. Перед въездом в город на шоссе указатель с надписью на китайском и уйгурском языках: «Новый социалистический город Шихоцзы».

Планы развития хозяйства северного Синьцзяна во многом связаны с ростом Шихоцзы. В окрестностях построен сахарный завод, в городе — маслобойный, мельница, лесопилка, а в ближайшие годы будет сооружена текстильная фабрика. Воду для Шихоцзы дает Манас, топливо — соседние каменноугольные копи в горах Тянь-Шаня, северный склон которых богат и строительным лесом.

До приезда в Китай мы много слышали об освоении целинных земель в бассейне Манаса. А теперь предстояло все лето изучать его природные условия и ресурсы, чтобы облегчить работу пионеров освоения Джунгарской пустыни.

Шихоцзы стал нашей базой.

В гостинице с роскошным цветником нас встретили приветливые девушки, мы их называли хозяйками. У входа лежали палочки с привязанными к ним лоскутками материи. Этими приспособлениями стряхивают обильную дорожную пыль. Мгновенно появились наполненные водой тазы для умывания.

В Китае гостиницы есть повсюду, и в них всегда найдутся свободные места. Как бы ни был мал городок, путника ждет чистая комната с ярким цветником. Мне пришлось посетить несколько государственных хозяйств в бассейне Манаса. Их усадьбы строились на пустырях. И всюду одним из первых зданий воздвигалась гостиница.

В Шихоцзы, в большой комнате гостиницы, предназначенной для деловых совещаний и называемой поэтому «беседкой», на стене висит большая карта. На ней иероглифами надпись: «План нового города Шихоцзы». Уже многое осуществилось из того, что предусмотрено этим планом, но многое еще строится. На глазах вытягиваются его улицы, возникают зеленые сады.

Как-то осенним ранним утром мы выехали в Джунгарскую пустыню. Стоял небольшой морозец, и низко над землей стелился туман. Кустарнички реамюрии белели инеем, в новых каналах вода покрылась тонкой прозрачной пленкой хрупкого льда. Каналы уходили в пустыню, за ними шла жизнь. Вдоль них тянулись новые сельскохозяйственные земли. В концах каналов образовались мелкие озерки, куда сливается оставшаяся после орошения полей вода. Там гоготали гуси, собираясь в осенний перелет. Нынешним летом и лебеди здесь обзавелись семьями. В Китае любят их, ухаживают за ними. Непуганые птицы.

ДЖУНГАРСКАЯ ПУСТЫНЯ

Над нашим лагерем раскинулись ветви тополей. Вблизи говорливый ручеек несет мутную воду. Стоим на заброшенной старой пашне. Вся земля в параллельных канавах и валиках.

В Китае даже полевые культуры возделываются на грядках, как у нас овощи на огородах. Так легче ухаживать за посевами, поливать по бороздкам, бороться с сорняками. Много труда отдает китайский крестьянин земле, и она благодарит его богатым урожаем. На юге Китая, где лето длинное и жаркое, земледельцы снимают в год по три урожая, в Синьцзяне два урожая в Таримской впадине и три в течение двух лет в Джунгарии. Осенью сеют озимую пшеницу, в июне следующего года ее уже косят и сразу же перепахивают и сажают овощи либо кукурузу, которые успеют созреть до осенних заморозков. Зимой земля отдыхает, а весной ее используют под яровые культуры.

Все готово к отъезду, осталось только сложить койки-раскладушки и свернуть палатки.

Наконец трогаемся в путь. Одна машина за другой идут на север, в пустыни Джунгарии. Медленно едем по редколесью из тополей и вязов, нас подбрасывает на канавах и ямах. Но вот открылась плоская равнина, заросшая мелкими кустарничками. Позади на юге громоздятся белые вершины Тянь-Шаня. Мы еще долго будем видеть их на горизонте.

В первый же день нашего путешествия мы заметили многочисленные русла, протянувшиеся в глубь пустыни. Они врезаны в окружающую равнину на 10—20 метров, имеют террасы. Значит, здесь некогда текли реки. Теперь русла сухие, нет ни ручейка, ни родника, нет следов даже временных потоков. Вода уже давно оставила эти мертвые долины.

Растительность тут особая. Сильные деревья с густыми кронами зеленеют среди бурых равнин. Разнолистные тополя и вязы растут как бы коридорами, протянувшимися на километры.

Недаром такие заросли называют галерейными. Они извиваются по дну и террасам русел, повторяя их рисунок. А всюду вокруг галерейных зарослей на равнине растет низенький деревянистый и жесткий кустарник. Это настоящий пустынный житель Центральной

Азии, и не случайно ботаники называют его реомюрией джунгарской. Именно эта реомюрия создает сплошной желто-бурый ковер в подгорной пустыне.

Откуда же деревья получают воду? Ведь им немало нужно влаги. В одной из таких долин нашли колодец. Он был вырыт в песках и суглинках на глубину 11 метров. На дне поблескивала вода. Вот, оказывается, как далеко под землю спрятался грунтовый поток. К воде со стен колодца спускались тончайшие окончания корней тополя. Нелегко деревьям приходилось в борьбе за жизнь. Высоко нужно поднимать влагу, чтобы обеспечить испарение, а значит, и охлаждение листьев, когда знойным летом земля нагревается до 60—70°.

Колодец находился на дне мертвой долины. Деревья же растут по склонам и террасам, поднимающимся на 3—4 метра над ними, высота крон достигает 6—10 метров. Вот и подсчитайте, какой это мощный насос — пустынный тополь, перегоняющий воду вверх на 25 метров. Какая разветвленная и глубокая корневая система должна быть у этих деревьев!

Таких мертвых долин и галерейных лесов нет в наших пустынях Средней Азии.

В отдельных местах мертвые долины Джунгарии обрывисты, глубоки, ясно выделяются среди равнин. Там, где выпадает мало дождей, такие формы земной поверхности сохраняются очень долго. Сухой климат — прекрасный консерватор. Археологи, раскапывая в пустынях древние могилы или остатки некогда больших городов, всегда находят хорошо сохранившиеся предметы домашнего обихода, украшения, одежду и даже бумагу, издавна известную в Китае.

Как же образовались мертвые долины? Когда по ним текли реки?

Мертвые долины имеют главное направление с юга на север, они параллельны современным рекам. В прошлом, во время великого оледенения, с гор Тянь-Шаня на Джунгарские равнины устремлялись большие бурные реки. Кончилось оледенение. Стало суше. Граница снега в горах повысилась. Небольшие реки, которые начинались в среднем поясе гор, высохли, но сохранились их русла. Живыми остались только большие реки с верховьями, лежащими у современных ледников и снежников. Но и они стали беднее, так как многие их притоки иссякли.

Это произошло десять-пятнадцать тысяч лет назад. Для геологии это ничтожный отрезок времени. Уже тогда жил первобытный человек.

Кочевники-скотоводы в Джунгарской пустыне хорошо используют мертвые долины, где легче построить колодец, который всегда будет полон пресной водой. В долинах растут леса, а значит, всегда есть строительный материал и топливо. На дне русл зимой не так сильно ощущаются сильные и холодные зимние ветры. Здесь хорошо устроить зимовку.

В обрывах мертвых долин много мелких норок. В некоторые из них можно свободно просунуть руку. Обрывы слоисты, и норки расположены в самых мягких и рыхлых слоях. Ниже и выше норок нет. Право же, какой-то разборчивый строитель работал только там, где рыть было проще и быстрее.

Кто же хозяин этих земляных жилищ, кого приютили они в обрывах мертвых долин? Пестрая и яркая маленькая птичка — зимородок. Зимородок — ловкий охотник за рыбками, он подолгу неподвижно сидит, терпеливо высматривает добычу, а затем, падая в воду, длинным клювом вылавливает рыбку. Но эта птичка ест и разных насекомых и их личинки. А насекомых в Джунгарии великое множество. Их привлекает богатая растительность мертвых долин.

Я не видел зимородков по берегам джунгарских русл, может быть, птички оставили свои норки, когда высохли реки. Возможно, эти гнезда служат каким-то другим хозяевам, имени которых пока не удалось установить. Такие же норки в береговых уступах устраивает и самая маленькая серая ласточка, которую и называют поэтому береговой.

Каменистые пространства пустыни поражают безжизненностью. Как панцирем, покрывают камни землю, предохраняя ее от разрушения, но и не давая пробиться растениям.

Черный и бурый щебень и галька делают пейзаж еще более мрачным, и только белые палатки нашего лагеря да автомашины напоминают о жизни, о человеке.

Такие каменисто-галечные пустыни встречаются больше в Джунгарии. Нет их ни в Каракумах, ни в других пустынях Средней Азии, ни в Южном Синьцзяне, в пустыне Такла-Макан. Местами поверхность сплошь покрыта галь-

кой. Можно долго любоваться ее прекрасно окатанной формой, окраской мягких нежных тонов: розовой, кремовой, белой. Особенно много было кварцевой гальки. Это один из самых крепких минералов.

Откуда в пустыне эта галька? Какие силы принесли сюда камни, окатали их, разбросали на десятки километров? Мы долго ломали головы. Постепенно выяснилось, что галька принесена сюда реками.

На севере Джунгарии и в горах Алтая мы видели много кварцевых жил. Кварцевые скалы нередко белели среди черных мелкосопочников. Рядом с кварцем валялись кусочки густо-красного граната. Вот где источник кварца, его коренные месторождения! Отсюда этот крепкий минерал реки и временные потоки выносили на юг. По дороге одни камни разрушались, превращались в песок, ил, а другие, более твердые, — окатывались, становились галькой.

Но нужно было ответить еще на некоторые вопросы. Почему скопления кварцевой гальки приурочены либо к плоским приподнятым поверхностям останцов, гряд, невысоких возвышенностей, либо залегают в непосредственной близости под ними? После ледникового периода, когда с Алтая обильные водные потоки несли много осадков и откладывали их на равнинах Джунгарии, прошли многие тысячелетия. За это время поверхность пустыни размывалась и развеивалась, ее высота понизилась. Но там, где твердой гальки было много, она образовала сплошную скатерть. Камень, как броня, прикрыл более мягкие породы и предохранил их от разрушения. Вот почему такой рельеф называют бронированным.

А почему же галька обильно встречается у подножия гряд и холмов? На этот вопрос ответить уже просто. С поверхности возвышенностей камень выносился дождевыми водами вниз, где и откладывался. Этот процесс продолжается и на наших глазах.

Западная часть Джунгарии, прилегающая к Советскому Союзу, гориста. Полвека назад ее внимательно изучал Владимир Афанасьевич Обручев. Три года он работал на западе Китая, а затем написал большой труд, который назвал «Пограничная Джунгария». В. А. Обручев известен и как писатель. Многие увлекались его научно-фантастическими романами «Плутония» и «Земля Санникова». Одна из повестей Обручева — «Золотоискатели в пустыне»

вводит в мир западной Джунгарии, где издавна старатели мыли золото. В. А. Обручев рассказывает, как в пустынных сопках жил «отшельник черных холмов». Он ковшем собирал в ямах нефть и сливал ее в бочки. Из ближайшего города приезжали люди и вывозили на подводах все, что накопил этот одинокий человек, затерявшийся среди унылых гор.

Многое изменилось с тех пор в пустынных горах. Здесь вырос большой город нефтяников—Карамай, что в переводе с казахского и уйгурского значит «черное масло». Отсюда в разные концы пустыни ушли геологи-разведчики, а за ними бурильщики. То там, то здесь виднеются контуры ажурных буровых вышек.

Как-то среди плоских равнин я заметил тонкий белый столб. Он переливался и поблескивал на солнце. Приблизившись, видим... фонтан. На высоту восьми-девяти метров он выбрасывает сильную струю. Сколько пресной воды, а кругом ни деревьев, ни кустарников, ни тростников. Нет и человеческого жилища.

Хочется напиться холодной свежей воды, но это не так-то просто: кружку выбивает из рук. Пытаюсь поймать падающие сверху струйки, но в кружку ничего не попадает. Ударяясь о дно, вода отскакивает, рассыпаясь мелкой прозрачной галькой.

Но вот к фонтану подкатила мощная автоцистерна. Шофер подошел к устью скважины и надел на трубу толстый резиновый шланг. Минут через двадцать пять семитонный бак был наполнен. Напоить автомашину оказалось гораздо проще, чем напиться мне. Подсчитываю, что в одну минуту скважина дает 240 литров воды. За сутки фонтан может наполнить 58 семитонных автоцистерн вкусной и идеально чистой водой. Разве в пустыне это не богатство?

Откуда взялся источник воды? На этом месте нефтяники начали бурить нефтяную скважину. Но пробурили только 60 метров, и из земли ударил фонтан чистой пресной воды. Рабочие очень нуждались в ней и обрадовались ее обилию.

Оказалось, что здесь проходит мощный грунтовый поток, питаемый рекой Дарбуты. По выходе на равнину река, как это обычно бывает в сухих областях, иссякает, но под землей все еще течет, а воды ее испытывают давление. Поэтому-то с силой бьет искрящийся фонтан чудесной воды.

На горизонте какие-то крепости, башни, бастионы. Что это? Забытая столица средневековой страны? Нет, все это тысячелетиями создавали вода и ветер в горизонтальных пластах песчаников и глин.

В. А. Обручев в 1905 году обнаружил это чудо природы и назвал его «Эоловым городом», тем самым выделяя на первое место роль ветров в его строительстве. Эоловый город — яркий пример, показавший, к чему может привести разрушение рыхлых отложений в условиях сухого климата. Говорят, здесь живут джинны, по ночам они воют и кричат страшными голосами. Не случайно суеверные люди называли это место городом нечистых духов.

В годы работы В. А. Обручева Джунгария была объята великим сном. Кругом необразимая пустыня. Тишина. Временами вспыхнет ссора среди кочевников или восстание против богдыханских чиновников, и опять тихо.

Многое изменилось с тех пор. У подножия Эолового города, на берегу небольшой речки Дям, селение — районный центр. Чернеет буровая вышка. По новому автомобильному тракту то и дело проносятся тяжелые грузовики, бензовозы, крытые экспедиционные машины.

Бескрайние пески раскинулись в Центральной Джунгарии. Холмистые гряды громоздятся друг за другом и уходят за горизонт в неведомую даль. В песках, если есть колодцы с пресной водой, жить гораздо удобнее, чем на открытых равнинах. В песчаных пустынях хорошо развивается растительность, а это значит, что есть пастбища для овец, коз, верблюдов. В межгрядовых котловинах не страшны ветры, всегда много топлива и зимой не приходится страдать от холода, хотя морозы бывают очень суровыми.

Лучшее топливо азиатских пустынь — саксаул. Это замечательное растение. Верблюды охотно поедают его зеленые веточки, заменяющие листья. Веточки испаряют гораздо меньше влаги, их поверхность ничтожна по сравнению с площадью листовой, и это помогает саксаулу хорошо сохранять воду. Молодой саксаул тянется вверх, он сильно ветвистый, иногда с округлой кроной; старый — кряжистый, изуродованный годами, с извилистыми заскорузлыми ветвями. Умирая, он оставляет толстые стволы, сухие, очень твердые, но хрупкие. Древесина его тяжелая и тонет в воде.

В Советском Союзе, в Каракумах и Кызылкуме, растут два вида саксаула: белый любит пески и охотно селится

на них, почему его еще называют песчаным; черный — предпочитает суглинистые равнины, уживается на засоленных почвах, иногда образует густые и высокие заросли. Тогда говорят о саксауловых «лесах». Конечно, такие «леса» не похожи на обычные.

В Центральной Азии, в пустынях Джунгарии, можно встретить белый саксаул, но наиболее распространен третий вид — зайсанский. Он назван так по имени озера Зайсан в Казахстане, где впервые был найден и описан ботаниками.

Русские люди познакомились с саксаулом в далеком прошлом. Федор Байков в 1654—1656 годах был послан в Китай во главе русского посольства царем Алексеем Михайловичем. Путь пролегал через Джунгарию. В дорожном дневнике или, как тогда говорили, в «статейном списке», можно найти такую запись: «Камень, степь голая, только лес небольшой, называют его соскоул; растет невысоко, дерево тяжело, а на огне горит, что дуб, топко».

И действительно нет равного саксаулу топлива. Даже дуб не может дать больше тепла. Сколько раз в зимние холодные ночи спасал нас костер из ветвей этого кустарника-деревца. Долго, ровно горят дрова. А как хороши лепешки, выпеченные в золе потухающего костра!

Чтобы освоить целинные земли Джунгарии, пришлось выкорчевать много саксаула. В поселках новоселов его собирали в громадные кучи. Уродливые, причудливо переплетающиеся стволы похожи на гигантский клубок змей или склад оленьих рогов.

Саксаул не пилят — пила его не берет, не колют топором — сталь быстро тупится. Расщепить ствол трудно: волокна в древесине сложно переплетены. При заготовке саксаул обычно ломают обухом топора.

На севере Джунгарии протекает Черный Иртыш — летом полноводная река, окаймленная зеленой полоской лесов. В бассейне Иртыша много пустующих земель. Поэтому возникла задача: подпрудить реку плотиной и направить ее по каналам на орошение.

Использование водных запасов Иртыша связано с освоением параллельно текущей реки Урунгу. Она несет меньше воды и впадает в большое озеро Улюнгур, лежащее в плоских берегах среди пустыни. Необозримое пресное море, с поверхности которого ежегодно бесполезно испаряется более кубического километра воды. Если Урунгу

перегородить плотинами, создать несколько водохранилищ, то можно будет использовать ее запасы для орошения. Такая задача ставится в настоящее время и ее осуществление приведет к тому, что озеро Улюнгур должно будет высохнуть, так как нет других видимых источников его питания.

Озеро Улюнгур

Улюнгур — бессточный бассейн. А рядом, совсем рядом, в трех километрах от его северного берега, протекает Иртыш, который как будто никак не связан с озером. Такое необычное соседство двух гидрографических систем давно привлекало внимание исследователей природы Джунгарии. Здесь повторяется картина взаимоотношений между Чу и озером Иссык-Куль, когда река стремится к Иссыккульской котловине, достигает ее и подходит к западному берегу озера, но в двух километрах от него резко поворачивает в сторону и уходит в Боамское ущелье. Одни ученые предполагали, что в прошлом, когда уровень озера Улюнгур был более высоким, вода из него сливалась в Иртыш через проток, другие утверждали, что они связаны подземным путем, так как Иртыш ниже озера по течению вдруг становится полноводнее, не принимая значительных притоков. Но были и такие исследователи, которые считали, что соседняя река Урунгу раньше впадала в Иртыш выше озера, которого тогда не существовало. Затем Урунгу углубила свою долину, ушла в сторону и залила большую плоскую межгорную котловину. Так родился Улюнгур.

Наша экспедиция несколько дней работала в этих интересных местах. Мы ездили по восточному побережью озера, бродили по дельте Урунгу, стараясь узнать, как же она была связана в прошлом с Иртышом.

В низовьях Урунгу образует обширную дельту. Здесь хорошо видны следы блужданий речного русла. Теперь река впадает в небольшое озерко Баганур, связанное проливом с Улюнгуром. На северо-восточном берегу мы нашли прекрасно сохранившиеся прибойные валы, самый большой из которых возвышался на 22 метра над водой.

Значит, озеро образовалось давно, и раньше уровень был выше современного по крайней мере на 22 метра. Многие сухие котловины вблизи озера некогда были его заливами. Но если уровень Улюнгурского было на 22 метра выше современного, то где-то должен был быть и слив. Конечно, это место скорее всего надо искать близ Иртыша. Туда мы и направились.

Долго бродили по узкому перешейку между рекой и озером. У озера протянулся узкий галечно-песчаный пляж, над которым высится обрыв. В одном месте обрыв поднимается над озером всего на 3—5 метров. Может здесь и происходил слив озерных вод? Но от этой седловины к обширной и глубокой впадине под горами Карабашчагыл идет сухой лог, а во впадине нет ни озерных отложений, ни следов протока или речных наносов. Так и остается пока неразгаданной прошлая связь озера Улюнгурского с Иртышом. В настоящее время Иртыш в этом месте течет на 14 метров выше уровня воды в озере, но когда в Улюнгурском было больше воды, картина была обратная: тогда уровень озера превышал уровень реки на 8 метров и сток из озера мог существовать, если бы не преграда — вал между ними. Но вал низкий и, быть может, не служил помехой при высокой воде? Утверждать трудно. Необходима точная техническая нивелировка перешейка суши между Иртышом и Улюнгурском, а ее пока нет.

Если озеро не было проточным, то почему в нем пресная, а не соленая вода? Она просто не успела засолониться, хотя испарение в условиях сухого и жаркого лета очень большое. Значит, сток, несомненно, был. Но где?

Может быть, существовал подземный поток из озера в Иртыш. Нет, такого потока не было потому, что перемычка суши между ними сложена коренными водонепроницаемыми породами. Иртыш же, несколько увеличивая свою мощность ниже Улюнгурского, не принимал притоков, потому что справа от него расположена обширная древняя и современная дельта реки Кран, одной из самых больших алтайских рек, которая впадает в Иртыш ниже. Дельта же, подобно губке, насыщена грунтовыми водами; они-то в виде линии родников и выклиниваются в долине Иртыша, пополняя его запасы.

Когда будут завершены гидротехнические работы, озеро Улюнгурское начнет высыхать. Возникнут искусственные озера-водохранилища по Иртышу и Урунгу, возник-

нут новые реки. Их создаст человек. Вокруг зазеленеют поля, а по каналам, как по кровеносным артериям, побежит вода, тесня Джунгарскую пустыню.

В ее восточной части нет ни рек, ни озер. Редкие колодцы позволяют скотоводам держать животных. Караванные дороги пересекают черные каменистые гаммады, солончаки, пески, широкие долины. Они направлены на запад.

Современные водные потоки и древние, ныне не существующие реки размыли местами коренные отложения — глины, песчаники. Обнажились пестрые слои разноцветных, ярко окрашенных пород. Целый лес из стволов окаменевших деревьев можно видеть к северу от города Гучена. Когда-то климат в Джунгарии был иной и вместо пустынь шумели там леса. Но это было очень давно.

На востоке Джунгарии сохранилось редчайшее животное — дикая лошадь. Только в конце прошлого столетия она стала известна зоологам, когда наш знаменитый путешественник Н. М. Пржевальский добыл шкуру этого животного у местных охотников и привез в Петербург в Зоологический музей Академии наук. Дикая лошадь получила имя Пржевальского. Но первым из ученых, кто наблюдал эту лошадь на воле, был другой исследователь Центральной Азии — Г. Е. Грумм-Гржимайло.

«Не успел я отползти и шестидесяти шагов,— писал он,— как с фырканием и храпом вылетел из кустов жеребец. Казалось, это сказочная лошадь — так хорош был дикий! Описав крутую дугу около меня, он поднялся на дыбы, как бы желая своим свирепым видом и храпом испугать врага. Клубы пара валили из его ноздрей. Вероятно, ветер был неблагоприятный, и он меня не почуял, потому что, вдруг опустившись на все четыре ноги, он снова пронесся карьером мимо меня и остановился с подветренной стороны. Тут, поднявшись на дыбы, он с силой втянул воздух и, фыркнув, как-то визгливо заржал. Табун, стоявший цугом, мордами к нам, как по команде, повернулся кругом (причем лошадь, бывшая в голове, снова перебежала вперед) и рысью помчался от озера. Жеребец, дав отбежать табуну шагов на двести, последовал за ним, то и дело описывая направо и налево дуги, становясь на дыбы и фыркая...

Грянул выстрел, и от страха, что промах, у меня волосы стали дыбом. «Нет, вот красное пятно под самой лопаткой — попал, что же не падаешь?» — мелькнуло в голове. Вдруг лошадь рванулась и, сделав дугу, стала другим бо-

ком. Бессознательно я снова приложился и выстрелил. Лошадь упала на колени, но, быстро вскочив, рванулась вперед, то падая, то снова подымаясь. «Скорее, скорее стрелять!» — и я судорожно вталкивал новые патроны в ружье. Между тем табун круто повернул назад. Думая, что выстрел был спереди, он сначала рысью, а потом карьером пронесся мимо меня. Боясь потерять уже раненное животное и помня крепкоранность травоядных, я уже не обращал внимания на лошадей, а то не одно бы животное осталось на месте. Я выскочил из-за куста и бросился к моей жертве. Все ее старания уйти были напрасны: обе лопатки были пробиты пулями, и хотя лошадь двигалась, но очень медленно. Две новые пули, из которых одна перебила хребет, покончили дело. Лошадь упала на бок и осталась неподвижной. Не могу выразить того чувства радости, которое охватило меня. Наконец-то мы добыли то, что еще в Петербурге было темой бесконечных разговоров: удалось убить животное, которое так старательно искал и не нашел знаменитый охотник и стрелок Пржевальский!»

Наша экспедиция пересекала восточную Джунгарию в знойные июльские дни. Мы часто встречали джейранов, но диких лошадей Пржевальского не видели. Эти бдительные животные, конечно, могли издали услышать шум моторов и заблаговременно уйти. Но вернее всего, джунгарские скакуны оставили район, где проходят машины, и удалились в глубь пустыни, подальше от человека.

Этот день запомнился почему-то очень хорошо. Может быть, потому, что было нестерпимо жарко и ослепляло яркое солнце. На небе ни облачка, над пустыней чуть заметный сухой туман, но он не спасал от прямых солнечных лучей. В одном из оврагов пили полуденный чай в тени обрыва, стараясь тесней прижаться к нему, чтобы больше воспользоваться скудной короткой тенью. То и дело на горизонте возникали миражи, возникали и пропадали.

Ощущение жары несколько умерялось разнообразием безлюдного пути. Машины то быстро мчались по ровному плато, то медленно ехали по солончаковым впадинам с бело-серыми налетами солей на рыхлой почве, то осторожно спускались по узким и извилистым оврагам, то затейливыми петлями блуждали среди небольших гранитных сопок. Местами вдали виднелись широкие сухие долины, по которым когда-то текли неизвестные реки. Чем ближе к

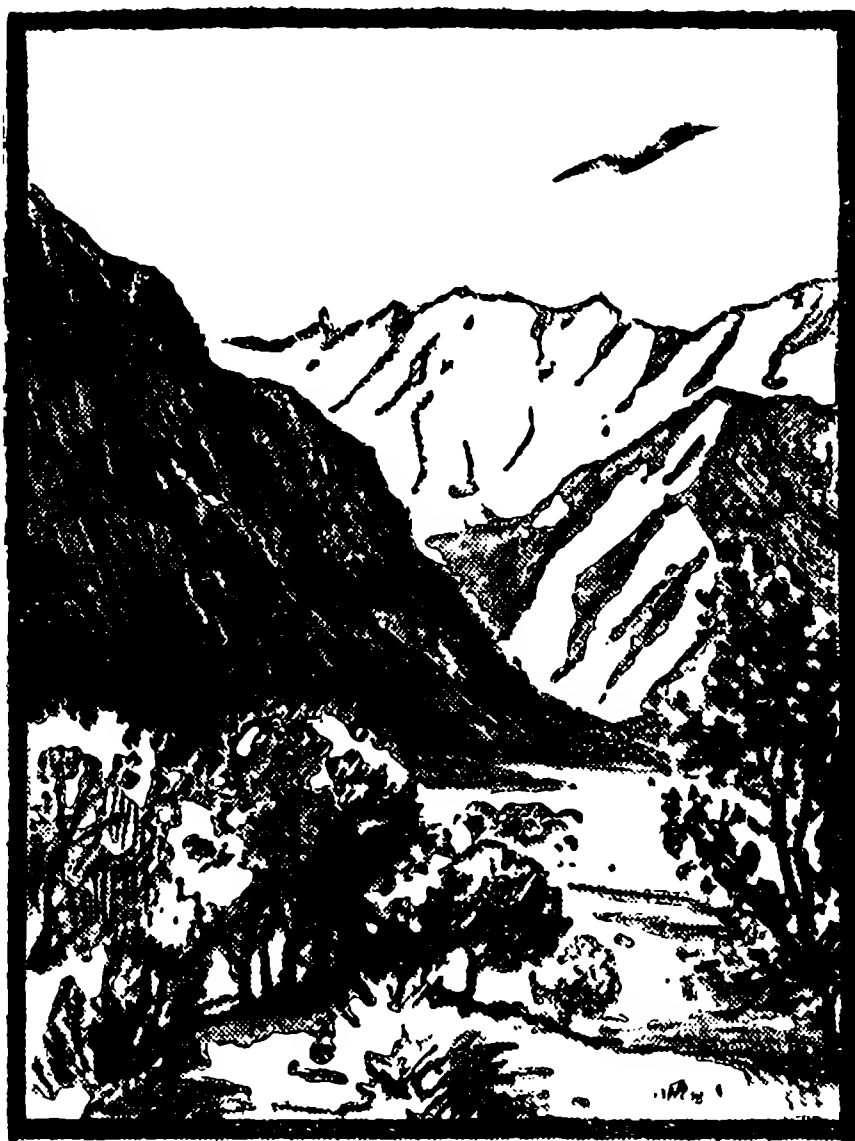
Тянь-Шаню, тем чаще глинистые почвы, местами заросшие чахлыми кустарниками, и массивы песков, через которые машины проходили, рыча моторами и не без нашей помощи.

Во второй половине дня на южном горизонте стали вырисовываться снеговые вершины Тянь-Шаня. До них еще километров двести. С каждым часом они все яснее проступали из воздушной дымки. К вечеру синими контурами выступили холмы, сопки, низкие горы: картина горизонта напоминала о былинах, о героях-богатырях, ушедших в неведомые края в поисках счастья...

Вечера в Джунгарии с их прозрачными пустынными горизонтами, нежными красками заката и нестерпимо синими холмами казались необыкновенными. Какое-то сказочное Синегорье. С наступлением темноты исчезают дали, ярче полыхает костер, жарко горит саксаул. И вот уже раздался первый резкий крик ночной птицы. Ночь вступила в свои права. В такую ночь может присниться ведьма, которая прилетит на саксауловом помеле расправиться с путниками, забредшими в ее заколдованное царство.

И в самом деле заколдованный край. 15 июля 1959 года вечер застал нас на берегу быстрой Урунгу. В девять часов темное небо начало как-то странно светлеть. Через несколько минут красно-малиновые сполохи окрасили северную и северо-западную части горизонта. Они на глазах стали подниматься, и скоро небосвод засветился яркими цветными красками. То было северное сияние в Центральной Азии, на широте 46° , на широте Астрахани и Крыма. К десяти часам вечера сполохи охватили три четверти неба, а затем стали убывать. Краски тухли, ночь стала серой. Луна залила холодным серебром уснувшую пустыню.

В ГОРАХ КИТАЙСКОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

НИЖЕ УРОВНЯ ОКЕАНА

се участники экспедиции хотели попасть в Турфанскую впадину в горах Китайского Тянь-Шаня. Может быть, там никто из ученых не был, никто не рассказал о ней? Нет, почти все, кто изучал Синьцзян-Уйгурскую автономную область, старались построить маршрут так, чтобы посетить Турфан. Но почему?

И в Средней, и в Центральной Азии нет другой котловины, дно которой лежит так глубоко, как у Турфанской. У озера-солончака Боджанте, на самом глубоком месте, она на 154 метра ниже поверхности океана. Только в очень пустынных районах земного шара такие впадины остаются сухими. Там же, где дождей выпадает много, а реки полноводны, на их месте обязательно возникают большие и глубокие озера.

Турфанская впадина окружена горами. Здесь начинаются несколько маловодных речек. Но они не добегают до центра впадины, а просачиваются в рыхлые грунты на подгорных равнинах.

Только одна река — Алгой во время разлива прорывается к солончаку Боджанте, но и она финиширует совершенно обессиленной.

К Турфану выходит горное ущелье Баянхо. Здесь издавна караваны пересекали горы Тянь-Шаня. Позже была проложена дорога, по которой двигались двухколесные арбы. Теперь по хорошему автотракту мчатся машины. Ущелье оглашается гудками паровозов и тепловозов, тянущих составы по железной дороге из Урумчи в Ланьчжоу. Через года два скорый поезд Москва — Пекин повезет вас не только через Урал, Сибирь, Дунбэй или Монголию, но и по другому пути — через степи Казахстана и Джунгарии, горы Тянь-Шаня и Наньшаня. Этот новый путь будет не менее интересным, чем старый. К тому же новая дорога самая короткая между двумя столицами.

Когда мы работали в Синьцзяне, поезда еще не ходили. Приближаясь к Баянхо, мы слышали взрывы. Это готовили полотно для дороги, пробивали туннели, сносили все, что мешало строителям.

Из ущелья выехали на подгорную равнину, наклонную к Турфанской впадине. Сплошной камень, гладкий, окатанный или чуть ребристый. Ни кустика, ни травинки. И так на десятки километров. Здесь нет жизни, только одни сухие лишайники, чуть заметные на нижней части крупных камней.

Удивительна каменистая пустыня — гаммада. Горы снабжают ее камнями. Горная возвышенность разрушается: скалы растрескиваются на большие глыбы, глыбы на камни, они в свою очередь на щебень. Так на месте возвышенности возникает гаммада. Но окаймляющая с севера Турфанскую впадину пустыня возникла по-иному. Как ни странно, но она создана водой...

Редко-редко пройдет гроза, засверкает молния, ударит гром. Быстрые потоки обрушиваются с гор. Ливневая вода несет много грязи, щебня, валунов, перетирая, сглаживая их поверхность. Отгремит гроза, окончится ливень. На земле останется камень, много камня. Крупные валуны откладываются ближе к горам. Подальше от них потоки разливаются, теряют свою энергию и уносят вдаль только

мелкие камни. Так возникает гаммада — самая безжизненная пустыня, где сквозь каменную броню не пробьется ни дерево, ни куст. Сухо. Летнее солнце накаляет ее, и тогда земля, одетая камнем, обдает человека жаром гигантской печи.

Последний хребет перед Турфанской впадиной. Уйгуры называют его «Тузтаг», что значит «Соленые горы». Это не случайно, в горах нередко встречаются корочки соли, обыкновенной поваренной соли, правда, не очень чистой — с примесью глины или песка.

Как странно разрисован склон Тузтага. Как удивительно правилен узор параллельных ложбин! Какой же мастер-художник создал эту скульптуру? Опять вода! Это она украсила землю неповторимыми пейзажами. Ей не мешает растительность. Мягкий грунт — прекрасный материал, легко поддающийся резцу — текучей воде. И здесь пустыня, на этот раз глинистая, тоже без деревца, без кустика, без травинки.

С Тузтага открывается далекая панорама Турфанской впадины и ее оазисов. Вскоре мы въехали в город Турфан, славный своим хлопком, виноградом, фруктами, ароматными дынями и громадными арбузами с ярко-красной мякотью.

В Турфане лето знойное, долгое. Температура в тени нередко превышает 40°. Горячее дыхание летнего ветра обжигает человека. Огненный край. В Китае нет места более жаркого, чем Турфанская впадина.

В конце X века из Пекина в Турфан был отправлен послом сановник Ван Ян-дэ, которого поразили зной и сухость этих мест. В своих записках он пишет: «Не выпадает в этой стране ни дождей, ни снегов, и жара там невыносимая. В самую знойную пору года жители удаляются в подземелья. Птицы усаживаются тогда стаями по берегам рек, и если случаем вздумают полететь, то, как бы обожженные солнцем, падают и ломают себе крылья. Дома покрыты белой глиной...

Многие достигают глубокой старости: между стариками насчитывается обыкновенно немало столетних. Случаев преждевременной смерти почти не бывает».

Длинное жаркое лето позволяет крестьянам собирать два урожая в год, выращивать длиноволокнистый хлопчатник, очень требовательный к теплу. А с турфанским кишмишным виноградом никакой другой сравниться не

может: он сладок, мягок, не имеет косточек, его так и называют «белый бессеменной».

На главной улице города расположились маленькие открытые лавки. Торговля идет не бойкая: орешки, дынные и арбузные семечки, кишмиш, сухие абрикосы. Местные жители не нуждаются в них. Они растут в каждом маленьком зеленом городском дворе. У торговца расчет на проезжающих. Через город проходит оживленная автомобильная магистраль. Пассажиры толпятся здесь весь день, одни обедают, другие ночуют.

Дороги длинные. Чтобы из Урумчи попасть в Хами — первый значительный город по пути в Восточный Китай, — нужно проехать по пустынным местам 600 километров. Как ни радоваться Турфанскому оазису на этом долгом пути! Правда, теперь, когда близ города прошла железная дорога, транспортное значение Турфана сразу упало.

Нам рекомендовали посетить Буйлюк, который лежит недалеко от Турфана, чтобы посмотреть его знаменитые виноградники. Да и мы сами очень хотели попасть туда, так как читали о Буйлюке в китайских журналах. К тому же, что греха таить, надеялись, что нас угостят замечательным турфанским виноградом. Как уехать из Турфанской котловины и не полакомиться им?

Неширокая долина Буйлюка окружена пустынными горами. Пирамидальные тополя и шелковичные деревья защищают сады и виноградник от ветра. Их орошает небольшая речка.

С весны до поздней осени здесь собирают фрукты. Уже в мае едят абрикосы. Затем поспевают белая сладкая шелковица, груши, инжир, персики, гранаты и, конечно, виноград. Недаром Буйлюк называют виноградной долиной. Население в Турфанской впадине занимается виноградарством уже несколько сот лет.

В Буйлюке я побывал дважды — ранней и поздней осенью. В сентябре шла уборка урожая. Уйгурки собирали кисти дымчатых янтарных ягод. Из мелкого сладкого сушат изюм. Тонкий удлинённый — у нас называют его «дамскими пальчиками» — столовый сорт, его лучше есть свежим. Он сочен, не очень сладок. На Востоке он известен под названием «хусейни», что значит «длинный». Каких только сортов винограда здесь нет: и белый, и красный, и черный, и пурпурный.

Сбор винограда в Турфане напомнил мне узбекские виноградники в Ферганской долине. Те же тополя и деревья шелковицы, та же одежда на молодой уйгурке, что и на девушке узбечке, та же тибетейка, обязательная как у мужчин, так и у женщин, и те же корзины, наполненные тяжелыми кистями.

Уйгуры угощали нас виноградом. Они срезали его прямо с куста и преподносили нам левой рукой, а правую прижимали к сердцу. «Кушайте, пожалуйста, лучше этого винограда нет во всем Синьцзяне». Мы испробовали несколько сортов, но нам приносили все новые и новые. Увы, сколько может человек съесть даже самого лучшего винограда?

И теперь, когда я пишу эти строки, живо вспоминаются зеленая долина в турфанских горах, прозрачный воздух и яркий свет южной осени, тихие сады с висящими кистями солнечных ягод, молодая уйгурка в пестром свободном платье и узорной черно-белой тибетейке. В Москве тоже осень, но как она не похожа на турфанскую. За окном ненастье, хлещет дождь, сильный ветер яростно срывает желтый лист. Далеко, далеко отсюда до уютного Буйлюка с его чудесными виноградниками.

Когда-то, очень давно, турфанцы производили лучшие в Китае вина, но, став мусульманами, они забыли искусство виноделия. Религия ислама строго-настрого запрещает пить вино. В священной книге — Коране — сказано: правоверный последователь пророка Магомета не должен ни брать вина в рот, ни прикасаться к нему.

Что же делать с обилием винограда? Хранить его трудно, давить на вино нельзя. Остается сушить. Поэтому в Турфане издавна делают изюм. Для этого строят специальные домики-сушильни, стены которых испещрены отверстиями, через которые свободно проникают сухие ветры окружающих пустынь. Внутри сушильни стоят деревянные жерди с частыми крестовинами — многоярусные вешалки. На них развешивают виноград. Когда ягоды высыхают, они отрываются от кисти и падают на земляной пол, гладко обмазанный глиной. Пройдет немного времени, и с пола соберут готовый сладкий зеленоватый изюм.

Потом его просеют через крупное решето, выберут крошечные плодоножки, попавшие вместе с ягодой, провеют. Ветер унесет пыль. Обычно это делают в ноябре. На полотнах лежат кучки просеянных и провеянных ягод. И тут

же их ссыпают в аккуратные белые мешки. В каждом 50 цзинь, или 25 килограммов. Для того чтобы получить такое количество сухой ягоды, перерабатывают 100 килограммов винограда.

В ноябре солнца в Турфанской впадине еще много. Трудно смотреть против слепящих лучей. Ноябрь яркий и теплый, но, может случиться, декабрь или январь окажутся суровыми. Ясной звездной ночью грянет мороз, температура опустится до минус 15 или 20 градусов. Турфанская впадина находится в Центральной Азии, среди пустынь. Климат здесь резко континентальный: летом очень жарко, а зимой очень холодно. Погибнет тогда виноградная лоза, вымерзнет куст, привыкший к теплу. Особенно боятся холода нежные бескосточковые изюмные сорта. Чтобы защитить растение от морозов, в октябре — ноябре садоводы пригибают тонкие ветви винограда и засыпают их землей. Получаются большие плоские бугры. Теперь даже сильные морозы не страшны кустам. В таких домиках-землянках они проживут до весны. Весной виноградные кусты освободят от земли, они увидят белый свет, согреются под теплыми лучами солнца и зацветут мелким цветом.

Турфанская впадина бедна водой. Ее не хватает на орошение садов, полей, плантаций хлопчатника. Веками боролись турфанские крестьяне с пустыней, веками с великим трудом изыскивали воду и подводили ее к полям.

В Западном Китае в некоторых районах крестьяне строят кяризы — подземные водосборочные галереи. Кяризы можно встретить только в сверхпустынных областях Старого Света: в арабских странах, Иране, Афганистане, а у нас — в Азербайджане, в Туркмении. В Китае, восточнее Синьцзяна, их уже нет.

Горные реки, выходя на равнины, иссякают. Но вода их не столько испаряется, сколько просачивается в рыхлые наносы пустынь и образует подземный поток.

Вдоль такого потока роют тоннель. На дне его течет ручей. Журчит бегущая струя, слышен звон падающих капель. Это и есть кяриз.

С поверхности кяриз легко опознать по буграм земли, вынутой из тоннеля. Они прямой лентой тянутся к горам. Внутри каждого бугра — шахта-колодец. Из нее строители вынимали грунт. Глубина таких колодцев различна:

поближе к горам, где подземные воды лежат далеко под поверхностью, она доходит до 60 метров.

Кругом пустыня, а кяризная пресная вода несет жизнь. В Турфанской впадине за несколько столетий построено около 1158 кяризов. Длина некоторых из них 20—30 километров, высота в среднем около полутора метров, ширина — метр и меньше. Если сложить протяжение самого большого кяриза и длину всех его шахт, получится внушительная цифра — 25—40 километров. Считают, что длина всех кяризов в одном только Турфанском оазисе достигает 2500 километров!

Задумаемся над этими цифрами. Они не покажутся скучными, если за ними увидеть огромный труд нескольких поколений крестьян. Один китайский ученый сравнил строительство кяризов с возведением Великой китайской стены. Великая китайская стена — это музейная достопримечательность. Ее воспевают в стихах, изображают на изящных гравюрах, фотографируют. Но кому она теперь нужна и какая польза от нее человеку, создавшему это гигантское сооружение? А кяризы в Турфанской впадине столетиями несли жизнь в пустыню. Они орошают 65—70% всех поливных земель. И чудесный виноград, и сочные фрукты, и длиноволокнистый хлопок, и рис, и пшеницу, и арахис получают крестьяне, поливая землю кяризной водой. А ведь мало кто знает о большом, но скромном труде турфанских кяризных дел мастеров, имена которых не сохранились для потомков.

Чем ближе к центру Турфанской впадины, тем меньше селений, чаще белеют на почве солончаки. Самый центр котловины — солончак — озеро Боджанте. Когда река Алгой приносит сюда много воды, возникает мелкое горько-соленое озерко. Затем оно высыхает и превращается в топкий и вязкий солончак. Известный исследователь Центральной Азии В. И. Роборовский, первым достигший озера, пишет о нем так: «Берега его совершенно плоские, окружены солончаками, и трудно определить, где, собственно, кончаются солончаки и начинается водное пространство. Это озеро — самое низкое место впадины»¹.

Топкие солончаки пугают и человека и животного. Родилась легенда, что в них живут нечистые духи, ненасытные

¹ Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Наньшань. М., 1949, стр. 104.

джинны; они увлекают людей и умертвляют их в топкой бездне. Поэтому озеро называется Боджантекуль. Боджа — страшное мифическое существо, злой джинн.

У Турфанской впадины высятся вечно снежные вершины Богдоулы: одна из них поднимается на 5445 метров над уровнем океана. Почему же рядом оказались одна из высочайших гор Тянь-Шаня и глубочайшая впадина Центральной Азии? Ученые установили, что такое соседство не случайно. Обычно при вздымании гор у их подножия образуются глубокие прогибы в земной коре. Так в непосредственной близости от гор возникают впадины, глубина которых измеряется сотнями метров или даже километрами. Но такие впадины не всегда заметны на поверхности. Если климат влажный, текут обильные реки, они разрушают горные породы, переносят их вниз и заполняют ими впадины. В таких случаях их можно обнаружить только бурением или специальными геофизическими исследованиями.

А в Турфанскую впадину сносилось мало рыхлого материала; здесь очень сухо. Так сохранилось это чудо природы — самое жаркое место в Китае, самая низкая земля в Центральной Азии.

В ГОРЫ

Из Урумчи выехали ясным июльским утром. Через час достигли передовых хребтов Китайского Тянь-Шаня. Дальше ведет новая горная дорога, проложенная в глубокой речной долине. Она доступна для автомашин только летом, когда высокий перевал освобождается от снега.

Над Тянь-Шанем сгустились тучи. Обычная картина: над равниной солнце, ни облачка, небо бездонное, синеголубое. В горах погода хмурится, грозит дождем, а может быть, и снегопадом. Свежеет.

Долина превращается в ущелье, глубокое, крутосклонное. Появляются первые деревца тянь-шаньской ели. Вгрызаясь в дно, река течет поперек хребта узким потоком. Тесно в каменной трубе. Идет бесконечная борьба между горами и водой. Все стремительнее несется поток, все глубже ущелье.

Дорога жмет к отвесным склонам. Другого пути нет. Слева пропасть. Чтобы проложить узкую дорогу, рабочие взрывали скалы. Я видел, как они работали. В отдельных

местах подрывники не смогли забраться на отвесные утесы. Тогда они поднялись в обход по склону выше таких утесов. Спускались по веревкам, бурили шурфы, закладывали взрывчатку.

Часами висели рабочие между небом и землей, но добивались своего: утесы летели в пропасть, в яростные объятия протестующей реки.

Впереди большой подъем. До перевала далеко. Но ущелье становится шире, река течет спокойнее. Исчезают деревья, только кустарники лепятся по скалам. На этом участке дорожникам было куда легче. Дорога свободно умещается вдоль реки.

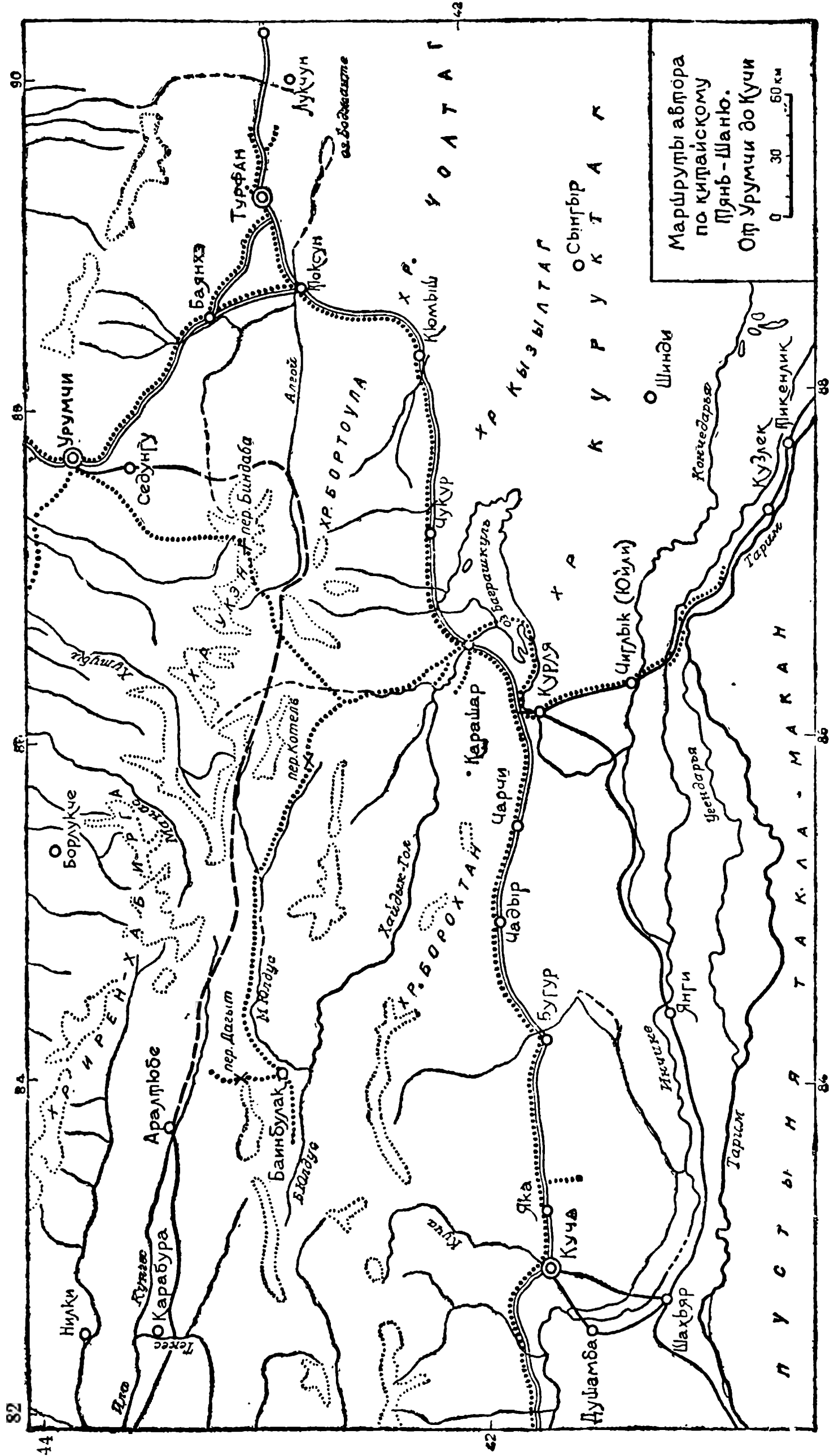
Поднимаемся все выше, все ближе перевал через водораздельный хребет Тянь-Шаня. Холодно, надеваем ватники, шубы. Совсем рядом ледники и вечные снега. Даже кустарники пропали. Низкотравные альпийские луга с маленькой осочкой — кобрезией — покрывают долину.

Из ледника спешит холодная струя. Ручей огибает небольшой холм, загородивший долинку. Это молодая морена. Когда-то ледник спускался ниже, он сносил много камней и откладывал их у своего окончания. Так образовалась морена, как говорят географы, конечная. Она указывает на границу ледника. Затем ледник стоял, отступил и создал новую, уже современную морену у своей нынешней границы.

Водораздельный хребет. Висячие ледники нашлепками покрывают крутые склоны. Как они держатся? Почему не сорвутся массивными лавинами? Потому что лед и плотный снег вязкие и задерживаются даже в маленьких ложбинках. На северном затененном склоне гор, в укрытие между скалистыми гребнями, ветер навевает много снега. Здесь он дольше сохраняется, и ледник здесь спускается низко.

Тоненькой светлой лентой течет ручей. Возникает он в леднике, а смерть находит в Джунгарской пустыне, окаймляющей Тянь-Шань с севера.

Наконец и перевал. Барометр показывает 4 тысячи метров. В узком гребне строители вырыли ворота, узкую и глубокую выемку. К ней справа подходит шоссе. Сплошные россыпи камней — курумы. Пятна снега. Дорога петляет по крутому склону, среди скал и глыб. Россыпи сползают обычно весной после холодной зимы, когда тает скрепляющий их лед. Курумы приходят в движение и могут засыпать тракт толстым покровом камней. Высокогорные

Маршруты автотранспорта
по китайскому
Пянь-Шаню.
От Урумчи до Кучи

дороги требуют постоянного внимания: то завалит их снежная лавина, то бурный поток снесет мосты, то ливень размочит полотно, то обильный снегопад завалит все подходы к перевалу — не пройти, не проехать.

По традиции путешественников всех времен и народов на перевале надо постоять, осмотреться. Трудный подъем позади, можно отдохнуть и по старинному обычаю поклониться горным духам, чтобы они были милостивы. Шоферы остановили машины, заглушили уставшие моторы. Мы пошли побродить по гребню хребта, нужно было кое-что записать в полевые дневники, пофотографировать.

Холодно, ветрит. Лето, а похоже на позднюю осень с ее обычными невзгодами, мокрым снегом, сыростью. Ходить трудно, дыхание учащается, кто-то жалуется на головокружение. Сказывается четырехкилометровая высота, а может быть, и возраст некоторых из нас.

И все же трудно оторваться от пестрой картины могучих гор, сверкающих заснеженных вершин, мрачных черных россыпей, ледниковых пятен и светлых лент ручьев, сбегających в долины.

Перевалили на южный склон Тянь-Шаня. В широкой долине белеют монгольские юрты. Это заготовительный пункт. Кипы шерсти, перетянутые волосяными веревками, уложены на землю и покрыты брезентом. Больше всего белой овечьей шерсти — овцы у монголов чаще белые, но черноголовые.

Шерсть отсюда доставят за тысячи километров на текстильные предприятия Шанхая и Тяньцзиня, ткани которых хорошо известны и у нас, в Советском Союзе.

Экспедиция отправилась в горы на автомашинах для исследования высокогорных впадин Большой и Малый Юлдус. Среди молодых китайских научных сотрудников мы — пятеро советских ученых, многие годы странствовавших в пустынях Азии. Молодость наша, увы, осталась позади.

Межгорные впадины Большой и Малый Юлдус славятся в Синьцзяне как прекрасные пастбища. В 1876 году, будучи на Юлдусе, Пржевальский записал в дневнике: «Место прекрасное, прохладное, кормное; только жить господам и скотине». «Юлдус» по-киргизски и казахски значит «звезда». Почему местные жители дали такое название? Потому ли, что здесь ближе к звездам, чем на подгорных

равнинах, потому ли, что речки, озера, болота блестя под солнечными лучами, как звезды на небе? Вернее всего, народ окрестил эти котловины Тянь-Шаня таким поэтическим именем за их прекрасные пастбища. Ведь говорят же ласково в русском языке: «звездочка моя».

В 1957 году на Юлдус была проложена автомобильная дорога. Пока она оканчивается тупиком в поселке Баинбулак — «столице» юлдусских кочевий, а в ближайшем будущем перевалит через водораздельный хребет Тянь-Шаня и подойдет к городу Кульдже, в долине Или. По этой дороге мы долго поднимались в горы узким и извилистым ущельем, пересекающим южный склон Тянь-Шаня. Горная чистая река шумела в тесном русле, окаймленном то полями и вязами. Вода, сбегая с камня на камень, кипела барашками.

Выехали на сырт — широкую открытую и пологую высокогорную долину. Как-то незаметно, уже под вечер, подошли к перевалу Котель, само название которого по-монгольски значит «плоский, удобный перевал». Конечно, как и повсюду в Центральной Азии в таких местах, высилось «обо» — каменная пирамида, сложенная суеверными путниками в честь горных духов.

За перевалом начиналась долина Малого Юлдуса. Лунная ночь застала нас у небольшой студеной речки. Облака плыли над заснеженными пиками, застилали небесный свод. Все казалось холодным: и белые горы, и вода в реке, и сырые горные луга, и темные облака, и лунные блики, скользившие меж ними, и какое-то настороженное молчание ночи.

Утром мы увидели широкую плоскую долину Юлдус, ее привольные пастбища. По долине неторопливо бежала речка, извиваясь по плоской долине. Только холмы и сглаженные увалы, окаймляющие долину на далеком горизонте, напоминали о том, что мы находимся высоко в горах.

Нам навстречу шли большие табуны лошадей. Их гнали к станции Шадун в провинции Ганьсу, а дальше отправят поездом на восток для работы на полях Великой Китайской равнины. Лошади Юлдуса славятся на весь Китай: они крепкие, широкогрудые, рослые, неутомимы в работе. Специально выученные верховые иноходцы ценятся в три-четыре раза дороже, чем простой конь. На иноходце можно в день покрыть расстояние в 100 километ-

ров и не почувствовать усталости. Мне говорили, как выбирают лучших лошадей: всадник в руке держит пиалу, налитую до краев водой, и если на быстром беге вода не расплещется, то конь заслуживает самой высокой оценки. Лошадей на Юлдус пригнали с Волги калмыки. Это было в XVIII веке, когда они пришли на Тянь-Шань и осели в горах и котловинах.

На Юлдусе много яков. Як — житель гор. Он любит прохладную погоду, альпийские пастбища. Здесь ему привольно. Животное дает крепкий волос для веревок, толстую кожу, очень жирное молоко. Мясо вкусное, но жестковатое.

Вид у яка грозный. Мохнатый, с высоким горбом, короткими ногами, крепкой маленькой головой. Як никогда не мычит, а, будучи возбужден, хрюкает подобно свинье. Обычно як медлителен. Но иногда он бежит, высоко подняв хвост. Это животное удивительно любопытно. Если як увидит что-то незнакомое, он не поленится пробежать несколько километров, чтобы самому поближе посмотреть, что это такое. Сколько раз я смеялся, когда наблюдал, как стадо животных с задранными хвостами с топотом мчится вскачь навстречу автомашине. Вот они все ближе, ближе... и сразу же, как по команде, останавливаются поодаль, настороженно нюхают воздух и ждут, что же будет дальше? Затем медленно, разочарованно расходятся восвояси.

Родина этих животных — Тибет. Только там сохранились дикие яки. Но домашние встречаются теперь повсюду в Средней и Центральной Азии, где горы высоки: в хребтах Наньшаня, Каракорума и Гималаев, в Монголии, в Советском Союзе — на Алтае, Памире и Тянь-Шане.

Мне рассказали, что на Юлдус яков пригнали из Тибета всего лет 50—60 назад. Долго шли стада. Нужно было избегать равнин, особенно летом, когда жара настолько изнуряет животных, что они гибнут. Горными тропами с частыми и длительными остановками для отдыха и кормежки вели пастухи скот к цели — к юлдусским пастбищам.

Яки прекрасно ходят по узким каменистым дорогам, не боятся высоты, холода и снега. Вьючный и верховой як — незаменимое транспортное животное в высокогорных странах. Не случайно путешественники в своих отчетах посвящали ему много хороших строк. Медленно движется животное вдоль пропасти. Но спокоен седок. Он уверен

Маленькая антилопа быстро успокоилась у меня на груди
Фото Н. Т. Кузнецова
(к стр. 32)

На предгорной равнине Западного Куньлуня; вдали хребет Кингтаг

Несколько лет назад построили водохранилище Хуньянчи, которое снабжает Урумчи водой. И как всюду, здесь любят поудить рыбу
(к стр. 25)

Тянь-шаньская ель (хребет Ирен-Хабирга в бассейне Манаса)
(к стр. 30)

Летом Манас — большая река.
Так переправляемся мы на правый берег
(к стр. 34)

Водохранилище госхоза Чипейцзы в бассейне Манаса
(к стр. 37)

Северный склон Тянь-Шаня местами зарос хвойным лесом

Рыхлыми глыбами сползают вниз
оставшиеся от древних озер илы
(Малый Юлдус)

Каналы отвели воду из реки Манас километров на шестьдесят

Челнок-долбленка из ствола тополя

В пойме реки Янчихэ машину замыло потоками по самое «горло»

Нынешним летом на новых каналах лебеди обзавелись семьей

Чтобы освоить целинные земли Джунгарии, пришлось
выкорчевать много саксаула.

(к стр. 46)

Висячие ледники покрывают крутые склоны. Как они держатся?
(к стр. 60)

Каменистая пустыня к северо-западу от Турфана. Сплошной камень, гладкий, окатанный или чуть ребристый
(к стр. 53)

Главная улица Турфана (к стр. 56)

Как странно разрисован склон Тузтага! Как удивительно правилен
узор параллельных ложбин

(к стр. 54)

Густые высокие тростники окружают озеро. Тихо на поверхности

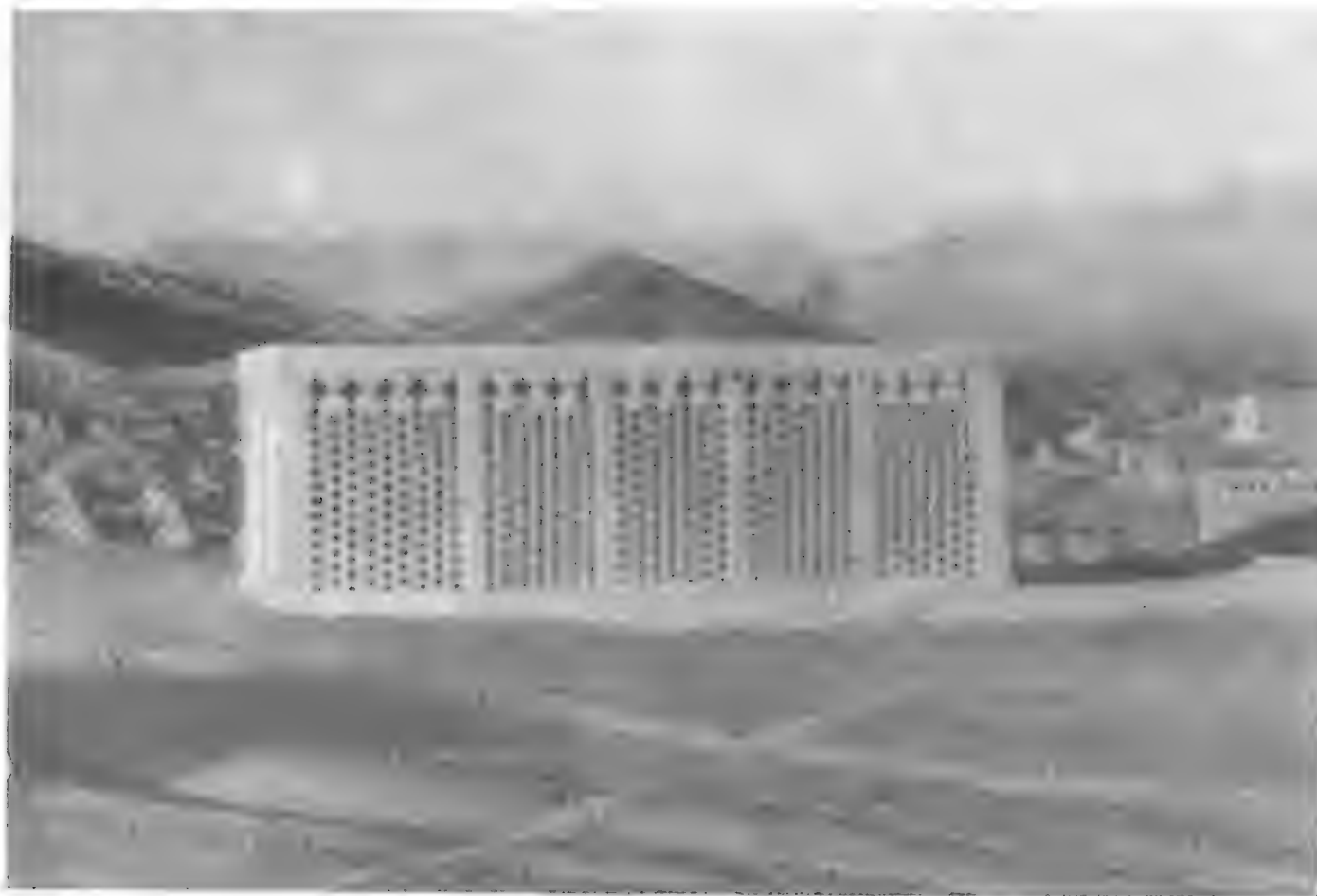

В первый же день нашего путешествия мы заметили
какие-то загадочные русла, протянувшиеся в глубь пустыни
(к стр. 40)

Город Куча. По главной улице ходят своеобразные
пассажирские конки

(к стр. 81)

В Турфане издавна делают изюм. Для этого строят специальные сушильни — дырчатые домики
(к стр. 56)

Чтобы защитить виноград от морозов, гибкие ветви пригибают вниз и засыпают землей
(к стр. 66)

Долина Буйлюка
(к стр. 55)

Улица древнего Хотана
(к стр. 108—109)

Бутылочная тыква (*к стр. 111*)

в яке. Куда спешить? Скорость — три километра в час. На Востоке говорят: «Хороший человек не торопится». Времени много, чтобы осмотреться вокруг, записать виденное, кое-что вспомнить, пофилософствовать на тему о стремительности жизни в нашу беспокойную эпоху, когда пассажирские самолеты летают со скоростью до тысячи километров в час.

Хозяева юлдусских пастбищ — монголы. Они искусные скотоводы, веками их предки кочевали по просторам Центральной Азии. Язык тянь-шаньских монголов сильно отличается от языка монголов-халхасцев — жителей Монгольской Народной Республики. Но зато наши волжские калмыки легко поймут юлдусских кочевников.

Летом монголы ставят свои юрты на юлдусских равнинах. Сюда приезжают и монахи-ламы. Их монастыри размещаются тоже в больших белых юртах. Придет зима, скотоводы угонят стада в боковые ущелья, где меньше ветра, но есть топливо. Это зимние пастбища. И вслед за народом уйдут ламы. Ведь они живут за его счет.

Фетровая европейская шляпа у монголов не выходит из моды. Она — щегольской наряд и мечта каждого мужчины и каждой женщины. Монголы вообще постоянны в своих вкусах. Наряды, прически, украшения, покрой одежды очень устойчивы. Это упрощает и облегчает жизнь. Право же, нельзя отказать юлдусским скотоводам в здравом смысле.

Нас всюду с интересом осматривают. Не часто русские бывают на Юлдусе, и любопытно, какие они.

В августе 1959 года мы приехали в поселок Баинбулак — центр юлдусских кочевий. Несколько глинобитных домиков, 25—30 юрт. Когда-то здесь была ставка монгольского хана. Над поселком круто высится гора-останец и обязательное обо, воздвигнутое богобоязненными ламами. Только что заработала радиостанция, открылось почтовое отделение. Я видел, как к дому поселковой администрации прикрепили первый почтовый ящик, а стену украсили разноцветными плакатами с надписями на трех языках: китайском, уйгурском и монгольском. Плакаты учили, как отправлять письма и писать адреса. Удивительные дела совершаются в далеких тянь-шаньских кочевьях! Сюда пришел автомобиль, а скотовод, приехавший на нем, отправил радиogramму о благополучном прибытии.

С удовольствием смотрел я на ребятишек, которые носили кирпичи. Нужно было перенести тысячи кирпичей с берега реки, где их изготовляли, к месту строительства школы-интерната. Расстояние порядочное — около километра. Школьники шли один за другим с грузом на груди или в полах халатиков. Мелькали красные пионерские галстуки. Так продолжалось до полудня. Дул сильный западный ветер. Он принес тучи и холод, пошел дождь, почва разбухла, идти с тяжелыми кирпичами было нелегко. Ребятишки забыли даже баскетбол — любимую игру в Китае. Столбы с кольцами маячат в сторонке — сегодня не до игры.

Всадники монголы часто приезжали из кочевий для закупок в маленькой лавочке, а то и просто погостить, поглазеть. Почти на всех лошадях мягкие казачьи седла, изредка встречались высокие, с лукой и массивными серебряными бляхами, возвышающиеся над лошадью, как кресло. Верховые монголы не расставались со своими нагайками.

5 августа мы стояли на Большом Юлдусе. Еще ночью сквозь сон услышал я, как капли дождя ударили по полотнищу палатки. Пройдет, подумалось мне, здесь, на больших высотах, это обычное явление. И тут же уснул под мелкую дробь дождя. Но я ошибся. Утро оказалось хмурое, низко ползли туманы, горы исчезли. Казалось, что мы на севере дальнем. Вокруг мокрые зеленые луга. Туманы и дожди. Нет конца этому обложному ненастью, этой сырости. Ямы залило водой, гербарий и пробные укусы трав мокнут, гниют. Весь день мы не выходили из палаток и начали работать только к вечеру, когда сквозь тучи пробились косые лучи солнца и миллиарды алмазов вспыхнули на мокрых травинках.

Несколько дней мы работали в котловинах, выясняя их происхождение. Как в Малом, так и в Большом Юлдусе в недалеком геологическом прошлом были озера. Затем они исчезли и остались либо заболоченные кочковатые мочажины, либо тонкоотмученные пепельно-серые и белесоватые илы. В обрывах они легко разрушаются и рыхлыми глыбами сползают вниз.

Мы нашли раковины пресноводных моллюсков-озерников, что окончательно подтвердило озерное происхождение этих осадков, покрывающих некоторые участки юлдусских впадин.

С гор до окраин котловин спускались ледники. Они выносили много камня, щебня, земли и откладывали их в виде морен. А реки покрыли дно котловин мощной толщей рыхлых наносов, сгладили его. Теперь эта наносная толща служит аккумулятором пресных вод, которые стекают в котловины и, частично просачиваясь в галечник, гравий и песок, образуют поток грунтовых вод. Этот поток у выхода из котловины Большой Юлдус вырывается на поверхность и рождает многоводную реку Хайдык.

Здесь китайские гидротехники предполагают построить плотину и гидростанцию и затопить юлдусские впадины. Узнав об этом, забеспокоились скотоводы. Затопить Юлдус, а пастбища? Таких ведь больше нет в горах Тянь-Шаня. Но волнения оказались напрасными: наша экспедиция установила, что затоплена будет лишь самая низкая часть Юлдуса, где одни мочажины, болотца с жесткими осоками и нет хороших пастбищ. Скот пасут на более высоких местах, покрытых степной растительностью.

Из Баинбулака на лошадях отправились к хребту Нарат, разделяющему бассейны Лобнора и Балхаша. На север от него воды текут в реку Или, на юг — в Хайдык, Кончедарью и озеро Лобнор.

Долго выючили караван. Как всегда перед большой дорогой, выюки не ложились как нужно, сбрую приходилось подгонять. В начале пути шли медленно: не выработался еще ритм караванного движения.

Всадники вырвались вперед и поднимались к ущелью, заполненному валунами и щебнем. Становилось все холоднее. Пятна снега на бурых скалах спускались к самой тропе. Скоро лошади пошли по мокрому ноздреватому снегу. В стороне, среди каменных россыпей, голубело озеро. Этот мрачный ландшафт говорил о древнеледниковом происхождении ущелья. На север, к долине реки Цанма, тропа круто падала. Проклятый камень мешал идти. Лошади садились на задние ноги, скользили. Мы спешили и вели коней за поводья.

Наступил вечер, а оставшийся караван так и не пришел. Стемнело. Остановились на зеленой высокой террасе, развели костер, отпустили уставших коней поpastись. Не дождавшись каравана, легли спать без ужина и чая, укутавшись во все теплые вещи, притороченные к седлам.

Ночь выдалась звездная, холодная и, конечно, длинная. Часто просыпались, грелись у костра и слушали гор-

ную тишину — может быть, с опозданием, но придет караван? Но он не появился и утром. Голодные, пошли вниз, где рассчитывали встретить юрты казахов и купить у них молока, а то и барана.

Северный склон хребта Нарат, как и следовало ожидать, богат растительностью. Ведь сторона, обращенная на север, меньше нагревается, а значит, лучше сохраняет влагу. Пышные высокотравные альпийские луга пестрели желтыми цветами трюлиуса, создавшего сплошной ковер; оранжевым цветом выделялись эригоны, похожие на наши ноготки, выше всех поднимали свои стебли зобники, с крупными резными листьями и фиолетовыми цветами; сквозь луговую зелень выглядывали светло сиреневые цветы гераниума. Здесь мы встретили и аконитум, высокий, стройный стебель которого несет скромные синие цветы. Это наш старый знакомый — иссык-кульский корешок, известный своей ядовитостью.

Северные склоны Тянь-Шаня в этих местах обычно покрыты лесом, правда, он растет не сплошным покровом, а рощами, в наиболее затененных участках гор, где больше выпадает осадков.

Но леса, к нашему удивлению, мы не обнаружили, только в нескольких местах были видны редкие тянь-шаньские ели. В этих местах и северный склон не лесной, а луговой и степной.

Увидев нас без вьючных лошадей, казахи недоумевали. «Куда едете, что делаете, чего ищете? Золота? Где палатки, где казан и чайник? Нет? Ай-ай-ай! Садись, чай будем пить!» И скоро в большом котле появился чай — дымящийся напиток с молоком, а на небольшой скатерти сухой сыр. Не без труда завязалась беседа. Казахи не понимали по-китайски, наши спутники — по-казахски. Переводчики знали русский, но не знали казахского. Пришлось мне мобилизовать свои скромные познания, приобретенные в прошлых экспедициях. Впрочем, разговор был простой, большого умения не требовалось.

Вечером в широкой долине Цанма, у речки, заросшей ивами, варили баранину. Это была первая пища для всего нашего отряда за 36 часов работы и пути. От барана скоро остались рожки да ножки. И когда заканчивался этот необычный ужин, раздался топот скачущей лошади и появился начальник каравана. Оказывается, караван смог выйти из Баинбулака только во второй половине дня.

**В Хотане в 1954 году построено красивое здание
городского Дома культуры**

(к стр. 109)

**Пустынные горы Куньлуня
*(к стр. 85)***

Им принадлежит будущее
(к стр. 37)

Эти пустынные горы китайцы называют Бэйшанем, т. е. северными горами

Утром мы увидели широкую долину Малого Юлдуса, его привольные
пастбища
(к стр. 63)

Шли медленно, на подъемах сползали седла, падали выюки. К ночи уставшие люди и кони добрались до перевала. Начальник не рискнул спуститься в долину Цанма. Тропа там круто ныряет вниз. Утром он решил, что мы все равно должны вернуться на базу в Баинбулак, и повернул обратно. Но на базе рассудили иначе. Если отряд работает, то ему нужны палатки, спальные мешки, продовольствие, и опять отправили караван искать нас.

Из долины Цанма налегке вышли в горы, отделяющие ее от долины Кунгеса — одного из верховьев реки Или. Ехать было недалеко, и пологий подъем вскоре привел нас к перевалу. Уже приближаясь к нему, мы увидели верхушки стройных елей. С перевала открылась глубокая и широкая долина Кунгеса. Долина открыта на запад, сюда свободно проникают ветры, приносящие влагу. Поэтому здесь богатая растительность.

Крутой горный склон густо зарос чудесным лесом. Чего только нет в этом необыкновенном черном лесу! Ели поднимают узкие кроны на высоту 30—40 метров, в подлеске много рябины, шиповника, смородины, папоротника. Пышные травы покрывают землю, на которой преют опавшие листья. Под этим лесным пологом своя бурная жизнь, скрытая от равнодушного взора. Там царство насекомых, червей, моллюсков.

В обратный путь шли в том же порядке. Впереди научные сотрудники верхом на лошадях, позади караван, на этот раз снарядившийся сразу вслед за нами. Казахи Цанмы сердечно прощались с экспедицией и радовались хорошей погоде: «Смотрите, какой день — сколько солнца! В горах нет туч, перевал открыт». Действительно, утро было чудесное, солнечные лучи нагревали горные луга, ночная сырость испарялась на глазах, звенели насекомые. Казалось, кончились дожди, стало тепло, и мы, наконец, сможем отогреться и обсушиться. Но, увы, уже на подъеме низкие лохматые тучи впереди закрыли дорогу на перевал. Становилось все холоднее и влажнее. Вскоре по плащам забарабанил дождь, перешедший в дикий ливень. Навстречу дул резкий ветер, сильные косые струи дождя хлестали по лицу. Лошади поворачивались против ветра и понуро стояли свесив головы. С гривы и хвоста струилась вода. Тропа размокла, и, если бы не камни, идти бы-

ло бы невозможно. Меж камней бежал грязный ручеек. Молнии извивались совсем рядом, гром мощными раскатами оглушал лошадей, они испуганно шарахались в сторону и нервно прижимали уши.

В довершение всего свалилась бетонная стена града величиной с горошину. Он нещадно бил людей и животных. Град застревал в гривах коней, долго не стаивая. У перевала стало так холодно, что окоченели руки и ноги, пальцы не держали поводья. Одежда промокла, и я с дрожью почувствовал, как холодная крупная капля воды покатилась по плечам, по спине и растеклась мокрым пятном, а за первой каплей уже сбегала вторая, третья...

В нашем отряде были две молодые женщины — ботаники. Они впервые попали в Синьцзян. Все им было в новость в пустынях Тарима и в горах Тянь-Шаня. К тому же никогда раньше им не приходилось ездить верхом на лошадях. Но женщины не отставали от мужчин и терпеливо переносили и голод и холод. Только при обратном подъеме на перевал спросили: «Почему ветер дует всегда в лицо?» «Действительно,— ответил я шутя,— ветер всегда дует в лицо, особенно когда едешь в кузове грузовой машины. Такое уж его неприятное свойство».

За перевалом стало тихо. Ночью в горах выпал свежий снег. Он одел склоны чистым покрывалом — праздничный светлый наряд.

9 августа попрощались с Баинбулаком. Бритый лама, сидя верхом на лошади, равнодушно смотрел на наши последние сборы...

Дожди основательно промочили грунтовую дорогу. Приходилось трудно, машины буксовали, и мы дружно толкали их то вперед, то назад. Особенно измучились на подъеме, где приходилось мостить дорогу булыжником, собирать его по склонам гор и укладывать в колею. Колеса вдавливали камни в грязь, и снова приходилось устилать ими дорогу.

В минуты отдыха разводим большой костер и устанавливаем небольшой чайник. Это заслуженный чайник, прошедший через годы странствий со своим хозяином В. А. Носиным, большим любителем чая и кофе. В самых неожиданных местах, в самых трудных ситуациях появлялся закопченный сосуд, где-то находили веточки, какие-то палочки, сухой навоз, и скоро пламя лизало чайник.

Чай по пиалам разливает сам Владимир Александрович; он выяснял, какой чай заваривать: обычный черный, как его в Китае называют, хунча — красный или зеленый с ароматными лепестками белых, точно восковых, цветов тропического вечнозеленого жасмина. Этот сорт — молихуача (жасминово-цветочный чай) очень популярен на востоке Китая и не сдабривается сахаром.

Горячий чай — прекрасный напиток в путешествии. Когда холодно, он согревает, когда очень жарко — охлаждает.

Отдохнув, вновь беремся за работу — вытаскивать машины из грязи.

«Звезды» Тянь-Шаня — Большой и Малый Юлдус — остались позади. Мы спустились к берегам большого пресного озера Баграшкуль. В него впадает та самая река Хайдык, которая собирает воды в горах Юлдусов.

ОЗЕРО БАГРАШКУЛЬ

Широкая многоводная река Хайдык. Плоские берега, заросшие софорой, чиём, тростником. Хайдык впадает в Баграшкуль — единственное большое пресное озеро в Китайском Тянь-Шане. С его поверхности ежегодно испаряется около полутора кубических километров хорошей воды. А в ней очень нуждаются земледельцы.

Нужно изолировать Баграшкуль от реки, заставить течь ее, минуя озеро. Тогда оно высохнет и человек сможет полностью использовать запасы Хайдыка. Но как это сделать? Наша экспедиция должна была дать ответ на этот вопрос. Предстояло изучить озеро и реку. Рыбачья плоскодонная шлюпка на неделю стала домом для небольшого отряда. Плыдем медленно. Лодка тяжела. Кроме людей, набралось немало груза: тент, спальные мешки, пологи от комаров, продукты.

Наши гребцы — рыбаки с озера. Они хорошо знают все рукава реки, ее дельту и тростниковое мелководье, где бесконечные протоки и открытые плесы между густыми зарослями создают запутанный водный лабиринт.

Весла у рыбаков длинные, тяжелые и требуют сноровки. Я пытался грести, но, надо признаться, получалось плохо, да и выдохся быстро с непривычки. Любопытно, как работали гребцы. Левое весло в правой руке, правое —

в левой. Весла скрещиваются на груди. Они оканчиваются рукоятками в виде крестовин. Гребцы отталкивают весла от себя, и они мелко погружаются в воду. Так можно грести часто и не уставать.

К вечеру лодка подошла к рыбацкому стану на берегу тихой дельтовой протоки и притулилась рядом с парусными баркасами.

Здесь все построено из тростника: рыбацьи хижины, засолочный сарай, навесы для сушки рыбы, скамейки, лежанки. Пучки тростника, связанные его же стеблями, образуют стены. На них укладывается несколько жердей, а потом опять настилают тростник. И топят тростником. Только столбы для сушки сетей ивовые.

Бесконечные высокие заросли, миллиарды комаров, море тростника. Сырья здесь достаточно для хорошей бумажной фабрики.

Ночь провели под дырявым навесом. Пахло сыростью и солью, точно мы находились у берега моря или плыли на рыболовном судне.

Рыбаки ловят рыбу не только летом, но и зимой, подо льдом. Однако вывезти рыбу не просто. Автомобиль по дельте не пройдет — много протоков, болот: разве только когда мороз покроет это царство воды ледяной корой. Да и города, где нужна рыба, далеко — в 300—400 километрах. Летом сохранить свежую рыбу трудно. Вот и приходится ее засаливать в круглых деревянных чанах. Засолив, потом ее долго сушат. Рыба превращается в твердую соленую корку, и есть ее невозможно. В одном готовом к отправке штабеле такого товара тысячи османов и маринков.

К осени вода в реках и протоках спадает. На арбах с высокими колесами высушенную рыбу везут в ближайший городок Карашар. Здесь ее перемалывают в порошок и в мешках увозят в Урумчи. Порошок охотно покупают птицеводческие фермы и свиноводческие хозяйства.

Дела у рыбаков идут хорошо, в течение года они продают 200 тонн этого ценного продукта и собираются оборудовать свой промысел электродвигателем и механической мельницей.

В августе в Южном Синьцзяне обычно бывает жарко и сухо. Но в дни нашего лодочного путешествия что-то странное происходило с погодой. То покапает дождик, то ударит порыв холодного ветра, а вскоре разгулялась непогода. Об этом лучше расскажут записи в полевом дневнике.

Песок с сухого дна озера Булункуль ветрами поднимается на склоны гор
(к стр. 92—93)

В поселок Булункуль приехали всадники киргизы
(к стр. 93)

Охотничий трофей — архар (к стр. 93)

Среди пустынь Южного Синьцзяна вьется серебристая лента Тарима
(к стр. 113—114)

11 августа. Карашар. Весь день сплошная облачность, тепло и душно, но ночью дул сильный порывистый ветер, в доме хлопали двери, накрапывал дождь.

12 августа. Карашар. День облачный, тучи закрывают весь горизонт. В 14 часов по сухой земле ударили дождевые капли. Жара заметно спадает. Днем на лодках спустились по реке Хайдык к ее устью у озера Баграшкуль. Вечер дождливый, прохладный.

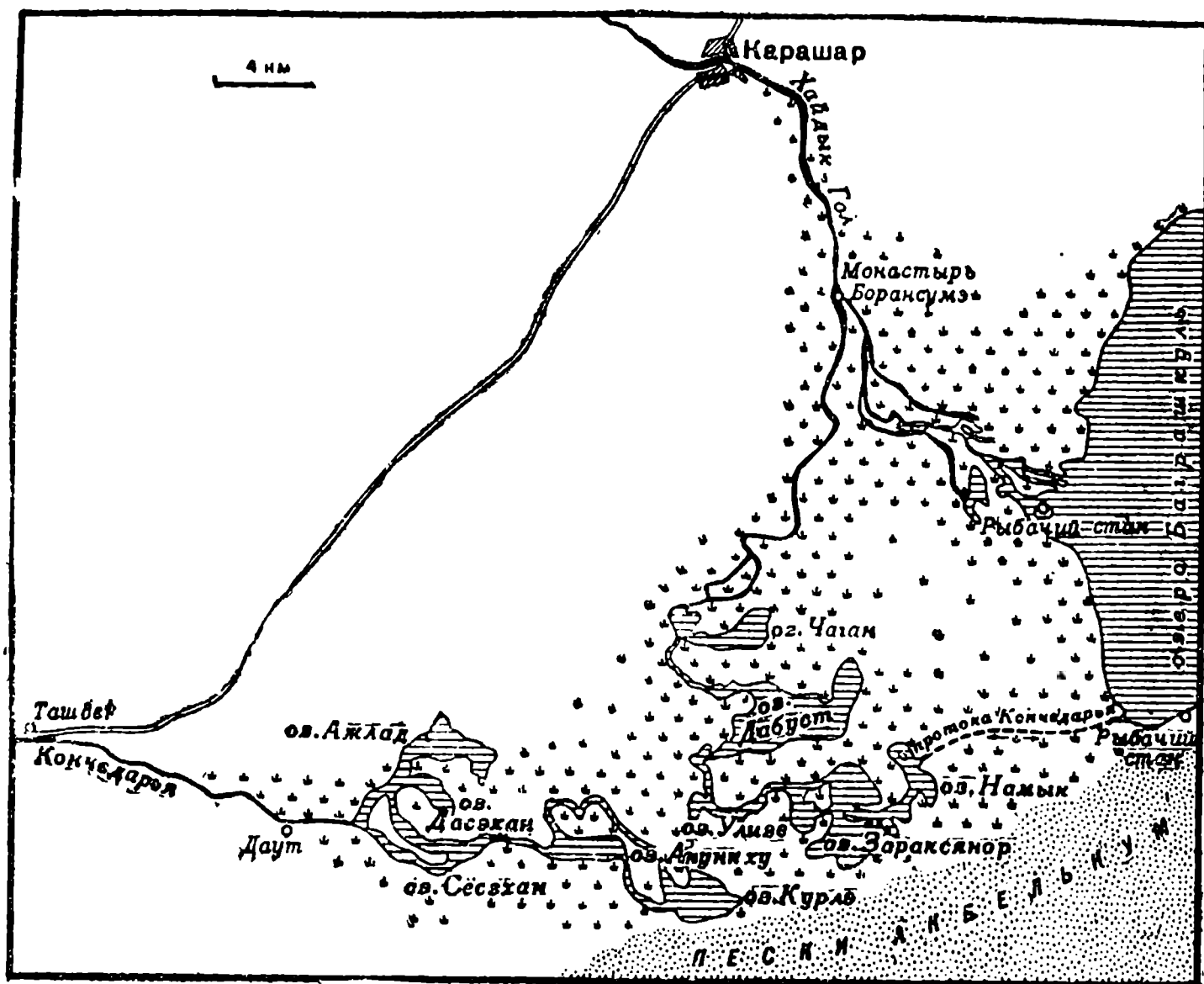
13 августа. Озеро Баграшкуль. Ночью и утром шел сильный дождь. Сплошная облачность. Холодновато, сыро. И это в Южном Синьцзяне в середине августа! Полная неожиданность. К 16 часам поднялся ветер, озеро покрылось барашками. Лодка плыла по бурливой воде, дождь мелкой сеткой рябил по ее поверхности. Вечером пристали к берегу. В 22 часа далеко на западе засверкали зарницы. Наступила предгрозовая тишина. Прохладно. Поглубже забрались в спальные мешки. Зарницы приближались, и вскоре мы слышали первые глухие раскаты грома. Они становились все громче и громче.

Ветер перешел в ураган. Его удары обрушились на лагерь, сорвали тент, унесли клеенку, под которой мы спрятали на ночь экспедиционное имущество. Стремительный ливень бросал потоки воды. Черную темноту разрезали молнии. Раскаты грома не прекращались ни на минуту и слышались то слева, то справа, то прямо над головой. В спальных мешках, несмотря на брезентовый верх, стало мокро. По земле сплошной скатертью сбегала вода.

Минут через сорок дождь прекратился. Гроза прошла на восток и еще долго сердилась, грохотала за ближайшими бурными горами, где полыхали зарницы.

К часу ночи над нами чернело ясное звездное небо, резко снизилась температура. Мы дрожали в сырых спальных мешках, боялись пошевелинуться, холодные ручейки ползли по телу. Когда рассвело, увидели на горах тонкую порошу свежавыпавшего снега.

14 августа. Баграшкуль. Шесть часов утра. Опять облачность, мелкий дождичек. Сыро. Серое небо, серое озеро. К 9 часам утра на западе разорвался мрак и в просвете показалось голубое небо. Посветлело. Тучи лохмотьями уходили в сторону, растворяясь в воздухе, таяли. И вот, наконец, желанное солнце. Холодное утро мало радовало нас. Дул влажный ветерок, озеро бурлило белыми барашками. Вид у лагеря и его обитателей был печальный. Мы

Дельта Хайдыка и истоки Кончедарьи

чинили разорванный тент, сушили одежду, мешки, пологи. Время от времени бегали к костру обогреться.

Вот тебе и Центральная Азия, с ее крайней сухостью и избытком обжигающего солнца! На этот раз все оказалось наоборот — холодно, сыро, мало солнца и тепла.

Скоро мы слышали гул моторов, а затем увидели в небе самолет. Через час показался и исчез другой самолет, а за ним и третий. Все они летели в одном направлении. Частые полеты в этих местах показались нам необычными. Рейсовый самолет пролетает здесь только два раза в неделю. Лишь спустя несколько дней мы узнали, чем вызваны эти полеты. Об этом я расскажу ниже.

После обеда оставили наш «мокрый» лагерь и опять медленно поплыли по успокоившемуся озеру. Маленькие облачка скатывались к горизонту. Ночь обещала быть ясной, звездной.

Раздвинулись тростники, и в их просвете мы увидели широкий проток. Через него сливаются избыточные воды Баграшкуля. Так из озера начинается река Кончедарья, которая ниже по течению ущельем прорывает окружаю-

щие горы и уходит в пустыни Таримской впадины, где заканчивает свой длинный путь в кочующем озере Лобнор. Но здесь это еще не река, а проток. Их много впереди, тихих, без заметного течения. Бесконечные озерки. Они сменяют друг друга. И ниже пока не видно голубой ленты Кончедарьи.

Долго мы плыли в этом скрытом от людей мире воды и тростников. Только плеск весел, редкий разговор нарушали сонливую тишину. И как-то вроде не к чему торопиться!

Очередная ночевка застала нас в таких же тростниках. Поедом ели комары, им не было числа. Мы усердно мазали лицо, шею, руки диметилфталатом и еще какой-то маслянистой ароматной жидкостью. Но это мало помогало. Всегда находились смельчаки-комарики, которые, невзирая на опасность, как пикирующие бомбардировщики, атаковали с хода и жалили самым немилосердным образом. Носки и брюки для них не преграда. Растянешь полог и спешишь забраться внутрь в надежде избавиться от мучителей. Но увы! Только закроешься, как над самым ухом уже приветственно пищит комарик. При утреннем свете можно увидеть в углах полога сотни черных запятых — это сидят присмирившие насекомые.

Чем питаются комары, когда нет людей? Ведь человек в этих местах редок, а насекомых миллиарды. Кусают человека или животных только самки. Кровь им нужна для размножения. Без нее не созревают яички. Понятна поэтому та жадность, с какой набрасывается самка комара на человека. Самец же — добродушное создание, ему достаточно попить сока тростниковых листьев.

Опять протоки и озера. Высокие тростники отражаются на зеркальной поверхности воды. Рябит только след нашей лодки. Течения нет, глубина кажется черной от гниющих остатков. Пахнет болотом.

Местами вода разукрашена пестрым ковром цветов. Купами растет водяная сосенка. Желтые приветливые цветы открывает водяной лютик. Их много-много — красочный летний луг. Гребцы с трудом преодолевают густую поросль. Желтизна сменяется снежно-белым налетом — это уже цветут кувшинки, они напоминают белые лилии. На мелководье выделяются стройные рогозы с бархатистыми султанами; рядом с тростниками лиловеют небольшие цветы литрума.

Мерцают крупные стрекозы. Парами, одна над другой, они играют в ласке солнечных лучей. То поднимаются вверх и растворяются в прозрачном воздухе, то недвижно повисают над водой, застывая на месте.

После долгого плавания в безлюдных водах мы впервые встретили человека — старого уйгура. Стоя в маленьком челноке, он ловко управлял одним веслом. Плыл быстро.

Челнок необычный. Чтобы его изготовить, не нужно ни гвоздей, ни смолы. Весь инструмент — топорик в виде небольшой цапки, стамеска и нож. Челнок выдолблен из цельного ствола тополя, древесина его мягка и податлива.

На дне лодочки под тряпкой у старика лежала аккуратно сложенная рыба, около пуда, может немного больше. Среди бесконечных узких потоков рыбак выбирал те, где вода чище и светлее, здесь больше рыбы. Протоки он перегораживал сетями и корзинами. Раз в два-три дня осматривал снасти, собирал улов.

В отличие от монголов уйгуры любят половить, а еще больше полакомиться жареной рыбой.

Прошло полчаса, как старый рыбак обогнал нас, и мы увидели поселок — первый кишлак на пути. Пять дворов обросли ивами и тополями. Живет здесь пятьдесят человек — потомки одного уйгура, по имени Давут. Полвека назад он пришел сюда молодым, посеял пшеницу, просо, посадил деревья и даже виноградную лозу. Так началась жизнь этого поселка. Сам основатель еще жив. Ему около восьмидесяти лет. Он бойко объяснялся по-китайски, но, конечно, не знал ни слова по-русски. По его приказу расторопная женщина принесла нам корзину винограда. Это было очень кстати — мы давно уже не ели ни свежих фруктов, ни овощей.

Весь кишлак теперь так и именуется — Давут, так он попал и на географические карты. И долго еще это имя сохранится как географическое название, даже когда забудут того, кто основал поселок и кто был его крестным отцом.

Ниже поселка из болот и озерков, тростниковых плавней и множества протоков наконец родилась одна река — голубая Кончедарья. Ее высокие сухие берега заросли деревьями и кустарниками. Течение уже заметно и все убыстряется. Река спешит в узкое извилистое ущелье, где стре-

мительным потоком прорвется через горы и уйдет в пустыни Лобнора.

В реке глубины большие, вода прозрачная, все примеси остались в Баграшкуле и в тростниковых болотах и озерках, этих естественных отстойниках.

Как-то необычно растут деревья на берегах Кончедарьи, наклонившись к воде. Кроны их свисают, стволы вот-вот упадут. Почему? Правый берег у излучины подмывает течение, он медленно сползает и увлекает за собой деревья. Пройдет еще года два-три, и они рухнут.

Плавание окончилось. Мы распрощались со славными гребцами. Они хорошо знали сложный лабиринт протоков и уверенно вели лодку в нужном направлении. Без них мы ничего не смогли бы сделать. На память о днях и ночах, проведенных вместе на берегах Баграшкуля, мы оставили им красивые значки: вокруг земного шара вращается спутник.

Баграшкуль — очень интересное озеро. В отличие от других водоемов Центральной Азии на нем нет следов усыхания. Это озеро образовалось всего несколько тысяч лет назад, тогда река Хадык текла западнее котловины и, минуя ее, уходила в ущелье полноводным потоком. Затем большое количество наносов, отлагаемых речной водой, подняло равнину, по которой протекал Хайдык. Его русло сместилось на восток к котловине, и вода стала заполнять ее. Образовалось озеро. Когда же его уровень достиг критической высоты, начался слив. Так возникла река Кончедарья.

Многочисленные русла, протоки, мелкие озерки в западной части озерной котловины — следы блужданий реки. И теперь, у нас на глазах, продолжается «строительная» деятельность Хайдыка, который выносит много мути и оставляет ее в дельте. Река дробится на рукава, одни протоки заиливаются, другие же возникают, когда вода в поисках выхода прорывает новые русла. Эти блуждания Хайдыка объясняют и многие особенности Баграшкуля.

Проточные озера мало меняют свой уровень, он почти не колеблется. А вот в Баграшкуле, к удивлению, вода то поднимается, то опускается на метр-два. Мы заинтересовались этим и стали расспрашивать синьцзянских гидрологов. Они показали нам то место Кончедарьи, где она уходит из озерной котловины в ущелье. Здесь река быстро

течет прозрачным потоком, перекатываясь через камни на мелководье, о чем говорят белые барашки на ее поверхности. Это порог из гальки и щебня. Он и «подпирает» уровень в дельтовых озерах и в Баграшкуле. Очень странным кажется этот неожиданный порог. Ведь Кончедарья вытекает из озер и болот и несет чистую воду. Откуда же галька и щебень?

Порог образован не рекой, а временными, но катастрофическими по силе потоками, рожденными редкими, но всегда бурными ливнями. С правой стороны в долину Кончедарьи открывается широкая падь, заполненная камнями. Отсюда и устремляются ливневые потоки и выносят громадное количество камней и мелкозема.

Мелкозем быстро уносится рекой, а борьба Кончедарьи с крупными камнями продолжается с переменным успехом годами. Когда идут сильные ливни, порог на реке растет. Повышается уровень в озере Баграшкуль, в дельтовых озерах и протоках. Но, случается, сухие годы следуют друг за другом без сильных дождей. Тогда река частично размывает порог, больше воды проходит в Кончедарье, понижается уровень в Баграшкуле.

Если скрыть или взорвать порог, удалить его совсем и предотвратить намывание нового, то много воды будет спущено из озера, а это сократит его испаряющую поверхность.

Но как же наиболее полно использовать запасы реки Хайдык для орошения? Для этого недостаточно ликвидировать порог. Нужно построить канал из низовьев реки Хайдык до Кончедарьи, в обход озера. Канал изолирует озеро, в котором бесполезно испаряется огромная масса воды, оно лишится питания и высохнет.

Случается, что летом река бывает очень многоводной, поэтому канал должен быть достаточно широк и глубокий. Вместе со строительством обходного канала нужно будет создать и регулирующие бассейны в верхнем течении Хайдыка, скажем, во впадине Юлдус. Строить водохранилища в горах легче и дешевле, чем на равнинах. В горах холоднее, значит, испаряется меньше воды, можно строить глубокие водохранилища с небольшой площадью поверхности,— опять экономя на испарении. Горные водохранилища будут надежно регулировать сток реки Хайдык.

ГРОЗА В ГОРАХ

После лодочного путешествия мы узнали о том, что на-творил ливень. Он вызвал катастрофическое наводнение, которое разрушило дороги, линии связи, селения, погубило урожай, затопило обработанные поля. В ущелье Кончедарьи ливень разрушил автомобильный тракт. Потоки вынесли с гор много земли и камня, которые покрыли дорогу толстым слоем. Телеграфные столбы упали, провода оборвались, связь нарушилась. Начну этот невеселый разговор по порядку.

Река Хайдык, по которой мы плыли к озеру, грозила выйти из берегов и залить город Карашар, где находилась база нашей экспедиции. Под ударом быстротекущего потока деревянные мосты подрагивали, и движение по ним пришлось закрыть. Длинная очередь машин установилась на обоих берегах.

Население вышло на борьбу с рекой. Мужчины и женщины наращивали дамбы вдоль реки. Вода прибывала, но одновременно росли и земляные валы, сдерживающие ее напор.

Два дня не было связи между городом Курля и Таримскими госхозами. Из городов, лежащих ниже и выше ущелья — из Карашара и Курли, выехали молодежные бригады добровольцев. Они работали круглые сутки. Через 48 часов автомобильное и телеграфное сообщение было восстановлено. Мы обрадовались: отряды наши находились в разных местах, и нам необходима была постоянная связь.

Мне пришлось выехать в государственное хозяйство «Тарим I». Я видел, как в городе Курля восстанавливали набережные Кончедарьи. Непрерывно подвозили ветви и стволы деревьев, кирпичи. Вдоль реки сотни людей укрепляли дамбы.

Через 50 километров путь преградил сломанный мост. Разбушевавшаяся река подмыла правый берег, мост лишился опоры и рухнул. Наскоро соорудили временный. Он качался от каждого шага, но по нему уже переправлялись на противоположную сторону реки лошади, повозки и даже легковые автомобили. Из грузовых автомашин товары выгружали и переносили на руках. Время не терпит — нужно спешить. Строятся новые госхозы. Летняя пора для земледельцев самая ответственная.

Дорога из Карашара в город Куча пересекает несколько горных речек. На одной из них основательно засела наша машина. Залило мотор, в кузове плещется вода. Самим не выбраться. А речка-то в обычное время пустяковая, собственно говоря, ей и моста не полагается. Автомобили здесь всегда переправлялись на другой берег с хода, и водителей не заботило ни дно, твердое, каменистое, ни уровень воды. А вот после дождей разлилась речушка, стала опасным, сильным потоком.

Легковую машину нетрудно выручить из беды. Подошел тяжелый четырехтонный «Дзефан» чаньчунского завода, что стал выпускать первые в Китае автомобили. Натянулся трос. ГАЗ-69 поплыл по реке и остановился на галечном островке.

Рядом еще одна попавшая в беду автомашина. Ее занесло илом по самое «горло». Чуть видна была крышка кабинки. Как указатель, высится деревянная жердь, к которой синьцзянские шоферы привязывают старые камеры, наполненные запасной водой. Мало ли что случится в дороге? В жаркий день на крутом подъеме быстро закипает вода в радиаторе, и ему нужно помочь.

Нам рассказали о том, как все это произошло. Ночной порой машина подошла к реке. Место шоферу знакомое, обжитое; на противоположном берегу кишлак. Сколько раз уже приходилось здесь проходить бродом и всегда без приключений. Спокойно направил водитель грузовик в воду, в темноте не заметил, что река стала глубже, а течение ускорилося. Мотор подозрительно чихнул раз-другой и замолк. Завести его не удалось — вода залила свечи. Бушевал поток.

Шофер оставил машину и ушел в кишлак переждать ночь. «Утро вечера мудренее». Придет день, и можно будет с помощью подоспевших машин вытащить и свою — такой был расчет. Однако ливень в горах опрокинул этот план. Вода все прибывала. Бурлящий поток вымыл из-под колес грунт, и машина осела. А поток бурлил, и все новые наносы откладывались у грузовика. Наутро шофер с трудом нашел свой автомобиль.

В другом месте я видел еще одну машину. Вернее, не машину, а только кромки борта да бортовые крючки, торчавшие из-под наносов.

На реке Кызылсу мост был снесен. Здесь дежурил трактор. Он на тросе перетягивал тяжелые грузовики с берега

на берег. Делал это легко, ныряя в ямы и выползая из них. Большие машины медленно, но покорно следовали за маленьким бесстрашным лидером. Много он поработал за день, но дела у него достаточно до самого вечера.

Зеленый оживленный город Куча — один из древнейших в Синьцзяне. С севера его окаймляют горы Тянь-Шаня, к югу простираются пустынные равнины. Горы здесь тоже пустынные, иссеченные оврагами, похожими на глубокие старческие морщины.

Такие горы безжизненны. Местами белеют выпоты солей, от которых окружающая картина становится еще более мрачной. «Бедленд», говорят англичане, — дурная земля, непригодная к использованию. Это слово можно встретить в русской географической литературе.

Но раз в год или в несколько лет идет в горах сильный дождь. Тогда по оврагам бегут бурные потоки. Они размывают овраги и делают их рисунок еще более затейливым.

По главной длинной улице Кучи ходят своеобразные пассажирские «конки». Двухколесная ярко окрашенная коляска с навесом курсирует из конца в конец одного и того же маршрута. Плата по таксе. Остановки в любом месте, по требованию.

От наводнения Куча пострадал больше всех других городов и поселков. В окрестных горах ливень достиг катастрофической силы. Глинистые породы быстро разбухли от воды, образовалась насыщенная влагой корка, которая не давала воде просачиваться в землю. Дождевые капли стремительно скатывались и собирались в потоки разрушительной силы.

В верховьях ущелья, выходящего к Куче, лежит обширная межгорная котловина. Когда-то здесь было большое озеро. На его дне откладывались тонкие пылеватые осадки, окрашенные в легкие зеленоватые, салатные, блекло-желтые тона. Нетрудно, точно оконтурив их, нанести на карту границы древнего водоема.

Пустынно. Одиноким низкорослым кустикам хвойника или солянки, как оспенные пятна, покрыли землю. Ветер и вода уже успели здесь как следует поработать. Некогда гладкое дно озера изрыто руслами дождевых потоков, между которыми высятся гряды и холмы. Точно волны застыли на мертвой неподвижной поверхности бывшего моря.

В ночь с 13 на 14 августа именно сюда и обрушил всю силу тянь-шаньский ливень. И сразу ожили все складки в

рельефе, будто вновь не на шутку разыгралась непогода.

Из котловины существует один выход — через ущелье, перерезающее Чультаг, что в переводе значит «пустынные горы». Красные, малиновые, желтовато-зеленые, они действительно сухи, безжизненны, обнажены. Нередко горные породы смяты, пласты их опрокинуты, как говорят, поставлены на голову. Тогда они щетинятся голыми ребрами. Глубокие тени подчеркивают слоистое строение гор.

Это ущелье уйгуры называют Суакынсай, что можно перевести словами «ущелье водного потока»; китайцы — Яншуйгоу, т. е. «ущелье соленой воды». Действительно, в породах, слагающих его, всюду соль. Она видна то в виде прослоев, то в виде отдельных кристаллов в породе, то выступает белесыми налетами и выпотами на ее поверхности.

По ущелью Яншуйгоу проложена автомобильная дорога, позволяющая без больших подъемов и спусков пересечь хребет Чультаг — ведь ущелье сквозное! По этому ущелью прошел мощный поток ливневой воды — сель хлынул на город Кучу. Скорость его увеличивалась с каждым километром.

Со страшной силой он обрушился на спящий город, прорвав защитную дамбу. Это случилось на рассвете. Через два-три часа пришла новая волна, на этот раз по долине реки Кучи.

Наводнение захватило большую часть улиц и площадей. Были залиты продовольственные склады, магазины, некоторые учреждения; телеграф не работал, и только рация аэропорта известила о стихийном бедствии. Ее сигналы были приняты в Урумчи. И вскоре из Урумчи один за другим стали подниматься самолеты. Они везли врачей, медикаменты, продовольствие. И советский пассажирский самолет, пришедший накануне вечером из Алма-Аты, также полетел в Кучу, на помощь пострадавшим.

Легко представить отчаяние горожан, когда поток сносил дом за домом. Многие получили увечья, рушились целые кварталы, гибли люди.

Мы видели следы кучинской катастрофы, видели и планы нового города, который будет построен на возвышенном месте подгорной равнины, куда не дойдут воды селевых потоков. Это будет чудесный город-сад, и цвести ему уже в ближайшие годы.

На следующий год маршруты экспедиции вновь привели меня в Кучу. Уже мало что напоминало о наводнении. Старый город восстановили, а к востоку от него строился новый. Обрастали домами прямые улицы, возникали площади.

Наводнение не должно повториться, но для этого нужно много поработать: воздвигнуть плотины-ловушки в ущельях, восстановить дамбы. Тогда оазис будет огражден от селевых вод.

Чем же был вызван такой необычайной силы ливень в пустынном Синьцзяне? В те августовские дни циклон из Казахстана двигался на восток. Он перевалил Тянь-Шань и прошел вдоль южного его склона к Лобнорской равнине. В тыл циклона внедрились массы холодного воздуха с севера. Местный теплый воздух поднялся в верхние горизонты. Образовалась большая облачность. Начались сильные дожди, ливни и грозы. В Синьцзяне стало холодно. Такой глубокий циклон в этом крае, особенно в южной его части — Таримской впадине, окруженной высокими горами, — исключительное явление.

Казалось бы, дождям в Синьцзяне должны радоваться. Ведь здесь очень сухо, а дожди орошают пашни и пастбища: хорошо растут хлеба, тучнеет скот. Но земледелие в пустынной зоне оазисное. Поля пшеницы, плантации хлопчатника, сады, виноградники, огороды, баштаны получают воду из ирригационных каналов, которые питают горные реки. Все культуры здесь поливные. Горячим, сухим летом дожди не могут утолить их жажду. Зато они смачивают верхний слой пылеватой почвы. Он высыхает и образует твердую корку. Воздух не проходит через эту корку, растения задыхаются, плохо растут. Снижается урожай. После каждого дождя нужно вновь и вновь разрушать корку мотыгами. Кроме того, одна из основных местных культур — хлопчатник нуждается в солнце, а дожди сопровождаются тучами. Наконец, дожди вызывают подъем воды в реках. Стремительные потоки разрушают водозаборные сооружения на оросительных каналах, заносят их илом, выводят из строя всю систему орошения. В Байском районе, на восток от Кучи, за одно лишь лето 1958 года пришлось трижды восстанавливать головы каналов.

Земли Центральной Азии страдают от жажды, и растения, кажется, молят небеса о дожде. А когда, наконец,

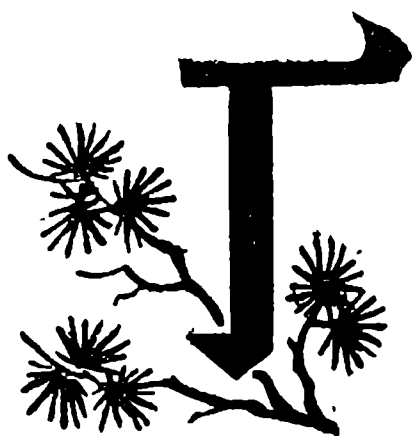
засверкают молнии, грянет гром и первые капли ударят по растрескавшейся от зноя и сухости почве, житель с тревогой смотрит на низкие темные тучи.

Такой парадокс объясняется просто. В течение тысячелетий человек приспособлял свое хозяйство к климату пустынь. Это был громадный труд. Строил цветущие города, каналы, водохранилища, промывал и удалял соли из почвы. Многовековой опыт породил определенные навыки в сельском хозяйстве, ритм в работе. Большие дожди в пустыне нарушают этот ритм. Много сил нужно, чтобы ликвидировать последствия ливня. Становятся понятными тревоги крестьян, когда надвигается гроза и заволакивается горизонт. Гром и молнии не предвещают ничего хорошего.

КУНЬЛУНЬ — ПОЗВОНОЧНЫЙ СТОЛБ АЗИИ

Тигантскую горную цепь Куньлуня удачно называют позвоночным столбом Азии. И действительно, куньлуньские хребты, начинаясь у Памира, уходят далеко на восток Китая и пересекают весь материк. По средней высоте они не уступают Гималаям, и многие вершины достигают семи тысяч метров. Однако как не похожи горы Куньлуня на Гималаи, с их роскошными южными лесами, обильными осадками и многоводными реками, богатым и своеобразным животным миром. Куньлунь сух, безлесен; пустыня поднимается по склонам гор до высоты вечных снегов. Скучные водные потоки, рождающиеся из льдов высочайших массивов, иссякают, выходя на равнину. Только три реки — Яркенд, Хотан и Черчен — в летнее время, когда тают ледники и снега, углубляются в пустыню.

Куньлунь — граница между Тибетом и Синьцзяном. К югу от гор лежит безлюдный, мрачный и холодный Джантанг — часть Тибетского нагорья, к северу — самая большая азиатская пустыня Такла-Макан. И только между горами и пустыней цветут оазисы, образующие тонкую разорванную цепочку больших и малых зеленых островов — ожерелье из дорогих нефритовых бус.

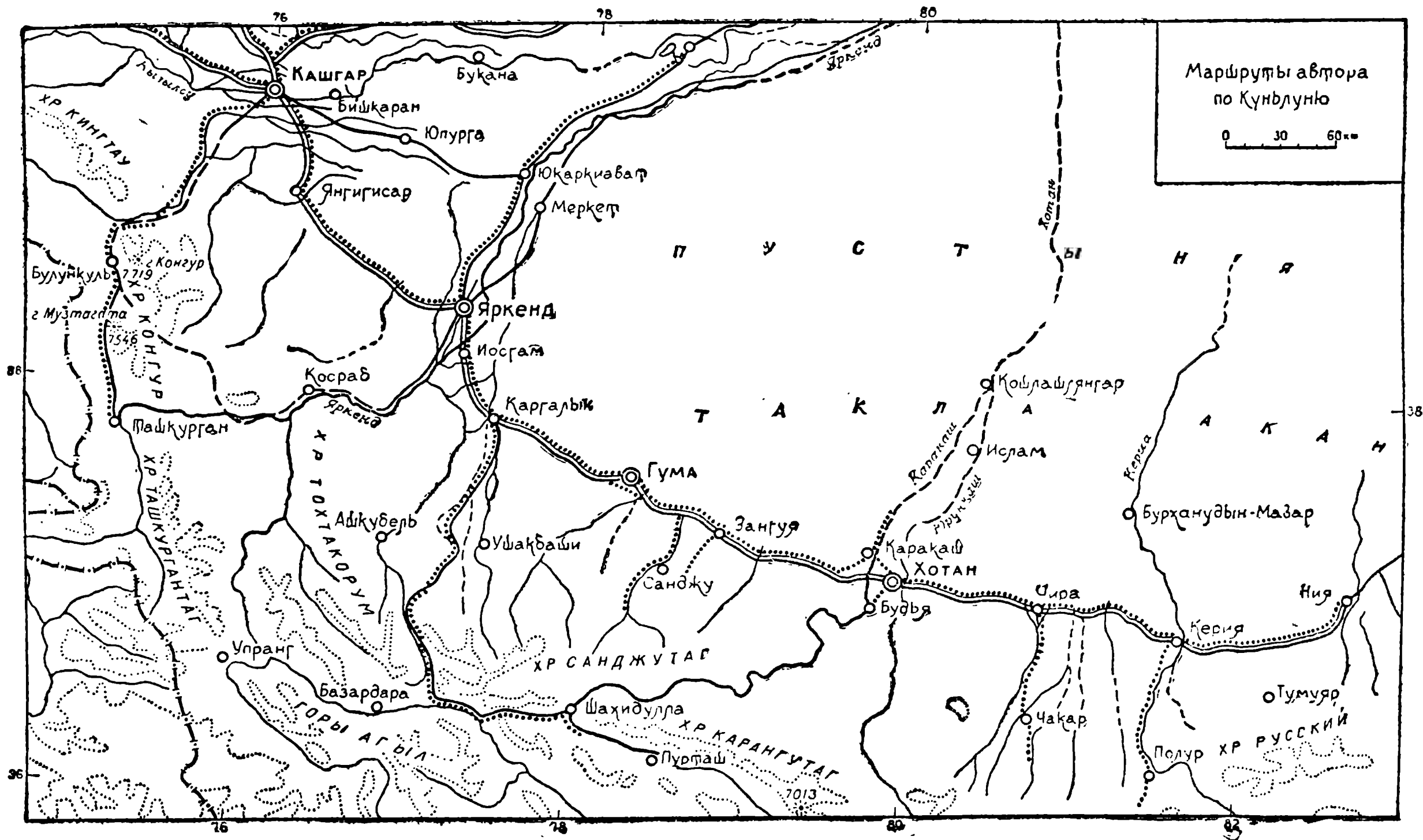
Эти оазисы были известны давно. О них писали еще античные географы. Оазисы эти густо населены: в двух из них — Кашгарском и Хотанском — живет два с половиной миллиона человек. Иной раз едешь по аллеям-улицам тридцать-сорок километров. Журчит вода в арыках, шелестят ивы, тополя.

Славятся оазисы виноградом, гранатом, айвой, персиком, абрикосом, грецким орехом. На полях зеленеет пшеница, рис, хлопчатник. Густой пряный запах цветущего лоха стоит над полями.

Очень большие высоты Куньлуня беспокоили руководителей экспедиции. Больше пяти тысяч метров — не шутка, особенно для тех, чья жизнь уже пошла под уклон. На перевалах болит голова, появляется рвота, идет кровь из носа, случается, люди гибнут. Перед отправлением в горы нас осматривала медицинская комиссия. Нам измеряли кровяное давление, проверяли емкость легких, слушали работу сердца. После этого разрешили отправляться в путь, но не всем. Кое-кто должен был покориться велению врачей и остаться внизу, в подгорных оазисах.

Солнце висит над головой мутным пятном, тусклым и скучным. Медленно осаждаюсь, мельчайшая пыль покрывает землю. Горизонт близок, нет перспективы. Только у самого подножия Куньлуня показались горы. Чем выше поднимались по Тибетскому шоссе, тем прозрачнее становился воздух, тем шире открывалась панорама далеких снеговых массивов высочайших вершин. С перевала Серых проглядывались длинные цепи гор с плоскими гребнями. Более безжизненных гор нет во всей Средней и Центральной Азии. Только на самом западе, там, где Куньлунь соприкасается с Памиром, на северных внешних склонах кое-где сохранились леса из тянь-шаньской ели.

В тех местах, где появляется скудная трава таглыки, жители гор пасут скот. В сухих долинах они устраивают

Маршруты автора
по Күнблуню

0 30 60 км

запруды и собирают в обвалованных по краям ямах талые или дождевые воды. Сюда приходит скот на водопой. На осликах в больших бутылочных тыквах развозят воду по кочевьям.

И все же в Куньлуне рождаются реки, водами которых орошаются подгорные оазисы. Осадки в этих местах ничтожны, они выпадают преимущественно летом в виде снега. Дожди крайне редки. Все истоки лежат у ледников и питаются талыми водами. Снеговая линия поднята очень высоко: от 5500 до 6000 метров. Здесь с ледников стекают редкие в Куньлуне реки. Большая вода идет в самое жаркое время — в конце июня и в июле, а зато в мае воды в таких реках не хватает для орошения полей на равнинах.

На больших высотах выпоты солей белыми пятнами украшают горные склоны, а иногда граничат со снегами. Это также следствие крайней сухости. Соли выносятся реками на подгорные равнины и вместе с поливной водой попадают на поля. В куньлуньских оазисах среди других солей встречается и сода, губительная для растений. Борьба с засоленностью почвы требует много усилий и времени.

На крутых склонах гор висят громадные осыпи. Трудно идти по таким склонам. Узкая тропинка вьется меж валунов. Даже привычный конь ступает осторожно, пробираясь по осыпи. Из-под копыт летят камни и с грохотом падают на дно ущелья.

Перед подъемом на перевал Кыргызын-Дабан ночевали в небольшом поселке Кыргыз-Джангал на берегу Раскема. Это было 1 июня 1959 года. Большая вода еще не пришла, но в холодной тишине ночи было слышно, как река катит гальку. Звездное небо казалось совсем близким. По случаю моего дня рождения сотрудники экспедиции устроили торжественный ужин. В просторной палатке на земле был раскинут большой брезент. На такой скатерти появились разнообразные яства и вина. Вкуснее всего оказались пельмени, маленькие, размером в медную монету, крепкие, сочные. Нужно ли говорить, что все мы отдали должное искусству кулинаров? В беседах быстро прошел вечер: веселые и сытые все разошлись к своим койкам. Только тогда мы вспомнили благоразумные советы врачей, инструктировавших нас перед отъездом в Куньлунь: «Меньше кушайте на больших высотах, а по вечерам, перед сном, вообще воздерживайтесь от пищи». Воздержались! Так был отме-

чен день рождения на высоте 4800 метров, самый высокогорный в моей жизни.

Тибетское шоссе, искусно проложенное через крутосклонные хребты Куньлуня, петляет при подъемах и спусках, пересекает ущелье в узких теснинах.

Утром на перевале дул холодный, пронизывающий ветер. Хребты громоздились один над другим; снега и льды покрывали горные вершины. Высота 5160 метров. Над нами синело глубокое яркое небо. Воздух был удивительно прозрачен. Горизонт просматривался на десятки километров. Ходить было тяжело, даже по некрутому склону, мешала теплая одежда, трудно дышалось.

Над этим миром безмолвия сияло солнце, негреющие лучи которого зажигали миллионы холодных искр на нетронутой белизне снегов. Больно смотреть, спасают только темные защитные очки. Мгновенно меняется пейзаж, его краски становятся контрастными, резкими.

Под перевалом в долине Каракаша живет небольшой коллектив метеостанции Шахидулла, пока единственной во внутренних районах Куньлуня. Ни один путешественник не пройдет мимо нее. Повернула к ней и наша машина. Два года работает станция, и интересно, что она зарегистрировала за один год только 38 миллиметров осадков, а за второй — 24 миллиметра. Ничтожно мало. И это на высоте 3543 метров, где должны энергично конденсироваться водяные пары.

Из Шахидуллы открывалась широкая долина Каракаша, по которой дорога шла в Тибет, в его пустынные нагорья и дальше в Индию, к ее сказочным городам и величественным памятникам культуры. Через горы Куньлуня издавна проходили древние караванные пути из Китая в Индию. Эти пути, проложенные через заоблачные горные вершины и известные еще со времен Сюань Цзана — одного из первых китайских путешественников в западные страны (VII век), способствовали развитию культурных и торговых связей между этими странами. Влияние их цивилизации на жизнь оазисов Центральной Азии несомненно. Ясно и то, что древние исторические пути, потерявшие свое значение в век скоростного транспорта, некогда играли важнейшую роль для общения двух великих народов Азии.

В наши дни через Куньлунь и Гималаи регулярно летают пассажирские самолеты, связывающие Москву и Дели.

Горные пути, протоптанные нашими предками через каменные перевалы, кажутся тонкими паутинками, вьющимися далеко внизу под крыльями самолетов, плывущих над снежными шапками вершин, над ледниками высоких долин и мрачными осыпями склонов гор.

Техника XX века творит чудеса — электропоезда, дизель-электроходы, автомобили, самолеты. Современный воздушный реактивный лайнер покрывает расстояние от Урумчи до Дели за 1,5—2 часа. Но и сегодня на древних караванных путях лошади осторожно бредут по узким каменистым тропам в отвесных ущельях Гималаев и Каракорума. Медлительные яки несут свой груз на высоких сыртах Сарыкола. Верблюды по-прежнему, как и тысячу лет назад, — верный друг человека в пустынях Центральной Азии.

А рядом уже бегут автомобили. Они легко взбираются на высокогорные перевалы, где гибли усталые животные и люди, не выдерживавшие трудностей длинного пути. Мосты переброшены через бурные потоки. Лента автоtrakта серпантинном вьется по крутым склонам пустынных гор. Чтобы из оазисов Южного Синьцзяна проникнуть в долину Инда в Тибете, раньше нужно было потратить месяц-полтора, а теперь, пользуясь автомобилем, достаточно трех-четырех дней.

Вот и наша экспедиция воспользовалась одной из таких новых автомобильных дорог, чтобы глубже проникнуть в горы Западного Китая. В прошлом далекие маршруты в Куньлунь удавались редким путешественникам и были связаны с большими трудностями. Горы очень высоки, пустынные, малодоступны.

Нам предстояло проделать несколько маршрутов, чтобы познакомиться с природой Куньлуны. Один из них пролегал из оазиса Керия на юг — в сторону Тибета. И здесь мы отметили две отличительные особенности этих гор: их склоны оказались одетыми толстым покрывалом лёссовидных супесей, а в ряде мест были видны свежие следы недавней вулканической деятельности.

Лёссовидные супеси (некоторые исследователи называют их лёссами) мощным слоем покрывают склоны гор и как бы выравнивают рельеф. Чем выше в горы, тем частицы супеси тоньше, она все больше похожа на пыль. Невольно приходит мысль, что это северные ветры принесли пыль и тонкий песок из пустыни Такла-Макан. При этом

более тяжелые крупные частицы осели у подножий гор, а более легкие, мелкие, поднялись выше.

Куньлуньские супеси не имеют большой силы сцепления. Там, где на склонах эта тонкая, чуть сцементированная корочка трескается, вся она начинает быстро разрушаться и сползает по крутому склону. У настоящих лёссов таких разрывов не бывает.

Как возникла мощная толща куньлуньских супесей? Ведь небольшой слой пыли, принесенный ветрами из пустыни, мог и дальше развеиваться ветром, и даже малый дождик легко смыл бы ее, а вода увлекла бы вниз, в Таримскую впадину.

Видимо, супеси образовались не в современный, а в какой-то другой, более холодный период. Они осаждались на поверхности горных снегов, и их не могли унести ни ветры, ни дождевые воды. Новые снегопады погребали тонкие прослойки пыли и песка. И когда снег стаял, они обнажились. Но как же супеси сохранились в нашу эпоху, когда в Куьлуне так мало дождей и снегов? Причина та же — исключительная сухость. Сухие куьлуньские супеси быстро впитывают влагу редких дождей. Нет после дождей бурливых потоков, и некому размывать и сносить вниз эту корочку пыли. Но будь немного больше дождей, и вся эта легко разрушаемая рыхлая порода была бы размыта и снесена обратно в пустыню Такла-Макан.

В кишлаке Полу, выше которого уже нет селений в Керийских горах, жители занимаются земледелием и добывают каменный уголь. Пшеница и ячмень дают урожаи даже в условиях короткого лета, но яблоки и абрикосы не вызревают.

Полусцы — отличные охотники. «Какого зверя бьете, — спросил я, — медведя, барса-ирбиса, яка?» — «Ни медведя, ни барса нет в наших краях, — отвечали они, — но есть бараны, козлы, лисицы, сурки». Сурков они называли почему-то не тюркским, а монгольским словом «тарбаган», но произносили его — «дарваган». Кутасы, т. е. яки, водятся в высоких горах на границе с Тибетом. Охота на них трудная, но если удастся убить зверя, то надолго обеспечивают себя мясом. Толстую, тяжелую шкуру разрезают на две части и перевозят на двух сильных ослах.

В окрестностях Полу большие площади покрыты молодыми вулканическими породами. Китайские топографы и геологи в верховьях реки Керии наблюдали, как из гор шел дым, летели камни. Эти сведения очень интересны. Считалось, что в наше время действующие вулканы встречаются только у берегов океанов и морей, больше всего к Тихоокеанскому кольцу. И вдруг тут, в глубине азиатского материка...

Но мы не видели ни извержений, ни вулканических конусов. Полусцы не знают гор, откуда из земли вырывался бы дым и огонь. Может быть, наша экспедиция не попала в те места, где двадцать лет назад вулканы дышали огнем. Натолкнулся же я на такие места, где лавы покрывают речные террасы. Значит, вулканическая деятельность проявлялась здесь в сравнительно недалеком геологическом прошлом. В долине Керии среди камней можно найти валуны из пористого черного или темно-фиолетового базальта. Такой породы у кишлака Полу нет. Значит, река принесла ее из других мест, из верховьев своего бассейна, где, видимо, встречаются совсем свежие вулканические конуса, действовавшие на глазах у человека.

На самом западе Куньлуня высятся два горных гиганта — Конгур (7719 м) и Музтагата (7579 м). С них спускаются ледники. Я насчитал их тридцать три. Казалось бы, на таких вершинах ледники должны быть огромными, в десятки километров длиной. Но из-за крайней сухости даже самые большие из них оказались весьма скромными — 12—14 км длиной и только один 21 км. Они не идут ни в какое сравнение с гигантскими ледниками Тянь-Шаня или Памира.

Несмотря на величие Куньлуня, протяжение и исключительную высоту, горы его не вызывают к жизни ни одной такой реки, как Аму-Дарья или Сыр-Дарья. Даже Тарим — самая полноводная река Южного Синьцзяна — получает большую часть воды из тянь-шаньской Аксу, водосборный бассейн которой лежит в пределах СССР, в районе Хан-Тенгри и пика Победы.

У подножия Конгура раскинулось большое озеро Булункуль, откуда устремляется в узкое и глубокое ущелье река Гез. Озеро почти безводно, оно уже занесено осадками, дно его выровнено, и серые озерно-речные пески по

берегам развеваются ветрами. Сильные порывы поднимают целые тучи песка и переносят его на ближайшие горы. Песок лежит высоко на склоне и даже перевевается через гребень на противоположную сторону низкого отрога.

На берегу Булункуля живут киргизы. На широких поймах впадающих в него рек пасутся лошади, яки, овцы. В небольшой поселок — рабат — весь день приезжают люди из айлов. Одним нужно в магазин, где продаются сахар и ковры, чай и ткани, мука и обувь... Другие привезли шерсть, кожи, меха на приемный пункт.

Снега свежей порошей одели горы. Приходилось прятаться в тулупы, хотя лето в разгаре. Киргизы посеяли ячмень. Но даже этот самый холодоустойчивый злак часто вымерзает в здешних местах.

Среди жителей Булункуля мы искали охотников и старателей. Эти люди без усталости бродят по горам и хорошо знают их. Они сообщали нам много интересного и полезного.

Как-то на большом холме я заметил множество сурочьих нор и бутаны — маленькие бугорки выброшенной из нор земли. Скоро я увидел и охотника за сурками — шестнадцатилетнего киргизского юношу Орозбая. Его лицо, покрытое блестящим темно-коричневым загаром, потрескалось от сухости и горного солнца. Рядом щипал траву черный осел, к седлу которого был привязан золотисторыжий сурок — суур.

Орозбай охотился с капканами. У норы он делал ямку, закапывал взведенный капкан, посыпая его сухим растертым навозом, а затем землей. Цепь капкана прикреплялась к рогам горного козла и также зарывалась в землю. Сурка привлекает запах навоза. Своими сильными лапами с длинными когтями зверек начинает разбрасывать землю над капканом. Срывается замок, пружина зажимает ему лапы.

В тот же день, когда я встретил Орозбая, один из наших спутников, милый и тихий Ли, убил горного барана — архара. Большие рога старого самца изгибались правильной спиралью. Длина одного рога достигала 108 сантиметров, а окружность у основания — 30 сантиметров. Можно представить, какую тяжесть носит на голове такой рогач! Шкуру и череп животного передали в коллекцию зоологического отряда. Старые животные становятся жертвами своих же гипертрофированных с возрастом рогов. Они

мешают быстро передвигаться и смотреть по сторонам, а это может иметь роковые последствия.

Продолжая путь в глубь гор, приехали к таджикам-сарыкольцам, в их «столицу» Ташкурган, что в переводе значит «каменная крепость». Действительно, над широкой долиной с зеленой луговой поймой высятся развалины большой старинной каменной крепости, построенной на холме. Некогда она охраняла караванный путь из Индии в Синьцзян.

В Ташкургане издавна существует орошаемое земледелие, и сарыкольцы все, что необходимо для жизни, выращивают на террасах своей уютной долины. Хотя высота значительная — 3050 метров, здесь созревают пшеница, горох и, конечно, ямень. В последние годы стали выращивать рапс, кунжут, овощи и пока для опыта — подсолнух и рис. Ивы и пирамидальные тополя украшают поселок, который, став центром таджикского национального района, сильно разросся. Я никак не ожидал, что расположенный в самой глубине гор Ташкурган будет освещен электричеством. На речке жители соорудили небольшую электростанцию и по улицам протянули провода. Городок имеет радиосвязь с Кашгаром, отсюда можно отправить телеграммы во все концы Китая.

Какой-то охотник принес для коллекции шкуру убитого медведя. Сотрудники шутили, что это не медведь, а снежный человек, или, как его тут называют, ябалык-адам, легенды о котором живут и среди сарыкольников.

В последние годы сторонники гипотезы существования снежного человека все чаще стали указывать на горы Синьцзяна, как на его место обитания. После безуспешных поисков специальной памирской экспедиции возникла мысль, что на Памире снежный человек уже исчез, но сохранился восточнее Памира — в высоких и безлюдных горах Куньлуня. Вопрос о существовании снежного человека продолжает интересовать многих. Я всегда скептически относился к такой гипотезе. Исследования Синьцзянской комплексной экспедиции совпали со временем широких поисков этого загадочного существа, будто бы обитающего в горах азиатского материка. Поскольку о нем часто писали во многих газетах и журналах, эта тема служила предметом порой оживленных споров во время нашего путешествия по Синьцзяну.

Однако рассказ о куньлуньском диком человеке-звере начну издавека. Несколько лет назад, как-то днем, мне позвонили из редакции одной крупной московской газеты. Ее сотрудник спросил мое мнение о пресловутом снежном человеке и могу ли я о нем что-либо написать. Ответ был короткий: снежного человека нет, все многочисленные рассказы о нем выдумка, писать на эту модную тему мне бы не хотелось.

Увлечение снежным человеком во всем мире приняло большие масштабы. Радио, газеты, журналы рассказывали легенды, подкупающие своей правдивостью и точным указанием места обитания загадочного племени — хозяина высочайших гор азиатского материка. Вскоре появились и толстые книги, авторами которых выступили путешественники, охотники, любители приключений и сенсаций. Загадочным существом заинтересовались ученые, солидные научные организации. С волнением ждали телеграфных сообщений из Памира, Тибета, Куньлуня, Гималаев и Каракорума.

Прошло несколько лет. И что же? Ученые продолжали спорить о снежном человеке, а он оставался неуловимым. Ни человек, ни зверь, а невидимка. И что любопытно — наиболее яростными защитниками гипотезы его существования оказались те, кто никогда не работал в горах Средней и Центральной Азии.

Между тем публичные лекции собирали массу слушателей. В этих лекциях мирно уживались быль и небылица. Лекторы торопились из одной аудитории в другую, из одного города в другой.

Как-то весной, когда я собирался в очередную экспедицию за тридевять земель, в далекие горы Куньлуня, ко мне пришел один из московских ученых, горячий защитник идеи о существовании неведомого человека-животного. Памирцы, сказал ученый, часто указывали на высокие долины Сарыкола и Куньлуня в Китае, где якобы встречаются эти люди-невидимки.

Собеседнику было хорошо известно мое скептическое отношение к такого рода сведениям, и все же он попросил, а я обещал при случае расспрашивать местных жителей о снежном человеке.

Попав в далекий край заоблачных высот Куньлуня, где редки путешественники, мы интересовались всем и многое записывали в полевые дневники.

Мой спутник, профессор Борис Александрович Федорович, в поселке Ташкурган слышал рассказ старожилы, вспомнившего, что одиннадцатилетним мальчиком он видел снежного человека—ябалык-адама¹, которого убил его дядя-охотник в горах Раскема. Снежный человек был покрыт густой растительностью и отличался сильно развитыми надбровными дугами. Ташкурганцы уверяли, что теперь на Сарыколе нет ябалык-адама, он ушел на восток, в долину Раскема (так называется верховье реки Яркенд в Синьцзяне).

Через некоторое время мы очутились в высоких долинах Куньлуня. На трудных перевалах слабость сковывала движения, но не погашала интереса к грандиозным панорамам, открывшимся перед нами. В ясные дни горы искрились снегами, на горизонте вздымались хребты за хребтами, и казалось, что нет конца этому величественному миру белых вершин и синего-синего воздуха. Мы воочию увидели замечательные полотна Рериха. Ведь он писал в соседних местах Тибета, до которого рукой подать. Прозрачная чистота неба, лиловые пустынные горы, ослепительно сверкающие снега и льды...

Вот и долина Раскема. Неширокая река несла воды в просторной галечной пойме. Мы ночевали в крошечном поселке. Где-то внизу играла река. В низкой хижине и душно и холодно, хотя июньское лето стояло в разгаре. Временами дышалось с трудом. Кое-кто из нас выходил из домика и полной грудью вбирал свежий воздух. Не хватало кислорода, голова наливалась свинцовой тяжестью.

Пустынные горы круто падали к реке, длинные черные осыпи покрывали склон. Утреннее солнце косыми лучами подчеркивало контрастность красок, без того мрачных, безжизненных. Растительности почти не было. Наш ботаник, доктор биологических наук Александр Афанасьевич Юнатов, жаловался, что с трудом находит себе работу, хотя весь день без устали охотился за редкими низкорослыми, чахлыми кустарничками или жесткой осокой-кобрезией на засоленных поймах рек.

¹ Адам — человек на многих языках Азии: арабских, иранских, некоторых тюркских, от древнееврейского «адам» в смысле — земля и первый человек, так как по библейской легенде человек был создан богом из земли.

Сквозное ущелье Дабанчи, в котором издавна проходили караванные дороги, а теперь проложены автомобильная и железная

(к стр. 140—141)

Знаменитый мост Люгоуцяо (мост Марко Поло)
(к стр. 156)

Сколько таких парусных лодок бороздит воды китайских рек!

Здесь трудные условия жизни, и борьба за существование должна быть особенно жестокой — это испытывают и растения и животные. А человек? Мне пришлось побывать во всех горах Средней и Центральной Азии — от Каспийского моря на западе до Большого Хингана на востоке. Но более пустынных гор, чем Куньлунь, не припомнить. Здесь редко-редко встретишь человека.

Если ябалык-адам живет в горах Куньлуня, то как же он одинок. И чем питается? Мы расспрашивали жителей долины Раскем и верховий Каракаша, что лежат близ границы с Тибетом, и всюду получали один и тот же короткий ответ: ябалак-адама нет, да и зверь редок. Иногда отсылали нас в другие места, но мы уже хорошо знали цену таким рекомендациям. А в поселке Кюде, в долине бушующей реки Тизнаб, нам посоветовали поискать снежного человека на ... Алтае!

Прошло немного времени, и я повстречался в Ташкургане с таджиками-сарыкольцами, язык которых был мне непонятен. Но горцы все оказались двуязычными, хорошо говорили и по-уйгурски. Высокий красивый молодец обратился к нам с приветствием по-русски. Он несколько лет учился и работал в Советском Союзе, а теперь — смотритель небольшой гидроэлектростанции в родном кишлаке. На наши вопросы о снежном человеке отвечал: «Народ говорит, но никто его не видел». Тем не менее местные охотники все же утверждали, что на границе Китая с Советским Союзом и Индией они встречали ябалык-адама. Он всегда одинок, не подпускает к себе людей и кидает в них камнями.

«Но почему вы не стреляли, ведь даже труп разрешил бы сразу все споры?» — спросил я. — «Нельзя стрелять, — говорили охотники, — как только заметит нас, сразу же перебегает государственную границу — в Индию или Советский Союз. Как же можно стрелять на чужой земле? Закон не позволяет. Когда же советские или индийские пограничники приближаются к снежному человеку с другой стороны границы, он перебегает обратно в Китай».

Это уже звучало анекдотом. Подумать только, какая высокая сознательность у дикого жителя гор, если он понимает, что такое государственная граница.

Как-то мои китайские друзья с радостью сообщили мне, что они купили у одного из старых охотников шкуру снежного человека для зоологического института Китайской

Академии наук. По виду моих молодых коллег было трудно сказать, шутят они или говорят серьезно. Я поспешил ознакомиться с новым неожиданным приобретением экспедиции. Действительно, на земле лежала большая серая шкура, покрытая пышным густым мехом.

Медведь! — мелькнула первая мысль, но светло окрашенный мех ничем не напоминал мех нашего бурого мишки. Я оглянулся. Мои спутники смотрели на меня и ждали ответа. Так вот каков снежный человек, наконец-то он в наших руках!

Сидя на шкуре, я рассматривал и ощупывал ее, выискивая место конечностей и головы. На груди ясно вырисовывалось белое пятно в виде лунного серпа. Через секунду я уже нашел короткие уши... уши медведя! Снежный человек оказался медведем, но особым малочисленным подвидом, который водится в пустынных высокогорьях Памира, Сарыкола и Западного Куньлуня, а также в горах Среднего Востока. Зоологи первоначально описали его под именем памирского, затем отнесли к сирийскому подвиду бурого медведя.

Это знакомство с косолапым в высоких долинах Сарыкола напоминало эпизод в другой экспедиции 1943 года. Тогда мы с А. А. Юнатовым путешествовали по пустынным и безлюдным нагорьям Гоби, в юго-западной части Монгольской Народной Республики. С этими местами связана была легенда о волосатых людях — аламасах. Из литературы нам было известно, что здесь водятся медведи. Это же подтвердили и жители Гоби. Но, однако, никто из путешественников не видел их. Монголы говорили, что гобийский медведь умен, осторожен, понимает человеческую речь, ходит на задних лапах, живет в неприступных скалах, где устраивает удобные и постоянные жилища. Суеверные кочевники уверяли нас, что гобийский мишка не животное, а волосатый человек.

Мы ехали верхом на верблюдах, бесшумно шагавших по песчанистому руслу, и увидели впереди небольшого бурого медведя, спокойно выискивавшего какие-то коренья. Крик одного из верблюдов испугал зверя, он несколько секунд с недоумением смотрел на нас, а затем стремглав побежал в мелкосопочник. Охотники, надо сознаться, мы не первоклассные, но все же хорошо разглядели так называемого аламаса. Тем более удивили меня свидетельства профессора Б. Ринчина из Улан-Батора, в

последние годы распространяющего сведения об обитании снежного человека в гобийских горах и Монгольском Алтае.

Во втором выпуске «Информационных материалов комиссии по изучению вопроса о снежном человеке» (1958) есть заметка о том, что охотник в районе озера Лобнор в Западном Китае убил «человека-медведя», передвигавшегося на двух ногах. Шкуру охотник передал в ближайший город Курлю. Я побывал в этом городе в 1958 году и узнал, что ее переслали в Пекин, в Академию наук Китайской Народной Республики, где ее определили как шкуру медведя. Опять — медведя!

Отождествление человека с медведем в сознании суеверных людей понятно. Мишка — любимый герой былин и легенд и в европейских странах, и в пустынях, и в горах Азии. Вспомним, как часто в русских сказках появляется медведь-оборотень. Народ не случайно называет косолапого человеческого именем-отчеством — Михаил Иванович.

Снежный человек, гульбиябан, ябалык-адам, аламас — это все фольклорные герои одного ряда, связанные с медведем-оборотнем, подобно тому как в лесах обитают леший, в воде — водяной и русалка, в доме — домовый, в снежных высоких горах — дикий человек, у разных азиатских народов называемый разными именами. Сколько «очевидцев» уверяли, что они видели леших, русалок, домовых, говорили с ними. Вряд ли более правдоподобны показания безграмотных монахов-лам, суеверных охотников, богобоязненных кочевников-скотоводов, затерянных в просторах азиатских пустынь.

К счастью, в последнее время раздаются трезвые голоса ученых. Так, например, А. З. Розенфельд убедительно показала, что легенды о снежном человеке просто-напросто пережиток древних верований у припамирских народов. Те, кто интересуются этим вопросом, могут прочитать статью А. З. Розенфельд в четвертом номере журнала «Советская этнография» за 1959 год.

Легенду о снежном человеке пытались сделать реальностью нашего времени, бедного такого рода открытиями.

Разбирая вопрос о снежном человеке, член-корреспондент Академии наук СССР С. В. Обручев в 10-м номере журнала «Природа» за 1959 год пишет, что только в наиболее труднодоступной высокогорной зоне Гималаев могли сохраниться снежные люди — йети, антропоидные обезья-

ны. Но наука не знает обезьян, приспособленных к холодному климату верхнего пояса Гималаев, где нет условий для жизни высших животных. В заоблачных горах естественные пищевые ресурсы ничтожны. И кажется непонятным, почему здесь могут обитать остатки племени йети. Антропоидные обезьяны — жители тропических стран — не знают зимы. В неблагоприятной среде они быстро погибают, даже в условиях искусственного содержания часто болеют. Обезьяны на южном склоне Гималаев не поднимаются выше двух тысяч метров над уровнем моря, а человекообразные — орангутанг, шимпанзе и горилла — живут только в экваториальных широтах с очень жарким влажным климатом и вечным летом.

Можно возразить, что первобытный человек жил не только в теплом климате, — это верно. Но уже люди каменного века умели пользоваться огнем, они защищались от холода примитивной одеждой и знали простейшие орудия.

На чем базировались защитники гипотезы существования снежного человека? Главным доказательством служили следы на снегу. Но такие следы меняют форму на глазах и принимают любые очертания, как только выглянет яркое горное солнце. Часто приводятся и рассказы местных жителей. Но мы уже знаем, чего стоят такие показания.

Самые веские доказательства мифичности снежного человека — упорные, но безуспешные попытки многих хорошо оборудованных экспедиций добыть его. Кажется, добрый десяток стран мира послал своих ученых и охотников в горы Азии. Годы ушли на целеустремленные, но бесплодные исследования в труднейших условиях азиатских высокогорий. А результаты? Никаких! Более того, в свете новых данных поблекли собранные ранее сведения и следует серьезно усомниться и в тех фактах, которые сторонники гипотезы о «снежном человеке» считали неопровержимыми.

В начале февраля 1960 года в Киеве проходил III съезд Географического общества СССР. Мне довелось вне официальной программы прочитать доклад об исследованиях в Западном Китае и, между прочим, высказать скептическое мое отношение к проблеме снежного человека. Этого было достаточно, чтобы его киевские защитники в споре со мной обещали не позднее лета привезти живого или мертво-

го человека-зверя... из Дагестана, где, по их сведениям, он до сих пор обитает.

Прошел 1960 год. Еще один год поисков не дал положительных результатов и разочаровал искателей и пропагандистов снежного человека, но одновременно и укрепил позиции их противников.

В последние месяцы стала известна новая интересная страница этой истории. Новозеландец Эдмунд Хиллари, популярный гималайский альпинист, получил в одном из непальских монастырей скальп йети, где он (т. е. скальп) считается священным. Хиллари выехал из Непала в сопровождении Чумби — старейшины деревни Кхумджо, так как без него никак не разрешали вывезти «святыню» за пределы монастыря.

И вот скальп изучается учеными Чикаго, Парижа и Лондона. Все эксперты единодушны в своих заключениях: он принадлежит либо лисице, либо козе. Газета «Известия» (№ 9 от 10 января 1961 г.) пишет, что известный биолог Лоуренс Стоун — участник экспедиции Хиллари, изучавший следы дикого человека на снегу, заявил: «Я был уверен, что это следы «снежного человека», до тех пор, пока не получил ясных доказательств того, что это четыре лисьих следа, слившихся в подтаявшем снегу... Легенда о «снежном человеке» — увлекательная история, и мне жаль уничтожать ее... Однако настало время правильно изложить факты — «снежный человек» никогда не существовал».

А ведь экспедиция Хиллари насчитывала в своем составе 600 человек и была хорошо технически оснащена. Сотни людей и современная техника оказались бессильны перед одним диким человеком. Вот так финал!

Но финал ли? Можно ли поставить точку на этой истории, в которую оказалось вовлеченным немало солидных ученых, на чью трезвость ума прежде всего и нужно было полагаться? На этот вопрос я боюсь ответить утвердительно. Думаю, что еще некоторое время будут продолжаться попытки доказать, что где-то все же живет либо совсем недавно жил дикий человек. При этом, как обычно, будут приведены ссылки на свидетельства почему-то всегда одиноких «очевидцев». Как расстаться с мыслью о необычном человеке-звере, обитателе высоких и холодных гор или безлюдных азиатских пустынь? Наконец, как оправдать перед самим собой безрезультатный труд по сбору материалов,

поискам свидетелей, а также экспедиции в горные страны за новыми доказательствами? Ведь на это ушли годы! А кто возвратит их, и чем возместить потерянное время?

Лишь спустившись с Куньлуня, мы по-настоящему отогрелись. Все участники экспедиции собрались в Кашгаре, где должны были предварительно отчитаться о полевых исследованиях.

Какие же результаты нашего путешествия в Куньлунь? Всего не перескажешь. Искали подходящие места для возведения плотин и устройства водохранилищ в горных долинах. Нужно было выбирать такие участки, где нет следов молодых землетрясений, где горные породы не будут растворяться в воде, как, например, известняки или гипсы. Ботаники и почвоведы впервые установили изменения почв и растительности с высотой. Здесь нет большого разнообразия. Куньлунь лишен лесного пояса, чем отличается от Кавказа, Гималаев или северного склона Тянь-Шаня, нет здесь и пышных горных степей, а пустыня и полупустыня поднимаются так высоко в горы, что соприкасаются с вечными снегами. Снега и ледников здесь мало, хотя высота Куньлуня очень большая и протянулись эти горы на тысячи километров. Это, конечно, объясняется их исключительной сухостью.

Чем дальше на восток Куньлуня, тем заметнее недостаток влаги. В хребте Алтынтаг и у озера Лобнор самые пустынные места не только Центральной Азии, но и всего азиатского материка. Ближайшие к Лобнору метеорологические станции регистрируют 5—10 миллиметров осадков в год, а в иные годы дождей или снега и вовсе не бывает (в средней полосе европейской части СССР каждый год выпадает 500—600 мм, а в пустынях Средней Азии — 80—150 мм в год). Поэтому на востоке Куньлуня реки редки.

Да и в прошлом, во время великого оледенения, которое переживала наша планета, в Центральной Азии было тоже сухо, может быть, чуть влажнее, чем в нашу эпоху. Поэтому много солей осталось всюду — в горных породах, в моренах, рыхлых отложениях горных ледников. Много солей было вынесено реками на подгорные равнины, где образовались соленые озера и обширные площади засоленных земель. Если удастся их опреснить, то удастся и освоить новые большие земледельческие площади.

В Кашгаре — старинном большом городе — в эти дни было особенно многолюдно. С 17 по 19 июня уйгуры праздновали веселый курбан-байрам. В пестрых шелковых платьях шли девушки, их черные волосы были заплетены в десятки тонких косичек. Юноши предпочли пиджачные костюмы. Каких только не было тюбетеек: и черные с белой вышивкой, и ковровые, и пестрые с цветным орнаментом и с бисером! На городской площади танцевали. Играл оркестр народных инструментов — зурна, дутара, домбра, бубны. Оркестранты сидели на арке главной мечети, между минаретами. Танцевали только мужчины, долго и однообразно, строго соблюдая ритм. Этот танец называется «сама», говорили, что он заимствован из Тибета.

Издавна в Кашгаре, да и теперь еще на его старых улицах, дома окрашивают охрой. Но уже выросли новые кварталы с широкими улицами, двух- и трехэтажными домами. Построены большие здания библиотеки, кинотеатра и универмага. На площади разбили сквер с фонтаном. Главные улицы асфальтировали.

Наша экспедиция разместилась на окраине Кашгара, в помещении бывшего русского (а затем советского) консульства.

Российское консульство в Кашгаре образовано в 1860 году, когда генеральным консулом был назначен Николай Федорович Петровский. Он проработал здесь более двадцати лет и пользовался большим уважением среди местного населения и у китайской администрации. Многие европейские путешественники по Центральной Азии в своих отчетах вспоминают Петровского, неизменно помогавшего им в организации научных исследований. Хорошая известность русского консула простиралась далеко за пределы Синьцзяна. Он и сам в свободное от службы время изучал археологические древности, природу и хозяйство Таримской впадины, историю Центральной Азии и напечатал несколько работ.

Теперь в консульском подворье принимают приезжающих гостей. Большой тенистый сад, где щелкают соловьи, бассейн для купания, просторные, украшенные хотанскими коврами комнаты показали нам раем земным, куда мы попали после холодных ночлегов в хребтах Куньлуня, пыльных дорог по подгорным оазисам и тесных палаток. Мы наслаждались комфортом городской жизни, о котором уже успели забыть.

Перед отъездом из Кашгара нас пригласили в селение Бишкаран, расположенное среди виноградников и фруктовых садов. В Бишкаране заготавливают впрок дыни, фрукты, виноград: их сушат, засахаривают, вялят, варят варенье и повидло. Гостеприимные хозяева завалили ими длинный стол, просили отведать и сказать, что более всего нам понравилось. Бишкаранцы говорили, что постараются наладить производство именно тех продуктов, которые получают у нас наиболее высокую оценку. Мы похвалили изделия из абрикоса, вяленые дыни и компоты, не помню, из каких фруктов. В общем все было вкусно, но можно ли отведать десятки сладких блюд?

Под вечер мы распрощались с зеленым кишлаком. До Кашгара было недалеко, но бесконечные арыки затрудняли движение автомашин. По арыкам текла кирпичного цвета вода, она несла глину. Не случайно кашгарская река называется Кызылсу — красная вода. Она протекает через пестро окрашенные горы, размывает их и насыщается красной мутью. Поэтому и почвы орошаемых полей в Кашгарском оазисе нередко имеют красновато-кирпичный цвет.

На следующий день мы покинули Кашгар. С самолета увидели городские улицы и сады, поля большого оазиса. На юге выделялись снежные вершины Куньлуня, но скоро и они исчезли в пыльной дымке. Под нами простиралась пустыня. По левую сторону плыли изрезанные оврагами, обнаженные, сухие горы Калпинтаг.

Паромщики на Тариме. Им часто приходится бродить по воде

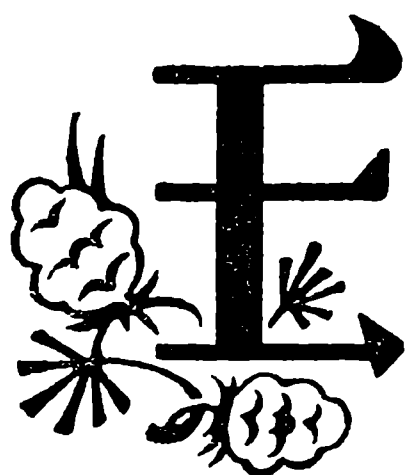
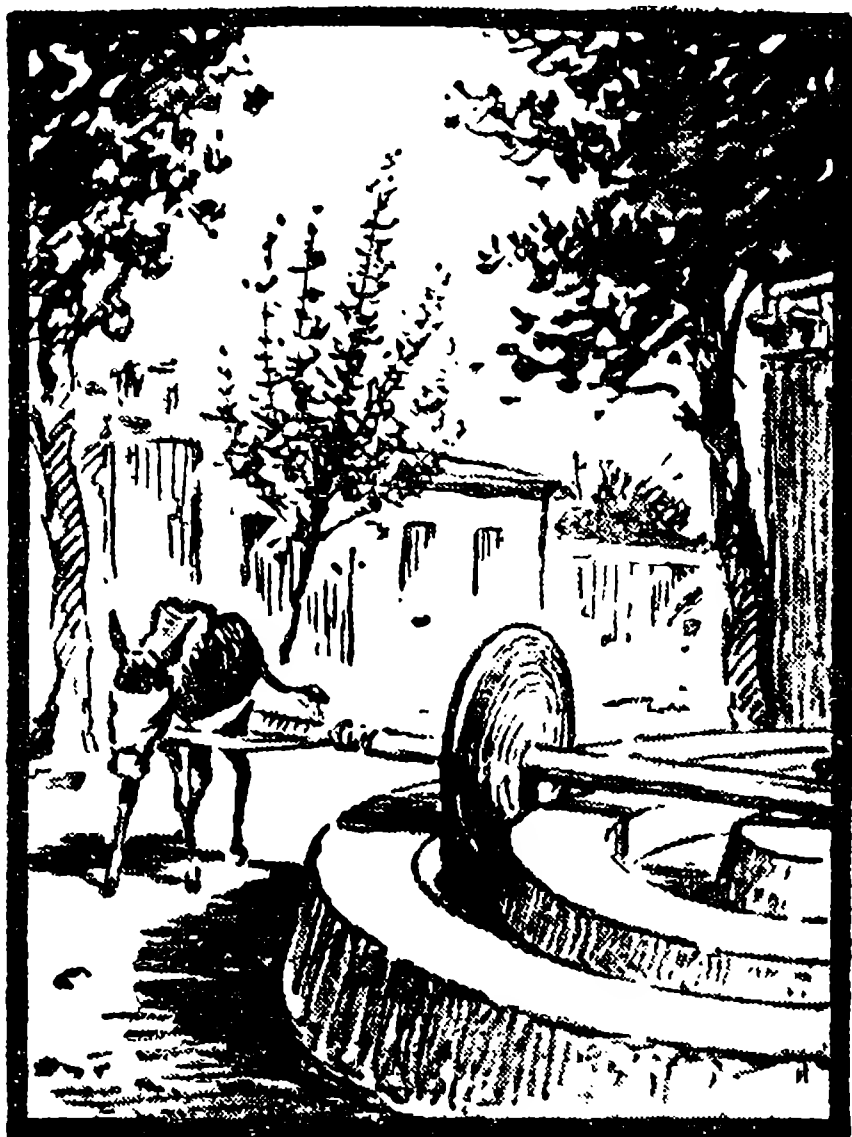

В сухом осеннем воздухе листья тограка сворачиваются в трубочки, буреют и сплошь устилают землю шуршащим пологом
(к стр. 115)

Он совсем не боится людей, но глаза смотрят настороженно,
ушки поднимаются

(к стр. 115)

ДРЕВНИЙ ХОТАН

дем по хорошей автомобильной дороге вдоль подножия Куньлуня. Гор не видно, они окутаны пеленой лёссовой дымки. Мельчайшие частицы пыли поднимаются ветром и, невесомые, висят в воздухе, приближая горизонт. В жаркие дни частички лёсса накаляются, воздух становится томительно знойным. За два дня пути по равнине горы так и не показались. Кто-то в шутку заметил, что этой поездкой мы сделали величайшее географическое «закрытие» Куньлуня.

Но высокий хребет все же совсем рядом. Время от времени мы переезжаем реки, текущие с юга на север, к пустыне Такла-Макан. Расплывчатыми, дрожащими контурами высоких тополей в дымке появляются кишлаки. Появляются и исчезают. За ними опять бесплодная пустыня.

И в маленьком селении и в большом городе пирамидальные тополя украшают улицы, дороги, каналы. Стройные,

высокие, с узкой длинной кроной, они своими верхушками устремляются ввысь. Ветви тянутся вверх, закрывая ствол. Эти чудесные деревья хорошо растут, а в безлесной стране это, понятно, очень ценится. Где взять строительные материалы, прутья на плетень, топливо? Если есть вода, черенки пирамидальных тополей легко приживаются. Но только если есть вода. Поэтому за пределами оазисов тополей нет.

Пирамидальные тополя каждый год дают древесину и продолжают расти. Осенью крупные ветви отпиливают, а весной вырастают новые побеги, дерево быстро набирает силу. Вид таких тополей необычный — на толстом голом стволе видны ярусы молодых, коротких, но густых веточек, родившихся только в этом году.

Этот хороший обычай сажать деревья по дорогам Китая отметил еще Марко Поло: «По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездит, великий хан приказал через каждые два шага насадить деревья. Деревья эти, скажу вам, теперь велики так, что видны издалека. А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была, и заблудиться нельзя было. И по пустынным дорогам есть деревья; для купцов и для гонцов велико от этого удобство; и во всех царствах и областях есть деревья по дорогам».

Под горами Куньлуня немало пышных оазисов; знаменитейший из них Хотан, один из богатейших городов древнего Востока, слава которого измеряется тысячелетиями. Некогда главенствовал он в Центральной Азии. В Хотан приходили длинные караваны с товарами из Согда в бассейне Зеравшана, Китая и Индии и вновь уходили в разные страны. Древнегреческий географ Клавдий Птолемей уже знал город Хотан, населенный хатами.

Две большие реки — Каракаш и Юрункаш — летом бурные, ожесточенные, орошают оазис. Их верховья лежат в высоких горах Куньлуня, где издавна добывали нефрит — любимый на Востоке камень древности. Китайцы его называют «июй», уйгуры — «каш», монголы — «хаш», персы — «йашм». Как не вспомнить при этом слово «яшма» в русском языке!

Нефрит воспевали восточные поэты, о нем слагали песни, рассказывали легенды, верили, что он излечивает болезни почек.

Поэт камня Александр Евгеньевич Ферсман в своей книге «Самоцветы России» посвятил нефриту вдохновенные строки:

«Своеобразна и загадочна судьба плотного зеленого камня, называемого нефритом. В малопривлекательных обломках, иногда темный, почти черный, в других случаях светло-молочный камень мелкого, занозистого излома, без блеска, без ярких красочных тонов. Никогда не встречается он в кристаллах, которые могли бы привлекать к себе внимание и своей красотой бросаться в глаза первобытному человеку. А между тем что-то мистическое связывалось с этим камнем, и не случайно он сделался объектом человеческого обихода и орудием в тяжелой борьбе за существование не только у народов Средней Азии, в этом очаге мировой культуры, но и в Европе — среди Альпийских цепей, в Америке, на берегах Ориноко и Амазонки, и на островах Новой Зеландии.

В самых разнообразных центрах человеческой культуры на заре ее зарождения, у разных народов нефрит вместе с кремнем сделался первым орудием жизни... Еще в незапамятные времена китайской истории нефрит обратил на себя внимание и по неизвестным причинам сделался предметом культа Китая. Когда впервые познакомишься с этим камнем, непонятным кажется это увлечение целой страны, увлечение не сверкающим, искристым самоцветом, а матовым камнем серых, невеселых тонов. Но стоит немного повозиться с китайскими безделушками, стоит немного привыкнуть к этим неярким краскам, чтобы постепенно проникнуться его обаянием, чистотой его тона, мягкостью отлива, какой-то глубиной и спокойствием, которые так ценит китаец. Его поразительная однородность, его прочность при не очень большой твердости, доступность выразить резьбою самый тонкий рисунок — все это влекло к себе восточные народы, подчинившие этому камню и свой резец и свои творческие замыслы...

Главным центром нефрита во всем мире была Центральная Азия — та область Хотана, поэтического города восточного Туркестана, богатство которого составляет нефрит и мускус».

Каждый год в летние месяцы широко разливаются две реки Хотана и несут много камня с вершин Куньлуня. Но вот проходит большая вода, высыхают каменистые поймы, и можно собирать священный июй.

Но простому народу нельзя было искать его. По древним обычаям к берегам Юрункаша подходила торжественная процессия, которую возглавлял сам властелин Хотана.

Он первым должен был видеть дары гор. Хан смотрел на зелень деревьев. От листьев исходил мягкий неяркий свет серебра. Это добрый знак, он говорил о том, что летняя вода принесла много нефрита, по красоте подобного молодой девушке. Только после повелителя могли его подданные искать среди миллионов обломков желанный камень.

И в наши дни куньлуньский нефрит добывается в горах и вывозится в Шанхай на гранильные фабрики. До сих пор в Китае любят и ценят изделия из камня июй, по преданию, приносящего счастье.

В соседнем с Хотаном городке Керия мы посетили небольшую мастерскую, где обрабатывают нефрит. Тут был и знаменитый белый камень, и темный, и бледно-зеленый, радующий глаз спокойными переходами цветов. Мастера пилили камень, резали, полировали. Большой труд, опыт и искусство нужны для того, чтобы сделать из одного куса камня маленькую тонкостенную рюмку на изящной ножке.

Во дворе мастерской лежали привезенные на верблюдах с высоких гор большие тусклые осколки нефрита и гладкие валуны, обработанные рекой, найденные на галечных поймах после спада летней воды. Скоро, когда человек прикоснется к ним острым резцом, они примут совершенные формы и засверкают полированной поверхностью.

На память о Керии и куньлуньском нефрите нам подарили по небольшой каменной квадратной палочке. На ее торце граверы вырезали тонкие иероглифы, которыми переданы наши фамилии на китайском языке. Так у меня появилась «личная» печать. В Китае по традиции такие печати, выгравированные на камне, слоновой кости, твердом дереве или на металле, заменяли личную подпись.

Зеленоватая палочка нефрита лежит на моем письменном столе. Она мне напоминает Китай, далекий Синьцзян, горы Куньлуня и друзей, с которыми я путешествовал. И когда пишу им письма, то всегда кончаю оттиском пяти красных иероглифов.

Старая улица Хотана сохранила свой древний облик. Здесь еще чувствуется экзотика мусульманского Востока, слышится призывное пение муэдзина на минарете и утреннее воркование горлинки.

Но с каждым днем все сильнее ощущается дыхание XX века. Протянулись осветительные провода, к столбу прикреплен радиорепродуктор, по узкой кривой улице движутся автомашины. В центре города, близ базара, большое здание городского дома культуры, украшенное пятиконечной звездой.

Издавна Хотан славится шелками, коврами и тюбетейками; их вывозят на Запад и на Восток. Шелководство в Хотане — старинное занятие жителей. Здесь все поля окружены деревьями белой шелковицы; ее листья поедает червь, а сладкая некрупная ягода — любимое лакомство для детишек. Ягоды сушат впрок, и в зимнее время они заменяют к чаю сахар и конфеты.

Китай — родина шелководства, уже четыре тысячи лет изготавливают там шелковые ткани. Долгое время китайцы ревниво оберегали секреты шелководства, как и тайну изготовления фарфора.

В одной из легенд рассказывается о рождении шелководства в Хотане, в то время населенном буддистами. Через их город шли караваны на запад с тонкими тканями, так высоко ценившимися в странах Востока и Европы. Много раз правители Хотана просили китайских владык прислать им шелкопрядов и семена тутовых деревьев. Стражники на границах придирчиво следили за тем, чтобы за пределы государства никто не мог вывезти запретных червей. Строго-настроено, как государственное преступление, карался тайный вывоз. В далеком прошлом одна из китайских принцесс была просватана за хотанского князя. Китайский богдыхан и на этот раз не прислал шелковичных червей и семена шелковицы. Но будущей княгине нужно будет много шелка. Нельзя же шить царскую одежду из бумажных тканей.

Вот и решила невеста сама позаботиться о своих нарядах. Она спрятала в шапку семена шелковицы и яйца шелкопряда. Так они вместе с принцессой проделали большое путешествие в Сиюй — западный край. С тех пор там и стало известно шелководство.

В современном китайском языке шелк — сы, но в старой литературе можно встретить форму — сир. У корейцев и теперь шелк именуется словом «сир». В некоторых греко-римских источниках китайцев называют серами. У римлян шелк именовался *sericum*, у французов — *soie*, у англичан — *silk*, у русских — «шелк». Эти слова пришли

в европейские языки из китайского вместе с шелком, известным в Риме еще до нашей эры.

На хотанской шелкоткацкой фабрике ткут тонкие ткани — одноцветные и пестрые. Особенно любят уйгурские девушки муаровые шелка. Их изготавливают и у нас, в Узбекистане и Таджикистане.

Из 350 килограммов сухих коконов получают 100 килограммов шелковой нити. Чтобы создать один кокон, шелкопряд вьет нить в несколько сот метров. В лучших шелководческих районах Китая, например в Сучжоу, длина нити в коконе достигает 900 метров, в Хотане же пока — только 600. А весит сухой кокон меньше грамма. Легко представить, сколько коконов нужно переработать, сколько километров нити надо получить, чтобы сшить шелковое женское платье или мужскую сорочку.

Известны на Востоке и хотанские ковры. Ковровому мастерству здесь около 1500 лет, и оно передается из поколения в поколение. Отцы обучают детей.

Красивы и ярки национальные орнаменты на хотанских коврах. А каждый орнамент — это целая история, ведь народные художники создавали его столетиями. Специалисты по рисунку определяют и происхождение ковров. Чем больше вяжется узлов на единицу площади, тем больше ценится ковер. Хотанские ковры самых разных размеров — то совсем маленькие для совершения мусульманской молитвы — намаза, то громадные, украшающие полы приемных залов, ресторанов, гостиниц.

Около ковровой фабрики — странное сооружение: круглый цементный бассейн, напоминающий фонтаны на площадях и в парках наших городов. Вдоль внешнего края кольцевая канавка, по ней ослик катит тяжелое колесо на деревянной оси. Глаза у него завязаны, чтобы не закружилась голова от бесконечного хождения вокруг бассейна. Как заведенная игрушка, ходит ослик, пока не настанет время еды и отдыха.

В канавке перерабатывается старая негодная бумага. Колесо размалывает ее, толчет в воде. Из полученной массы вновь делают чистую бумагу. Большие листы сушатся тут же, под лучами жаркого солнца. В сушильнях нужды нет — дождя здесь почти никогда не бывает.

Хотанцы пригласили нас в один из сельскохозяйственных кооперативов. Познакомиться с его жизнью, отведать фруктов. День стоял осенний, прохладный, в воздухе —

сухой туман-помоха. Видимость плохая; дальше 200 метров ничего не видно. Из тумана пятнами выплывают всадники на лошадях, ослики, навьюченные мешками зерна, хворостом и кукурузными стеблями, и идущие рядом крестьяне. Появляются и вновь растворяются в молоке помохи.

Поля и сады кооператива Будья лежат на правом берегу Каракаша, откуда берет начало оросительный канал. Широкое галечное ложе сухо — высокий летний паводок уже прошел, и река неторопливо несет мелкую чистую воду.

Крестьяне готовили поля для посевов. На осликах вьюком, в мешках возили удобрения и складывали их кучками в аккуратные рядки.

В горах Куньлуня пока не обнаружены фосфориты или другое сырье для получения удобрений. А удобрений для оазисных земель Синьцзяна нужно много. Кукуруза, хлопчатник, масличные нуждаются в усиленном питании. Навоза не хватает — в оазисах мало скота. Для удобрения полей идет все: и дорожная пыль, и свежий ил после паводка на реках, и верхний слой лёсса с ближайших гор, и выбросы из оросительных каналов. Медленно, но неуклонно из года в год увеличивается толщина плодородного слоя. На старых землях, где человек пашет уже целое десятилетие, он измеряется метрами.

Был вечер. Мы шли по поселку. Где-то играл старинный граммофон, и в воздухе плыла уйгурская мелодия. Вот домик. Над ним навес. Он весь перевит длинными гибкими стеблями с крупными чуть изогнутыми листьями. Теперь осень, и со стеблей свисают какие-то странные плоды, похожие на стеклянную колбу для химических опытов. Это бутылочная тыква. Ее разводят специально для изготовления домашней посуды. Если такую тыкву хорошо высушить, отрезать верхушку узкой горловины, получится бутылка емкостью в один литр и больше. Из нижней половины можно смастерить удобную чашку, светильник или ковш для воды, легкий, удобный. Иногда встречаются тыквы, в которые можно вместить до пяти-семи литров жидкости. По две-четыре такие тыквенные баклажки вьючат на осликов, возят воду. Эта посуда тоже бьется, но все же она не такая хрупкая, как стеклянная или фарфоровая. От сильного удара ковш может дать трещину, расколоться, но никогда не рассыпается на десятки мелких и крупных обломков.

Нас пригласили к столу. Только осень бывает так щедра. Виноград разных сортов и цветов, груши, персики, гранаты. Таких гранатов, ярких и сочных, не приходилось видеть. Тут же полюбовались и гранатовым садом. В густой зелени красные крупные плоды. Гранатник боится холода. На зиму его ветви, как и виноградную лозу, пригибают и засыпают землей. Поэтому деревца граната в Хотане всегда низкорослые и растут не прямо вверх, а наклонно.

Уже темнело, когда мы тронулись в обратный путь. На дороге крестьяне одарили нас гранатами. Мы ехали молча, погруженные в свои думы. Машины шли медленно. Фары тускло освещали дорогу, туман сгустился, и мгла окружила нас плотной пеленой. Неизвестно, когда же она рассеется и прозреет горизонт.

ТАРИМ И ЛОБНОР

тояли теплые осенние дни. Но светлые утра были холодны, а ночью ртуть термометра опускалась немного ниже нуля. На рассвете зелень под инеем казалась присыпанной белым искристым порошком. С первыми лучами солнца над рекой плыли низкие туманы, на глазах таявшие от поднимающегося с земли тепла.

Такой осенью началось путешествие к Тариму — великой центральноазиатской реке, давно привлекавшей внимание географов.

Серебристая лента Тарима вьется среди пустынь Южного Синьцзяна. Удивительная река! Одни истоки ее — в горах Куньлуня, совсем близко от долины Инда, а другие — в Тянь-Шане, около верховий Или, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

С запада на восток течет Тарим, постепенно теряя свои запасы. Он пересекает огромную впадину, заполненную песками Такла-Макан, и заканчивает свой тысячекилометровый путь в озерах Лобнорской равнины, где белеют мертвые солончаки.

Выехали на автомобилях из города Аксу. Машина прыгала по ухабам проселочной дороги. Тяжело и надрывно работал мотор, местами колеса увязали в песках. Голая щебнистая пустыня сменялась бугристыми солончаками с кустами тамариска. Только небольшими участками выделялись уже давно освоенные земли.

К вечеру, пройдя 130 километров, уставшие, добрались до берега Тарима. Река текла в пустынных берегах. Была осень, вода спала, обнажились песчаные отмели и плоские островки — осерёдыши.

Когда я впервые увидел Тарим, он показался мне похожим на нашу Сыр-Дарью. Примерно такая же ширина, стальная мутная вода, рыхлые невысокие берега.

На берегу реки сидели уйгуры-паромщики в белых брюках, закатанных выше колен — им часто приходится бродить в воде. Небольшой паром перевозил людей, лошадей, двухколесные арбы.

Оставив машины на левом берегу, переправились через широкую гладь реки. На правом берегу начинается пустыня Такла-Макан. На сотни километров протянулись безжизненные пески. Зеленой полосой выделяется долина среди бурой пустыни. Вдоль реки растут своеобразные леса. Мощные разнолистные тополя, обычные на террасах центральноазиатских рек, заросли облепихи, тамариска, черкеза, кусты чия и у воды высокие тростники. Нетронутая природа! В таких лесах обитают благородные олени и кочуют стада диких кабанов. Когда-то, лет пятьдесят назад, за ними охотился тигр. Но теперь его как будто нет. Я расспрашивал таримцев, но всегда получал отрицательный ответ. Однако лет пятьдесят назад этот хищник, без сомнения, водился здесь.

Странно видеть оленя среди пустынь. Ведь это лесной обитатель. И, конечно, он спустился с гор по речным долинам, по которым пышно растут деревья и кустарники, и так оказался в долине Тарима среди пустынь.

В нижнем течении реки крестьяне изловили около двадцати молодых оленят и устроили ферму. Когда олени вырастут, у самцов будут срезать рога — панты; из них

приготавливают лекарство, которое издавна славится в Китае и ныне признано во всем мире как восстанавливающее силы.

В небольшом городке Курле я видел совсем ручного олененка. Когда я подходил к нему, он чуть волновался, глаза смотрели настороженно, ушки поднимались... Его шкуру украшали веселые белые пятнышки. Олененок был в детском наряде. Пройдет год, и исчезнут пятна. Взрослое животное зарастет гладкой одноцветной шерстью.

Самые замечательные растения долины — тополя. На них разные листья, будто от двух растений. Не случайно их так и называют — разнолистными. Листья на молодых побегах длинные, узкие, похожие на ивовые, на старых — вырезанные сердечком, плотные, похожие на березовые, но покрупнее. Округлая пышная крона деревьев поднимается на 10—12 метров.

Местные жители эти тополя называют тограками и очень ценят их. И, действительно, есть за что. Они не боятся засухи, их длинные корни сосут воду с большой глубины. Заросли деревьев сдерживают наступление песков в долине. Из тополей строят дома и мосты, изготавливают телеги и лодки. Кора разнолистных тополей пропитана содой. На изломах стволов, в дуплах можно увидеть белый налет. Таримцы собирают кусочки коры, насыщенные содой, и кладут их в воду. На ней замешивают тесто.

Падают желтоватые листья. В сухом воздухе они быстро теряют влагу, сворачиваются в трубочки, буреют. Осенний тограковый лес не горит такими яркими красками, как кленовый или березовый. Он как бы усыхает. Грустно шелестя, летят листья, сплошь устилая землю шершавым пологом.

Таримские овцы едят такой «подножный» корм. В нем много соды и других солей. Некоторые из них необходимы животным, но вряд ли этот корм можно считать питательным. В долине Тарима нет хороших пастбищ, как в горах, нет сочных трав. Но заросли тограка, кустарников и тростников все же дают корм овцам.

Среди тограковых лесов спрятались одинокие хутора таримских жителей. Они ловят рыбу, вялят ее на солнце, солят. Особенно она хороша зажаренная в прокопченном чугунном котле, где кипит и шипит хлопковое масло. Золотистая ломкая корочка аппетитно похрустывает на зубах.

С большим трудом отведя воду из реки на поля, таримцы засевают пшеницу, просо; у каждой усадьбы — огород и бахча.

Вся жизнь природного оазиса, протянувшегося узкой полосой на многие сотни километров, связана с рекой, ее водами, каждым летом разливающимися обильно и привольно.

Первую ночь на берегу Тарима провели в палатках землеустроительной экспедиции управления целинных земель Синьцзяна. Нам рассказали о планах освоения долины, осуществление которых, признаться, казалось мне далеким и трудным. Нелегко было представить, что на лесных малолюдных берегах реки в ближайшие годы появятся поселки, плантации хлопчатника, огороды, обширные поля пшеницы и кукурузы.

На следующий год я снова приехал в Синьцзян и снова попал в Аксу — старый город, который славится красивыми девушками, рисовыми полями и обилием воды. Недаром «аксу» в переводе значит «белая вода», текущая из горных снежников и ледников. Как и в прошлом году, путь лежал к берегам Тарима. Но теперь уже машины быстро неслись по новому гравийному шоссе, и через три часа мы уже были у реки. Автомобиль пересекал ирригационные каналы, шел через небольшие поселки и остановился у нового двухэтажного дома. Это была гостиница. Нам сразу же предложили принять ванну и освободиться от дорожной пыли. У дежурного на столе чернел телефон. В номере я дернул за шнурок выключателя — вспыхнула электрическая лампочка; заработала моя электрическая бритва.

Удивительные превращения! Как-то не верилось, что я опять попал в дебри Центральной Азии, к границе пустыни Такла-Макан, где в прошлом году бродили непуганые олени и скучали одинокие паромщики у пустынной реки. Еще год назад не было здесь ни дорог, ни поселков, ни этой чудесной гостиницы, ни электрических огней, мелькающих ночью среди тополевой рощи, ни пламени кирпичного завода.

Началось наступление на долину Тарима. Корчевали кустарники, валили вековые деревья, строили каналы, распахивали землю, промывали ее от вредных солей. Созданы десятки специальных государственных хозяйств. Перед ними была поставлена задача — в кратчайший срок

дать хлеб, овощи, фрукты. В некоторых госхозах уже зеленели огороды, поля были засеяны пшеницей, рисом. Высоко поднялась кукуруза и гаолян. Открылись коробочки хлопчатника. Посадили первую виноградную лозу.

...Новый большой паром на Тариме поднимал сразу три автомашины, а рядом с пристанью через реку уже перебросили арки строящегося моста. Вслед за пионерами целинных земель на десятки километров ушли по долине телеграфные столбы.

Природа Центральной Азии немилостива к человеку. Хорошие земли уже давно освоили наши предки. На нашу долю осталось осваивать пустыню, где пылеватые почвы легко развеваются ветрами или насыщены солями. Да и орошать землю таримскими водами не просто. Очень трудно построить плотину на такой большой реке, как Тарим с его рыхлыми неустойчивыми берегами. Тарим — капризная и многоводная река. Она бесконечно меняет русло. В летние месяцы, когда приходит паводок, в среднем в каждую секунду сбрасывается пятьсот кубических метров воды, а в отдельные дни еще больше. Так, 1 августа 1956 года таримцы увидели очень высокую волну, река широко разлилась и покрыла низкие террасы. В этот день через поперечное сечение реки проходило до 2520 кубических метров воды.

Возьмем для сравнения хорошо известную Москву-реку. До строительства канала имени Москвы по ней в среднем за год проходило около 60 кубических метров в секунду, а однажды, во время весеннего наводнения 1908 года, отмечался максимальный паводок за все время наблюдений, когда ежесекундно сбрасывалось 2800 кубических метров. Многие улицы Москвы были тогда покрыты водой.

Ежегодно миллионы тонн ила и песка несет Тарим. В местах, где река дробится на рукава, или там, где уменьшаются уклоны, течение ослабевает, речные наносы откладываются в русле, и оно постепенно мелеет. Наступает такой момент, когда вода не уместается в мелком ложе, перехлестывает берега, устремляется в сторону и создает новое русло. В долине Тарима десятки больших русл и сотни малых, следы блужданий реки по равнине.

В разных местах долины Тарима сохранились старые заброшенные пашни и сухие оросительные каналы. Почему

же земледельцы оставили земли, в которые вложили труд, и, может быть, не одного поколения? Ответ на этот вопрос мы получили позже.

Сотрудник нашей экспедиции профессор Чжоу Дин-жу изучал блуждание русл Тарима, читал исторические записи, много беседовал с местными жителями и постепенно, шаг за шагом, восстанавливал картину кочующей реки. Он приводит такой поразительный пример разрушительной работы Тарима. У гидростов Шахъяр и Синьчимынь весной 1957 года ширина русла Тарима была 285 метров, после летнего половодья увеличилась до 358 метров, ровно через год достигла 413 метров. За два года русло в поперечнике увеличилось на 128 метров! Какая другая река может соревноваться с Таримом? Подмытая земля обваливается, большие куски с плеском падают в воду, увлекая кустарники тамариска, деревья тограка, куртины с тростником, и русло загромождается наносами.

Однажды в долине Тарима бурили глубокую скважину. Бурили долго, но из скважины поднимали все те же речные осадки, какие сегодня видны на поверхности. Вся толща отложений оказалась речными наносами.

Блуждания Тарима меняют всю картину ландшафта. Мрачный высохший лес. Листва давно облетела. Тополя стоят обнаженные, будто в ожидании весеннего тепла. Но деревья уснули навсегда. Мертвый лес, уродливые мощные стволы, сухие торчащие ветви. Печально торжество пустыни, побеждающей жизнь. Что же произошло здесь, в чем причина гибели леса, чем он переболел? Тограки связаны с реками, их дельтами либо со старыми долинами, где ныне уже нет живых потоков, не сохранились подземные пресные воды. Ушла река, и погиб лес...

Так цепочка взаимосвязанных процессов объясняет нам и гибель тополей. Они умерли потому, что даже глубокие корни лишились воды, а может быть, и потому, что деревья бессильны были бороться с обилием солей, губительных для многих растений. Мертвые участки лесов можно часто встретить в разных местах Таримской впадины. Некоторые путешественники видели в них доказательство ухудшения климата, его иссушения, происходящего на глазах человека. Но, как видно, смерть деревьев вызвана местными причинами — блужданием реки.

Так вот почему таримцы бросали свои старые орошаемые земли! Река переметнулась в сторону, каналы высох-

ли, а без орошения здесь не может вырасти ни один колосок пшеницы, ни одна дыня. Крестьянам не под силу было гнаться за своенравной рекой и удлинять каналы. Пришлось покинуть освоенные места и распахивать участки на берегах нового русла. Проходило время, история повторялась. Тарим уходил и снова забрасывались пашни.

Почвы в долине Тарима на больших площадях пронизаны различными солями, в первую очередь поваренной. Вредные соли резко снижают урожаи. При поливе оросительная вода проникает в почву и поднимает уровень подземных вод. А в долине Тарима, где осваиваются новые земли, он и так близок к поверхности. Жарко, вода быстро испаряется через почву, и в верхнем ее горизонте откладывается много солей. Ведь в любой речной воде имеются соли. При влажном климате они легко смываются и уносятся в океан, и поэтому их меньше в реках. К тому же пышная растительность препятствует размыву горных пород, содержащих соли. В пустынях же солями пропитаны и горные породы, и почвы, и воды. Здесь осадков мало, а испарение может быть значительным. Местами на земле образуется плотная кора соли, крепкая, как камень. Нужно промывать солончаки, рыть дренажные каналы и отводить по ним соленую воду с полей, тем самым опресняя землю.

Но вот земля распахана. Ее заботливо подготовили для посевов, освободили от деревьев и кустарников, выравняли бугры, прорыли каналы, оросили.

Но не понравилось природе такое насилие, и она стала мстить. Там, где верхний слой лёссовой почвы был тонок, его смыло поливной водой, и она с шумом устремилась в толщу речного песка. Размыло почву, повсюду чернеют ямы. Грунт под действием воды оседал, возникали пустоты и рушилась верхняя почвенная кровля. Так в долине Тарима появилась ирригационная эрозия, серьезно беспокоившая новоселов. Мало того, что сносится плодородный слой и делаются негодными пашни, на освоение которых затрачено много труда, еще сколько воды теряется при поливах. А ведь ее нужно издалека, из реки, подвести по сложной системе каналов. Вот уж действительно уходит как в прорву.

Такие просадки почвы наблюдаются только на целинных поливных землях. На старопахотных их нет. Надо привозить землю, засыпать ямы. Упорно трудится человек, и постепенно затягиваются «раны». Уплотняется земля, и

через несколько лет никто не найдет заплаты, положенной терпеливым земледельцем.

Трудно, очень трудно осваивать в этих краях новые земли. Тем более удивительны результаты деятельности и упорства человека. Пока положено начало, а по плану в долине Тарима будут работать десятки госхозов. Пустыни Южного Синьцзяна дадут много хлопка, сахарной свеклы, зерна, овощей, фруктов.

Уже обессиленный добегают Тарим до Лобнорской низины, до озера Лобнор. Только два притока принимает река по пути — Музарт и Кончедарью, текущие с Тянь-Шаня. Но в последние пятьдесят лет Кончедарья обособилась и ее воды оставили Тарим. Об истории взаимоотношений этих рек с озером Лобнор я и хотел бы рассказать.

В природе существует ряд интересных загадок, разрешение которых связано с большим трудом и затратой времени. К таким загадкам относится и озеро Лобнор. О стране Лоп писал еще Марко Поло, но об озере с таким названием он даже не упоминает. Между тем озеро Лобнор давно знали китайские географы. За несколько столетий до путешествия Марко Поло на китайских картах и в географических источниках оно изображалось и описывалось как лежащее на северо-восточной окраине в пустыне Такла-Макан.

Впервые достоверные сведения об этом пустынном водоеме собрал Н. М. Пржевальский. В 1876 году он посетил берега озера, изучил и описал его. В плоской впадине, среди сверкающей белизны солончаков и сыпучих песков, это озеро выделялось ярким голубым пятном. Во время весеннего перелета над озером стоял неумолчный гомон пернатых, стихавший только с наступлением темноты. Сюда к водопою сходились следы осторожных зверей пустыни: диких верблюдов и газелей — джейранов. В высоких тростниках, окружающих водоем и дельту реки Тарим, впадающую в Лобнор, за кабанами охотился тигр.

Местным жителям очень просто ловить рыбу. Они отводят воду из реки в соседние котловины, а затем строят запруды. Вода в котловинах испаряется, рыба остается на дне.

Вся жизнь лобнорцев была связана с озером. Они охотились на водоплавающих птиц в тростниковых зарослях. Молодые побеги употребляли в пищу. Очаги топили тем же тростником. Из тростника они строили дома, изготавливали

мебель. Покойников хоронили в лодках. Одна лодка была гробом, вторая — крышкой. В лодку вместе с покойником клали и рыболовные сети, чтобы он мог найти пропитание на том свете, где, по представлениям лобнорцев, тоже было много озер.

Озеро в пустыне, замкнутое со всех сторон и не имеющее стоков, было очень мелким и, что удивительно, пресным. «Вода везде светлая и пресная, — записал Пржевальский в своей книге «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор». — Солоновата она лишь у самых берегов, по которым расстилаются солонцы, лишенные всякой растительности и взъерошенные, как волны, на своей поверхности».

Знаменитый географ нанес берега озера на карту и определил его координаты. Возникла загадка: Лобнор лежал гораздо южнее, чем показывали китайские карты.

На отчет Пржевальского, едва лишь он был опубликован, откликнулись президент Берлинского географического общества Фердинанд Рихтгофен, а вслед за ним и некоторые другие зарубежные ученые. Все они считали, что наш путешественник не был на Лобноре, а под этим именем описал другой водоем, может быть, временный разлив, временное расширение реки. Ссылаясь на китайские источники, они утверждали, что Лобнор — соленое озеро и находится не там, где работал Пржевальский.

Но великий русский исследователь не ошибся. Он действительно видел Лобнор, вода которого все же была пресной, но постепенно засолялась по мере отдаления от дельты реки Тарима и особенно у плоских солончаковых берегов.

Лобнор оказался удивительным озером, редчайшим явлением природы — кочующим водоемом. Его перемещение связано с особенностями неустойчивого режима реки Тарима и его притока Кончедарьи, имеющих в низовьях плоские русла.

Если посмотреть с самолета на пустыню, прилегающую с запада к Лобнору, то можно заметить, что буквально вся приозерная равнина пересечена множеством старых сухих русл. Куда хлынут воды, там во впадинах и котловинах образуются озера, но озера особенные: мелкие и не имеющие постоянных, четких берегов. Это озера-болота. Достаточно, чтобы проток, питающий такое озеро, заилился, озеро высохнет, и дно его будет блестеть на солнце корочкой соли или станет такыром. Одновременно в соседней

котловине, куда капризная река несет какую-то часть воды, может родиться новый водоем.

Среди многочисленных рукавов дельты Тарима выделяются главные русла. Таких русел немного, да и они порой бессильны перед стихией воды. Старая река высыхает, рождается новая. Она уходит в сторону и создает новое озеро в любой пустынной котловине, которую встретит на пути. Старая река и старое озеро исчезают.

То же произошло и с Лобнором. В китайских источниках рассказывалось об озере, лежащем к северо-востоку от Лобнора, открытого Пржевальским. Китайские географы в свое время были правы. Но потом река, питающая озеро, переместилась на юг. И вот Лобнор старых китайских рек исчез и появился в том месте, где его обнаружил Пржевальский. Он тоже был прав.

Почему же Пржевальский нашел воду пресной? Последующие исследователи также отмечают, что лобнорская вода пресная или почти пресная в дельте Тарима, но в далеких заливах противоположной стороны засоляется, хотя и не сильно. Площадь Лобнора была большой, а глубины ничтожные (по измерениям Пржевальского, в среднем 1—2 метра, в редких местах до 5 метров). Вода хорошо прогревалась, и знойным летом при исключительной сухости воздуха быстро испарялась, и, естественно, в озере должны были быстро накапливаться соли. Но в действительности же этого не произошло. Объясняется это двумя причинами: молодостью озера Лобнор в том месте, где его обнаружил Пржевальский, и, надо полагать, просачиванием воды из озера в окружающие пески. Таким образом, Лобнор Пржевальского не был полностью бессточным водоемом — какой-то водообмен в нем все же происходил. Это и опресняло озеро.

Новые события в жизни Тарима и Лобнора относятся к 1923 году, когда многоводный левый приток Тарима — река Кончедарья ушла на восток в пустыню по древнему давно высохшему руслу. Это русло было известно у местного населения под названием Кумдарья (песчаная река) и Курукдарья (сухая река). Вот как описывает это старое русло ученик Пржевальского П. К. Козлов, посетивший эти места еще в 1893 году: «...мы скоро достигли древнего ложа реки Кончедарьи. Оно мертво; вид его печальный; уцелевшие берега наполовину низменные, наполовину возвышенные. По всему бывшему течению разбросаны сухие

стволы тополей; многие еще продолжают стоять, будучи наполовину занесены песком, залегающим по обоим берегам древнего русла, в виде невысоких (10—15 футов) барханов».

И вот в 1923 году Кончедарья вспомнила свой древний путь и воскресила его. Речные воды хлынули в древнее сухое ложе, и река потекла по пустыне. Все дальше и дальше уходила река, а вместе с ней пробуждалась и жизнь: прилетели птицы — эти разведчики живой природы, на берегах реки появились зеленые полосы свежей травы, и все это произошло поразительно быстро, как быстро меняются кадры в кино.

С тех пор многое, конечно, изменилось. В 1957 году мы посетили уезд Лоб. Его жители себя называют этим же именем. Они занимаются земледелием и охотой на диких кабанов, но, будучи мусульманами, свинины не едят, а продают на сторону. Зимой 1956/57 года охотники убили 80 зверей.

Лобнорцы рассказали, что сравнительно недавно в их районе Тарим затопил большую, но неглубокую впадину. Образовалось озеро, которое назвали Чонкулем (т. е. большим озером). Вода здесь сильно испаряется, и Тарим стал мельче. Поэтому сократились площади озер Лобнор и Карабуран, куда достигают воды этой реки.

Лишившись своего крупного притока Кончедарьи, Тарим обмелел. Некоторые его протоки стали усыхать. Постепенно исчезло и озеро Лобнор Пржевальского, которое стало получать лишь остаточные воды Тарима и небольшой реки Черчен, стекающей с хребта Алтынтаг. На обширной площади, где еще недавно ветер поднимал волны, а рыбаки с долбленых челнов ловили сетями рыбу, теперь простираются топкие и сухие солончаки с «окнами», озерками соленой воды. Место бывшего озера заняла пустыня. Улетели птицы, высох тростник, а вместо него широко расселились солянки. Немногочисленные лобнорцы, жизнь которых была тесно связана с озером, покинули тростниковые хижины и ушли вверх по реке в поисках воды и рыбы. Так умер Лобнор Пржевальского и вновь возник Лобнор китайских карт. На месте старого Лобнора сохранилось сравнительно небольшое озеро Карабуран.

Еще П. К. Козлов в своей замечательной статье «Кочующие реки Центральной Азии» писал, что причина перемещения Лобнора заключается в вечном стремлении на восток странницы-реки — Кончедарьи. Позднейшая исто-

рия Лобнора подтверждает этот прогноз. В 1950 году сотруднику Всесоюзного института защиты растений Е. П. Цыпленкову удалось побывать в районе Лобнора, но озера он уже не обнаружил. Вот что пишет об этом Цыпленков в 11-м номере журнала «Природа» за 1952 год:

«Озеро Лобнор, которое мы посетили, находится примерно в 240 километрах на северо-восток от города Чарк-лык, т. е. почти там же, где оно нанесено на карте Китая 1950 года. Размеры озера также совпадают с размерами, указанными на карте. Когда мы приближались к нему, то казалось, что озеро как бы покрыто льдом. Достигнув же Лобнора, мы убедились, что это сплошной слой соли. Воды в Лобноре в момент нашего пребывания совершенно не было, если не считать небольших мелких лужиц. Места впадения в озеро рек Кончедарьи и Тарима заметны, но сами русла этих рек почти полностью занесены песком. Берега озера совершенно пустынные и мертвы.

Как рассказывают местные жители, вода в озеро перестала поступать с 1942 года в связи с тем, что реки Тарим и Кончедарья, изменив русла в районе города Тикинлик, резко повернули на восток. Вода этих рек сейчас бесследно теряется в песках. Возможно, что через какой-то промежуток времени здесь и возникнет новое озеро, которое и будет названо Лобнором, но пока его там нет».

Но в 1952 году в лобнорской котловине опять была видна голубая гладь мелкого озера, правда, уже совсем не такой конфигурации, как это показывается на картах. Площадь его уменьшилась. А в ноябре 1959 года я получил письмо с берегов Лобнора от молодого пытливого географа Е. И. Селиванова. «Из Турфанской впадины,— писал он,— я достиг берегов кочующего озера и подошел к северной заливообразной окраине Лобнора, куда впадают пресные воды Кончедарьи. Дальше, сколько мог, я проник по солончакам на юго-восток — до соленой воды огромного озера. Оно лежало в низменных берегах в плоской чаше и уходило далеко на юг, сливаясь с горизонтом. Вот он, подумал я, загадочный Лобнор — феномен, вызывавший столько споров среди ученых! Древние озерные и дельтовые отложения наблюдаются на значительном расстоянии от современной береговой линии и говорят о гораздо больших размерах бассейна в прошлом. Они частично разрушены и местами образуют систему плоских гряд и бугров, которые здесь известны под названием ярдангов».

Значит, Лобнор возродился, но надолго ли? Его котловина — это громадная чаша, где бесцельно испаряется огромная масса ценнейшей пресной воды, которая так нужна в оазисах. Когда в новом Китае подчиненные воле человека воды Тарима и Кончедарьи широким потоком хлынут на поля, совсем высохнут озера.

Пройдут годы, может быть десятилетия. Всю воду из Тарима и Кончедарьи будут отводить на поля для орошения. Лобнор лишится питания и исчезнет. Только карты, книги да следы блуждающих рек и озер в пустыне Лоб расскажут о замечательной истории Лобнора и его удивительных загадках.

История Лобнора хорошо раскрывает причины блуждания озер на плоских пустынных равнинах. Такие примеры на земном шаре нечасты.

Есть в Центральной Азии и другие блуждающие озера. Таковы гобийские озера в Алашане, питаемые рекой Эдзингол; озера Бонцаган и Адагинцаган, расположенные тоже в Гоби, между горами Хангая и Гобийского Алтая. Здесь река Байдарик раздваивается. Теперь она питает большое озеро Бонцаган, а Адагинцаган, лишившись воды, превратилось в сплошной солончак. О блуждании манасских озер мы рассказали в очерке «Река Манас».

Озера в пустынях — это расточительство: они поглощают много кубических километров воды и говорят об ограниченных возможностях человеческого общества в борьбе со злыми силами природы. Но в наше время, в условиях плановой социалистической экономики, все увеличивающиеся площади орошаемого земледелия и регулирование водного режима рек приведут к смерти озер-испарителей. Может быть, наши дети будут читать на картах «солончак Лоб» или «солончак Арал» на том месте, где сейчас голубеют пятна Лобнора и Аральского моря.

О Лобноре русские люди узнали очень давно и побывали на нем задолго до Пржевальского. Майор Угримов, посланный в 1732 году к джунгарскому хану, записал: «Лобнор имеет довольно островов, как многие говорят, и на тех островах обитают люди верою махомедоня, почти ни в чьей протекции. Калмыки и китайцы называют их своими, но они на обоих мало посматривают»¹.

¹ Архив внешних сношений. Зюнгарские дела, д. 3, л. 6. Запись С. В. Кирикова.

П. И. Мельников (Андрей Печерский) в романе «В лесах» приводит рассказ паломника Якима Прохоровича, много бродившего по белу свету.

«Дошли в Сибири до реки Катунь и нашли там христолюбивых странноприимцев, что русских людей за Камень и Китайское царство переводят. Тамо множество пещер гайных, в них странники привитают, а немного подале стоят снеговые горы, верст за триста, коли не больше, их видно. Перешли мы те снеговые горы и нашли там келью да часовню, в ней двое старцев пребывало, только не нашего были согласу, священства они не приемлют. Однако ж путь к Беловодью нам указали, и проводника по малом времени сыскали... Шли мы через великую степь Китайским государством сорок и четыре дня сряду. Чего мы там не натерпелись, каких бед-напастей не испытали; сторона незнакомая, чужая, и совсем как есть пустая — нигде человеческия лица не увидишь, одни звери бродят по той пустыне. Двое наших путников теми зверями при нашем виденье заедены были. Воды в той степи мало, иной раз два дня идешь, хотя бы калужинку какую встретить; а как увидишь издали светлую водицу, бежишь к ней бегом, забывая усталость. Так однажды, увидав издали речку, побежали мы к ней, водицы напиться; бежим, а из камышей как прыгнет на нас зверь дикий, сам полосатый, и ровно кошка, а величиной с медведя: двух странников растерзал воедино мгновение ока... Много было бед, много напастей! ...Но дошли-таки мы до Беловодья. Стоит там глубокое озеро, да большое, ровно как море какое, а зовут то озеро Лопонским, и течет в него от запада река Беловодье. На том озере большие острова есть, и на тех островах живут русские люди старой веры».

Этот рассказ не может не вызвать удивления. Откуда эти точно переданные географические названия озера Лобнор и текущей с запада в него реки Беловодья? Ведь именно так — белая вода, на тюркских языках Аксу — именуется один из основных истоков Тарима. Андрей Печерский знал о путешествии алтайских староверов в Западный Китай на озеро Лобнор и дальше за хребет Алтынтаг, в высокие нагорья Куньлуня в поисках вольной земли, никем не заселенной и никем не управляемой.

Исследователи Центральной Азии Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов и гораздо подробнее Г. Е. Грумм-Гржимайло и П. К. Козлов писали о поразительных стран-

ствиях сибиряков. Они уходили несколькими партиями. Первая отправилась в путь в 1840 году, но самая многочисленная группа, в сто тридцать человек, пришла на Лобнор в 1860 году, где путники обосновались, построили поселок, начали пахать землю. С местными жителями объяснялись при помощи казахского языка, который усвоили еще на Алтае.

Г. Е. Грумм-Гржимайло беседовал с одним из участников похода староверов в Китай — Ассаном Емельяном Зыряновым. Он был сыном вожака экспедиции, знавшим казахский, монгольский и китайский языки. Шли верхами, но медленно, помехой были женщины и дети. Пересекли Джунгарскую пустыню, перевалили через Тянь-Шань, вышли к озеру Баграшкуль и по Кончедарье спустились в местность Лоб и к озеру Карабуран. Здесь нашли народ, говоривший на одном из тюркских языков и занимавшийся рыболовством и охотой на водоплавающую птицу. Но не ограничились русские странники Лобнором, а ушли еще дальше на юг, перевалили через Алтынтаг, достигли высоких долин Куньлуня и северного Тибета. В пути встречались только дикие лошади-куланы. Дороги в Беловодье так и не нашли. Возвратились к Лобнору. Китайские власти, узнав, что пришельцы — русские, попросили их вернуться в Россию¹.

П. К. Козлов в 1899 году виделся на Алтае с 76-летним старовером Е. М. Рахмановым, который тоже ходил на Лобнор в поисках Беловодья, в «тихие места из-за притеснения веры». Рахманов рассказал, что за Алтынтагом, в урочище Гас, русские странники создали поселение. Стали пахать землю, сеяли привезенными семенами, охотились на диких зверей, очень понравились им куланы, которых почему-то называли польскими конями. Здесь была полная свобода, кругом ни души, никто не мешал жить, как хотелось, но, соскучившись по родным местам, собрались в обратный путь. Рахманов возвратился без красавицы дочери Пелагеи. Она была похищена и скоро стала любимой женой турфанского бека, которому родила трех детей.

Позже, вплоть до конца прошлого столетия, еще несколько групп алтайских староверов ходило в пустыни Западного Китая в поисках желанного Беловодья. Где

¹ См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, т. 3. Спб., 1907.

оно? Упорно двигались на юг — за Джунгарию и Тянь-Шань, в пустыню Такла-Макан, к Лобнору. Из Алтая в Тибет путь не короток, не легок, не под силу он слабому человеку. Сколько страданий и лишений испытали странники! Иным не удалось возвратиться и вновь увидеть родные места. Какой волшебный край, живший в фантазии народа, искали эти мужественные люди? Искали, но так и не нашли.

Староверы долго не хотели примириться с мыслью о призрачности Беловодья, не оставляли попыток найти его. С детства узнав со слов дедов о далекой обетованной стране, лежащей где-то на юге, алтайские мужики верили в ее реальность, верили, что настанет день осуществления их прекрасной мечты.

Говорят, еще недавно в некоторых отдаленных районах Западной Сибири жила легенда о мифических землях, находящихся где-то в неизвестности, за солнцем, за горами, за долами, за пустынями. И текут там беловодные реки.

Оазис Черчен в юго-восточной части пустыни Такла-Макан орошается
водами, стекающими с Куньлуня
(к стр. 136)

Китайский Тянь-Шань между озером Баграшкуль и Урумчи
(к стр. 137)

ТАКЛА-МАКАН

ет конца и края пескам. Песчаные гряды поднимаются на десятки метров. Ни растительности, ни животных.

Величайшая пустыня азиатского материка — Такла-Макан. Самая безжизненная, самая труднодоступная, менее других известная науке. Страшно углубляться в пески. Нечем кормить караваны животных. Даже нетребовательный верблюд не найдет себе пищи. Нечем поить его — колодцев нет.

Все реки иссякают в пустыне, и только летом многоводный Хотан пересекает ее с юга на север и торжествующе сливается с Таримом. По живой долине Хотана и сухой долине Керии проложены караванные дороги, связывающие прикуньлуньские и притяньшаньские оазисы, но нет ни одной тропы, по которой можно бы пройти пустыню с запада на восток.

Уйгуры, живущие в оазисах, не любят ходить в пустыню. Суеверные люди боятся злых духов. Это они посылают страшные ветры, которые поднимают в воздух тучи песка и засыпают и человека, и верблюда. Летом стоит испепеляющая жара. Гибнет все живое. Недаром о Такла-Макане говорят коротко: «Пойдешь — не вернешься».

Китайские паломники-буддисты, отправляясь в пустыню Западного края, страшились трудной дороги. Многие считали, что это их последний путь. Один из них записал: «Перед нами была пустыня, где много злых демонов и горячих ветров. Путешественники, которым приходится с ними встречаться, гибнут все до единого. Не видишь ни птицы в воздухе, ни зверя на земле. Сколько ни смотри вокруг себя, чтобы понять, где лежит путь перехода через пустыню, не знаешь, куда идти, единственный указатель пути — высохшие кости мертвецов на песке».

Марко Поло проходил через восточную часть пустыни, где-то от Черчена к Лобнорской равнине и Гашунской Гоби. «Когда на эту страну нападет враг, — вспоминал знаменитый венецианский путешественник, — народ, забрав жен и детей и весь скот, уходит в пески за два или три дня пути, туда, где они знают, что есть вода и можно прожить со скотом. Куда ушли, никак не узнать; дорогу, по которой они шли, ветер заметает песком, и не увидеть, где шли люди и скот. Так-то они спасаются от врагов...

А пустыня, та, скажу вам, великая: целый год, говорят, не пройти ее вдоль; да и там, где она уже, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдешь сутки, так найдешь довольно пресной воды; человек на пятьдесят или на сто хватит ее; так по всей пустыне; пройдешь сутки и найдешь воду. В трех-четырех местах вода дурная, горькая, а в других хорошая, всего двадцать восемь источников. Ни птиц, ни зверей тут нет, потому что нечего им там есть.

Но есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, слышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он там и погибает. И вот еще что, и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане.

Так-то вот, с такими трудностями переходят через пустыню»¹.

Постепенно, шаг за шагом собирались драгоценные сведения о песках Такла-Макан. В 1876 году Н. М. Пржевальский нашел на Лобнорской равнине развалины древнего города. Местные жители рассказали ему, что городища имеются там и в других местах.

«Город, несомненно, весьма древний, — писал ученый, — так как время сильно уже поработало над ним. Среди совершенно голой равнины лишь кое-где торчат глиняные основы стен и башен. Большей частью все это занесено песком и мелкой галькой. Город, вероятно, был обширный, так как площадь, занимаемая развалинами, пожалуй, имеет верст пятнадцать в окружности. Могильная тишь царит теперь на этом месте, где некогда кипела людская жизнь, конечно, со всеми ее страстями, радостями и горестями. Но все прошло бесследно, как мираж, который один играет над погребенным городом... От местных жителей мы не могли узнать никаких преданий о всех этих древностях»².

Затем был открыт знаменитый Лоулан в низовьях Кончедарьи, некогда лежавший на шелковом пути из Ганьсу в Синьцзян. Город раскопали и увидели дома из глины, а рамы окон и дверей делали деревянными. Такие дома строят и в наше время в долинах Тарима и Черчена. Период расцвета города относится к первым векам нашей эры. Жители его занимались орошаемым земледелием, охотой, рыболовством, торговлей. В домах нашли изделия из лака, фарфора, кости, камня, шелка, льна.

А теперь кругом пустыня, заросшая редкими кустами тамариска. Откуда же обитатели древних, ныне мертвых, городов брали воду? Все эти городища лежали на берегах рек или их протоков. Переместились реки — и опустели города, высохли поля, жители ушли в другие места, где создали новые селения и оазисы.

Много лет жизни посвятил Аурель Стейн изучению Синьцзяна, особенно его археологических памятников. Этот путешественник отважился проложить маршруты в глубь пустыни и обнаружил дотоле неизвестные городища в разных местах Такла-Макана. Но интересно, что все они расположены на староречьях. Далеко в песках, в

¹ «Книга Марко Поло». М., 1955, стр. 79—80.

² От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор. М., 1947, стр. 57.

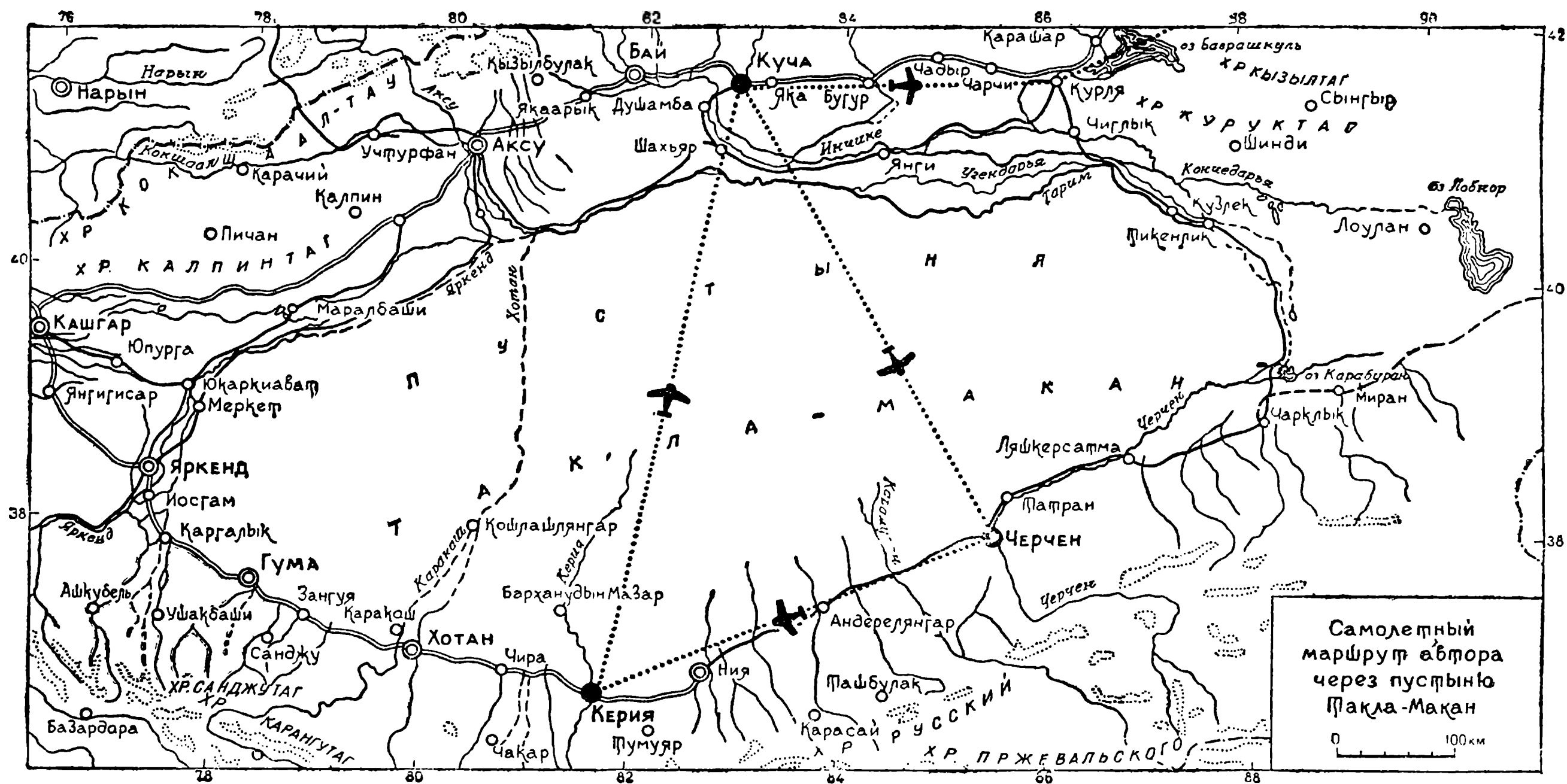
низовьях мертвых долин Керии и Нии сохранились развалины поселков, которые местное население называет «конешаар», т. е. «старый город».

В куньлуньских оазисах нам говорили, что и теперь еще недалеко от древних городищ имеются поселки, жители которых занимаются скотоводством и даже земледелием. В летние месяцы, когда по рекам идет большая вода, остатки ее уходят на многие десятки километров в пустыню. Тогда можно орошать пашни. В остальное время население пользуется либо скудными родниками, либо редкими колодцами, опять-таки в староречьях, где всегда сохраняются грунтовые воды.

Больше всего воды в реке Хотан, по долине которой и теперь разбросаны среди окружающих песков хутора. Значит, все-таки человек на заре цивилизации не боялся пустыни. Он смело уходил по древним речным долинам в глубину Такла-Макана, строил там города, орошал землю, сеял хлеба, разводил домашних животных. В песчаных пустынях ученые часто находят стоянки первобытного человека. Может быть, не случайно слово «макан» в названии Такла-Макан переводится с некоторых индийских и иранских языков как место обитания, местожительство. Жаль только, что до сих пор не удалось установить происхождение слова «такла».

Как же образовалась пустыня Такла-Макан? Почему иссякли воды в низовьях рек, текущих с Куньлуня на север? В громадную Таримскую впадину между горами Тянь-Шаня и Куньлуня уже в далеком геологическом прошлом сносились продукты разрушения с окружающих гор и возвышенностей. Твердый кристаллический фундамент Таримской впадины погребен под рыхлыми отложениями мощностью больше десяти километров!

В четвертичное время, в эпоху оледенения, в Таримскую впадину текли реки. Они были более полноводными, чем теперь, и несли много камней, песка, ила. Камни отлагались ближе к горам, там, где реки выходили на равнину. Так образовались подгорные каменистые равнины, спускающиеся к Таримской впадине. Ил и песок водой уносились дальше. Возникла песчаная пустыня Такла-Макан. Ветер перевевал пески, собрал их в гряды с муаровой рябью поверхности и выдувал частицы пыли за пределы пустыни — к горам. На их склонах растут травы и кустарники, а выше снега и льды. Пыль, попавшая сюда,

оказывается как в ловушке, ее задерживает растительность и влажная снежно-ледниковая поверхность.

Если изучать под микроскопом состав песков Такла-Макана, можно заметить, что в разных местах он неодинаков; пески состоят из частиц неповторяющихся групп минералов, слагающих ближайшие хребты, откуда в Таримскую впадину сносились продукты разрушения. Так микроскоп помог выяснить, какими родственными отношениями связаны такла-маканские пески с горами Тянь-Шаня и Куньлуня.

Окончилась эпоха оледенения. Поднялась выше в горы граница снегов. Стали менее многоводными реки. Поверхность Таримской впадины высыхала.

Тысячелетиями боролся человек с пустыней, орошал долины и подгорные равнины. Так возникли земледельческие оазисы, их границы из века в век расширялись, все больше воды забирали крестьяне из рек. Они строили водохранилища, проводили каналы. И ниже оазисов все меньше оставалось в реках воды, и они умирали в песках гораздо выше, чем в былые времена. Правда, и в наше время, когда в горах Куньлуня выпадает много снега, бывают большие паводки. Много бед приносят они крестьянам — разбушевавшаяся вода рушит плотины, затопляет обширные равнины с посевами, а нередко города и поселки. В такие годы вода как бы вспоминает свой забытый путь и уходит далеко в пустыню, образуя среди песков мелкие озера.

В пустыне Такла-Макан работают экспедиции. Почему эти безжизненные пески вдруг стали усиленно изучать? Ученые ищут возможности закрепить подвижные пески растительностью. Это особенно важно по окраинам пустыни, где они угрожают пашням и селениям и где грунтовые воды близки к поверхности и растения могут легко прижиться. А подземные воды можно «вскрыть» в некоторых местах и в глубине пустыни буровыми скважинами. Правда, проходя сквозь сильно засоленные породы, воды минерализуются, становятся солеными, а их искусственное опреснение — сложный и дорогостоящий процесс. Но ведь могут быть обнаружены и пресные подземные воды!

Больше всех заинтересовались Таримской впадиной геологи-нефтяники.

На ее северной окраине — на южных склонах Тянь-Шаня — буровой скважиной уже обнаружена нефть. Но в

Такла-Макане нефтеносные породы уходят на большую глубину. И как выяснить точно, на какой глубине и в каких местах можно ожидать нефть в пустыне? Ведь ее поверхность покрыта песками. А какой они образуют слой — в метры, десятки, а может быть, в сотни метров, — неизвестно. Возможно, в пустыне имеются и такие участки, где нет песчаного покрова и обнажаются коренные породы, с которыми связана нефть?

Но кто знает строение внутренних частей Такла-Макана? Немногие путешественники, рискнувшие пересечь пустыню, ходили по долинам и староречьям, где встречается вода в руслах или колодцах. И только в 1958 году группа молодых китайских инженеров — геологов и геофизиков — обнаружила на поверхности среди моря песков островок третичных коренных пород. Это случилось в глубине пустыни между долинами Хотана и Керии. Важное открытие обрадовало разведчиков. Значит, в этих местах пески Такла-Макана лежат тонким слоем, что очень упрощает разведочное бурение. А может быть, этот островок не единственный? В таком случае геологам-нефтяникам куда легче будет раскрыть загадку нефтеносности Таримской впадины. Может быть, уже в недалеком будущем из буровых скважин в сердце Такла-Макана брызнет нефть. Это станет великим торжеством...

Наступление на пустыню продолжается. Обычный транспорт, применяемый при исследовании пустынь в советской Средней Азии, верблюды и автомашины, мало пригоден. Для верблюдов нет кормов и очень редки колодцы. Автомобили оказываются бессильными в условиях перевеваемых голых песков, которые не закреплены растительностью. Китайские ученые решили использовать самолеты и вертолеты. На самолете легко пересечь Таримскую впадину, но нельзя сделать посадку в песках. А на вертолете можно, но небольшой радиус его полета не позволяет углубляться в пустыню. Значит, нужны обе машины.

Как-то на самолете мы пересекли Такла-Макан. Перед полетом долго выбирали трассу. Нужно было лететь без посадки и возвратиться на тот же аэродром, откуда вылетели. Выбрали треугольный маршрут: Куча под Тянь-Шанем — оазис Черчен под Алтынтагом — Керия под Куньлунем — Куча.

Ранним утром 21 июля 1959 года вылетели из Кучи, взяв курс на юго-восток. Воздух прозрачен и спокоен.

Летим на высоте 500—600 метров. Видимость хорошая.

Показался и исчез Кучинский оазис, разрисованный прямыми линиями каналов, большой зеленый массив, орошаемый рекой Музарт — левым притоком Тарима. А вот и сам Тарим и его тополевые леса между протоками, потом пески, глинистые западины, русла-староречья. Сорок минут проплывает под крылом самолета рельеф, в формировании которого принимала активное участие бесконечно блуждающая река. Только через 150 километров исчезли следы древних русл и под крыльями, насколько было видно, протянулись сплошные такла-маканские пески. Я подсчитал, что речная равнина, образованная осадками Музарта и Тарима, имеет в поперечнике примерно 120 километров! К востоку, надо полагать, она еще больше расширяется.

С севера на юг протянулись бесконечные цепи барханов, а между ними ровные участки песка. Местами видны какие-то зеленые кустики. Александр Афанасьевич Юнатов определяет в бинокль — тамариск. Барханные цепи сменяются большими плоскими песчаными грядами, как называет их наш геоморфолог Борис Александрович Федорович, «китовыми спинами». Они действительно напоминают спины китов.

До оазиса Черчен еще 120 километров, но под влиянием подступающих с юга гор Алтынтага изменяется рельеф песков. Сюда с гор уже доходят водные потоки. Большие песчаные гряды постепенно снижаются.

Вскоре под нами опять речная равнина со старыми руслами Черчена, истоки которого лежат у высочайшей вершины Улугмузтаг (7723 м) в хребте Пржевальского. Эта река, выходя из гор, поворачивает на северо-восток к Лобнорской низине. А старые русла указывают на другой ее путь, когда воды текли на север в пустыню Такла-Макан, параллельно другим куньлуньским рекам, стремящимся к Тариму.

Оазис Черчен. Течет мутная река. Самолет снижается над селением. Жители высыпали на улицы, некоторые взобрались на плоские крыши домов. Все показывают руками на редкий в этих краях самолет.

Меняем курс на юго-запад. Летим вдоль хребта Алтынтаг, временами чуть заметного в поднимающемся сухом лёссовом тумане.

Листва давно облетела. Тополя стоят обнаженные.
Мертвый лес в долине Тарима

(к стр. 118)

Трудно осваивать новые земли. Вот какие провалы образуются в
почве в результате ирригационной эрозии

(к стр. 119)

Старик таримец с интересом рассматривает автомашину, пришедшую сюда с незнакомыми людьми

У слияния долин Хотана и Тарима по окраинам пустыни пески заросли кустарниками

Фото Н. Т. Кузнецова

А вот и река Керия среди песков. Она обводняет большой оазис и уходит далеко в глубь пустыни

(к стр. 137)

Сложный узор грядовых песков Такла-Макана
(к стр. 61)

Показалась река Керия, знакомая нам еще по кунь-луньскому путешествию. Зеленый город над рекой. Восемь часов сорок пять минут утра. Самолет делает круг над обширными полями и садами оазиса. Через три минуты ложимся на новый курс — на Кучу. Снова пересекаем пустыню, но на этот раз с юга на север. И опять барханные гряды. А под нами опять сухие русла, ложбины, редкие кустики тамариска. И вот через 100 километров снова долина Керии. Уже не видно сплошной воды, только озера в глубоких впадинах. Растительность стала куда богаче — разнолистные тополя, тамариск, солянки, местами тростники.

Как обычно, к полудню видимость ухудшается, дымка плывет над пустыней. Но летим низко и видим, как река Керия борется с пустыней. Река то разливается по межгрядовым котловинам, то разбивается на протоки, теряя воду, исчезает. Уже иссякла река в неравной борьбе, но в отдельных местах еще заметны пятна речного наилка, они говорят, что и сюда когда-то, в разлив, достигала речная вода. Кажется, что вот-вот сгладятся следы работы реки, погребенные под неумолимыми песками. Но этого не случилось. Обычно Керия полностью поглощается песками Такла-Макана, но в отдельные многоводные годы она все же пробивается через них и достигает Тарима. А считалось, что Керия уже давно забыла путь через пустыню, навсегда побеждена ею!

Во время полета мы сделали еще два интересных наблюдения.

Над песками Такла-Макана мы видели много русел, сухих долин, староречий. Они заметны как на севере, где бесконечно блуждал Тарим, так и на юге пустыни, куда устремлялись водные потоки с Куньлуня в былые времена, когда климат Центральной Азии был более влажным, чем теперь.

Даже в центральной части Такла-Макана, несмотря на ужасающую сухость, все же селятся некоторые растения. Это прежде всего кустарник тамариск, имеющий разветвленные длинные корни, сосущие воду из глубин в несколько метров. Но откуда здесь вода? Ее источники — все те же потоки, устремляющиеся с окружающих гор и просачивающиеся в рыхлые грунты пустыни. Тамариск может приспособиться и к солоноватой воде, ему она не так страшна, как разнолистному тополю или вязу.

Мы провели в полете над пустыней 5 часов 35 минут. Позади осталось 1350 километров. Показались зеленые улицы Кучи, самолет развернулся. Через несколько минут мы с удовольствием ощущали под ногами твердую землю.

В тот же вечер мы вылетели в Урумчи. Быстро исчезли за горизонтом знакомые поселки, кущи таримских лесов.

Прощай, Тарим — великая река Центральной Азии! Прощайте, пески Такла-Макана — пустыни, равной которой нет на азиатском материке!

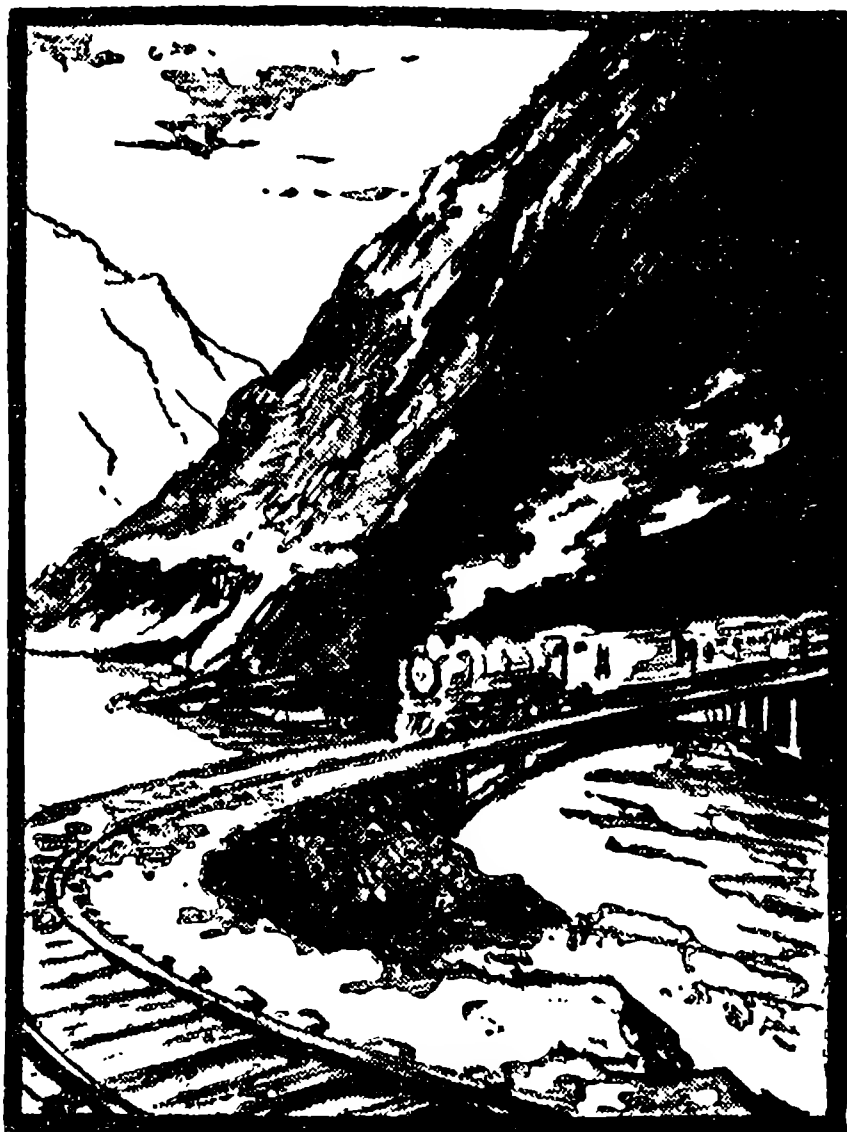
Самолет приблизился к Тянь-Шаню. На его вершинах пятна свежеснежавшего снега. Стало холоднее.

Под нами зеркало озера Баграшкуль, дельта реки Хайдык и затейливый рисунок озерков и протоков среди густых тростников, где рождается Кончедарья, — знакомые места, где мы медленно плыли по тихим плесам.

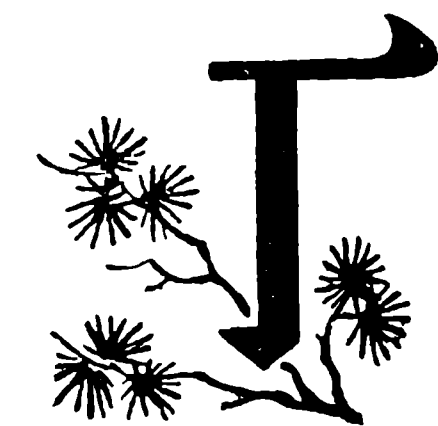
Самолет углубился в горы. Они изъедены временем, разрушены. Но на гребнях все же сохранились плоские плато, они устояли в борьбе со стихиями, сохранили свой первоначальный рельеф.

Мы все чаще посматриваем на часы, с нетерпением ждем конца нашего воздушного путешествия, начавшегося еще на рассвете. Наконец показалась широкая ровная долина, за которой высятся снежные зубцы Богдоулы. Под нами Урумчи. Уходящее за горизонт солнце бросает на улицы города глубокие тени. Самолет идет на посадку.

ОТ УРУМЧИ ДО ЛАНЬЧЖОУ

Группа китайских и советских ученых осенью 1957 года пересекла на автомобиле Центральную Азию в широтном направлении — от границы Казахстана до берегов Хуанхэ. Путь этот примерно совпадал с трассой строящейся железной дороги: станция Актогай на Турксибе — Урумчи — Ланьчжоу (главный город провинции Ганьсу). Из Ланьчжоу далее на восток в Пекин отправились поездом.

Железная дорога проходит через границу Советского Союза и Китайской Народной Республики в так называемых Джунгарских воротах, где построена пограничная станция Дружба. Джунгарские ворота получили свое название по глубокому понижению между горами Джунгарского Алатау и Барлыка. Историки утверждают, что этот естественный проход был открытой дверью, через

которую в древности кочевые племена Центральной Азии устремлялись в Среднюю Азию и Восточную Европу. Так ли это было в действительности, сказать трудно. Замечу только, что относительно низкие горы пограничной Джунгарии почти всюду легкопроходимы и изобилуют пологими перевалами. И, конечно, кочевникам легко было преодолевать горы во многих местах, с тем чтобы выйти на равнины Казахстана.

Но для железной дороги и теперь Джунгарские ворота — это единственное место, где сравнительно просто проложить полотно в обход высоких Тянь-Шаньских гор, лежащих между Казахстаном и Синьцзяном. Природа как бы позаботилась о прочных связях Советского Союза с Китайской Народной Республикой и создала эти ворота.

Сразу за Джунгарскими воротами железная дорога будет огибать с юга большое и очень мелкое и соленое озеро Эбинур. В этих местах нередки ветры, дующие с удивительным постоянством. Иногда они приобретают силу катастрофического урагана, известного у местных жителей под названием «ибэ». Здесь строителям приходится прокладывать полотно по подвижным, перевеваемым ветром пескам. Задача эта далеко не простая, хотя уже есть опыт сооружения железных дорог в песках. Железнодорожники организовали в этих местах наблюдательную станцию, которая изучает направление и скорость перемещения песков.

Далее на восток от озера Эбинур до города Урумчи железнодорожный путь идет по подгорной равнине, у северной подошвы Тянь-Шаня. Здесь местами пустыня сменяется оазисами, орошаемыми тянь-шаньскими реками. Издавна известны земледельческие районы Усу (Шихо), Сантохо, Улан-Усу, Саван, Манас, Хутуби и другие. Но за последние годы в связи с интенсивным наступлением на пустыню и разработкой полезных ископаемых выросли новые поселки. Молодой город Тушаньцзы раскинулся на пустынных склонах одинокой невысокой горы. Не случайно имя города с китайского переводится — «одинокая горка». Но уйгурское и казахское население называет это место иначе — Майтаг, или Масляная гора. Тушаньцзы — город нефти. Близ города действуют нефтепромыслы и нефтеперерабатывающий завод.

Из Урумчи железная дорога проложена на юго-восток и пересекает Тянь-Шань по сквозному и узкому ущелью

Даванчи. В этом извилистом ущелье местами очень тесно; внизу, петляя, бежит небольшая река, горы громоздятся на сотни метров. Здесь строители построили несколько туннелей и тем самым избежали трудных подъемов к перевалам через Тянь-Шань.

От Турфанской впадины дорога ведет на восток к древнему городу Хами — одному из важных земледельческих оазисов Синьцзяна. В Хами выращивают арбузы и великолепные дыни. Интересно, что арбуз по-китайски называется сигуа, т. е. западная тыква. Значит, арбуз проник в Китай с запада — из засушливых стран Центральной и Средней Азии.

Хами — транспортный и хозяйственный центр Восточного Синьцзяна. Для орошения его оазиса используются речки, текущие с соседних гор Карлыктаг. Белыми шапками вечных снегов они выделяются к северу от города и защищают его от холодных зимних ветров Монголии. Но снега на Карлыктаге мало, и реки поэтому маловодны. Вот почему пустыня вокруг Хами изрыта подземными водосборными туннелями — кяризами.

К востоку от Хамийского оазиса лежит пустыня — Гашунская Гоби. Мрачностью своих ландшафтов она всегда угнетающе действовала на путешественников. Вот как, например, описывал эту пустыню Н. М. Пржевальский, который побывал там в 1879 году: «...пустыня явилась нам во всей своей ужасающей дикости. Местность здесь представляет слегка волнистую равнину, по которой там и сям разбросаны лёссовые обрывы в форме стен, иногда столов или башен; почва же покрыта галькой и гравием. Растительности нет вовсе. Животных также нет никаких, даже ни ящериц, ни насекомых. По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов, верблюдов. Над раскаленной днем почвой висит мутная, словно дымом наполненная атмосфера; ветерок не колышет воздуха и не дает пролады. Только часто пробегают горячие вихри и далеко уносят крутящиеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонам путника играет обманчивый мираж»¹.

Однако Хамийская пустыня не показалась нам такой уж дикой, как Пржевальскому, и это понятно. Он шел медленно — верблюжий караван проходил в сутки 25—30 километров, — а мы ехали на автомашинах по хорошему

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет. М., 1948, стр. 81.

гравийному шоссе, связывающему Синьцзян с Ганьсу. Автомобильные дороги в Западном Китае вообще построены добротно, на тысячи километров протянулись они по равнинам и горам. Нас не беспокоили вопросы, вечно тревожившие путешественников прошлого: о кормах для караванных животных и воде в редких колодцах. Лишь частые, очень частые миражи напоминали нам описания Пржевальского. Разве он мог предвидеть, что всего лишь через 80 лет здесь будут проложены стальные рельсы и тепловозы потянут эшелоны с нефтью, цветными металлами и хлопком из Синьцзяна на восток, к большим многолюдным городам Китая? Так в результате победы народной революции на глазах нашего поколения осваивается Центральная Азия.

Осенний вечер. В пустыне стихли ветры. Воздух стал прозрачным. Во второй половине дня на горизонте показались синие горы. Но, приблизившись к ним, даже в сумерках легко было различить обнаженные слои горных пород, окрашенные в разные цвета — бурые, черные, красноватые. Китайцы эти горы называют Бэйшанем, т. е. северными горами, противопоставляя их Наньшаню — южным горам, протянувшимся далее на восток на тысячи километров.

В одном из ущелий нагорья, на вершинах окружающих возвышенностей выделяются крепостные и караульные башни. Под ними притулился небольшой поселок Шиньшинься, жители которого обслуживают транспортные автоколонны. Раньше он действительно представлял сторожевую крепость, обойти которую было невозможно. Здесь есть колодцы. Без воды не пересечь было пустыни Бэйшаня ни мирному путнику, ни купцу, ни воину. Все караваны должны были обязательно останавливаться в Шиньшинься. Поэтому и охраняли здесь от недругов дорогу когда-то грозные крепости.

Остались позади земли Синьцзяна. Мы вступили в провинцию Ганьсу, но ничего не изменилось вокруг. Горы Бэйшаня, изъеденные ветрами, изборожденные короткими, но стремительными редкими ливнями, опаленные солнцем, то приближались к нам, то расступались, уходили в стороны. И тогда безрадостная гравийная или песочная равнина поражала безлюдьем. За день пути мы встретили лишь несколько грациозных антилоп-джейранов.

Тем более обрадовались мы, когда как-то под вечер увидели прямые линии телеграфных проводов. Через несколько километров мы подошли к свежей, недавно возведенной железнодорожной насыпи, подготовленной для укладки рельсов. По обе стороны насыпь где-то далеко сливалась с горизонтом.

Железная дорога в Бэйшане, в этом далеком центральноазиатском нагорье, лишенном воды, лишенном людей! Ведь совсем недавно здесь ходили лишь караваны верблюдов. Русские путешественники, изучавшие Центральную Азию, писали, что исследование Бэйшаня, где нет ни воды, ни кормов, связано с исключительными трудностями.

Померкла печальная слава Бэйшаня. Часто пересекают нагорье автомашины, высоко в небе над ними летают рейсовые самолеты из Пекина в Урумчи, а теперь железная дорога, упорно следуя на запад, приближается к границам Советского Союза.

На следующий день, когда на западе скрылся Бэйшань и мы продвигались вдоль подножия Няньшаня, показался поезд, и все услышали протяжный гудок паровоза. Машинист приветливо махнул нам рукой. По новой дороге уже ходили товарные составы темно-коричневых, бурых и черных вагонов с эмблемой железных дорог Китая: в незамкнутом круге — профиль рельса.

На подгорной равнине Няньшаня много селений, городов, полей, садов, но часты и каменистые пустыни. Население живет в оазисах, у выхода горных рек на равнину. Чем дальше на восток, тем оживленнее города, тем чаще и крупнее селения, тем обширнее оазисы, на юг от которых громоздятся снеговые горы. А на севере необозримые пустыни Алашаня. Вот почему полоса этих оазисов у географов получила название «Ганьсуйский коридор».

Важнейшая новостройка Ганьсуйского коридора — Юймыньские нефтепромыслы, разбросанные в предгорьях Наньшаня. Небольшой уездный городок Юймынь, такой же как и многие сотни других китайских городков, до недавнего времени был мало кому известен. Юймынь с китайского — «нефритовые ворота». В горах Наньшаня издавна добывали камень нефрит. И теперь еще в Цзюцюане, Чжанье и других ганьсуйских городах работают

умельцы-камнерезы — мастера нефритовых художественных изделий.

Недалеко от старого Юймыня вырос новый город — крупнейший центр нефтяной промышленности Китая.

Из Ланьчжоу навстречу нам шел поезд, на этот раз уже пассажирский. После долгого пребывания в пустынях Синьцзяна он нам показался каким-то особенным, мы долго махали машинисту и его помощникам, а затем и пассажирам, стоявшим у окон.

В повседневном труде и заботах не всегда находишь время осмыслить события большого плана. Всего несколько лет назад закончено строительство железной дороги из Улан-Батора до Цзинина, она с севера на юг пересекала великую Гоби. Но эту дорогу, как бы она ни была значительна, нельзя сравнить с центральноазиатской широтной магистралью Актогай — Ланьчжоу. И вот уже от Ланьчжоу на запад, пересекая горы и пустыни, побежали первые пассажирские поезда со спальными вагонами и ресторанами. Любой, даже самый необъективный, наблюдатель скажет: поистине это граничит с чудом.

На восток от Цзюцюаня климат улучшается, осадков выпадает больше и воды достаточно для орошения больших массивов. Богарных (неполивных) посевов на подгорных равнинах совсем нет.

В некоторых местах, где пашни не орошаются, крестьяне применяют мульчирование камня. Только в засушливых районах Китая можно увидеть такие поля, сплошь выложенные мелкими булыжниками. Это делают, чтобы земля меньше нагревалась, высыхала. Под такой броней лучше сохраняется весенняя влага. Семена прорастают, и молодые стебельки пробиваются между булыжниками. После жатвы камни сгребают к окраинам полей в валики. Поле перепахивают, удобряют. А когда закончен сев, его вновь покрывают камнем.

Можно легко представить этот громадный труд. Чтобы покрыть камнем гектар земли, нужно заготовить 1200 тонн гальки или щебня. Хорошо, если камень есть рядом с полем. А в лёссовых районах его привозят или приносят со дна речных долин, а потом поднимают на склоны гор, где устроены искусственные террасы для земледелия.

У Цзюцюаня оканчивается Великая китайская стена, тянущаяся от берегов Желтого моря на запад на 2400 километров. Не случайно китайцы называют ее «Вань ли чен», т. е. «Стена длиною в десять тысяч ли». На востоке, особенно в окрестностях Пекина, стена эта — внушительное каменное сооружение, и тот, кто видел ее в натуре или на иллюстрациях, не сразу поверит, что на западе она заканчивается скромным забором из лёсса высотой в три-четыре метра. Население нередко использует слежавшуюся лёссовую глину для строительных целей и удобрения полей.

За городом Увэй резко повернули на юг, в горы Наньшаня, по узкой долине стали подниматься на перевал между хребтами Малиншань и Момошань. Некогда здесь проходила самая оживленная дорога, связывавшая восток и крайний запад Китая, а рядом с ней была возведена Великая китайская стена, от которой остались лишь невысокая насыпь с неглубоким рвом. Теперь здесь проложена железная дорога.

Горы теснили долину. Постепенно исчезали селения, а затем и поля желтеющей нивы, которая вызревает в этих местах значительно позже, чем на подгорных равнинах. Овес поднимается на высоту 2750 метров над уровнем моря. Это граница земледелия. Выше по склонам только пасут скот.

Несмотря на осень, радовали эдельвейсы и генцианы снежными голубыми цветами; бурели кустарники караганы.

Забраться так далеко в горы Наньшаня и не собрать хотя бы скромный гербарий! И наш ботаник — неутомимый Александр Афанасьевич Юнатов — выкапывал растения толстым и широким ножом, который всегда носил на поясе в кожаном чехле.

Сколько лет мы путешествовали вместе по Монголии и Китаю, я всегда удивлялся хорошей, завидной жадности к труду у моего спутника. Его не останавливали ни крутые склоны, ни скалистые обрывы, ни высота в пять тысяч метров, ни сыпучие пески. Он хорошо знает растительность Центральной Азии и обычно легко определяет принадлежность растения к тому или иному виду. Внимательно изучая цветок или листик какого-либо редкого растения, он снимает очки, и близко-близко рассматривает в поисках

каких-то, как мне тогда казалось, только одному ему известных признаков.

Всегда ровный и спокойный, А. А. Юнатов не замечает невзгод дальнего пути, ни летнего зноя в пустыне, ни зимней стужи в горах, ни пыли, ни плохой дороги. В экспедиции его всегда любят и уважают, особенно молодежь. Да и я, признаюсь, многому научился у Александра Афанасьевича. Этими строчками мне хочется поблагодарить его за учение и дружбу, за многие годы совместных странствий по Центральной Азии.

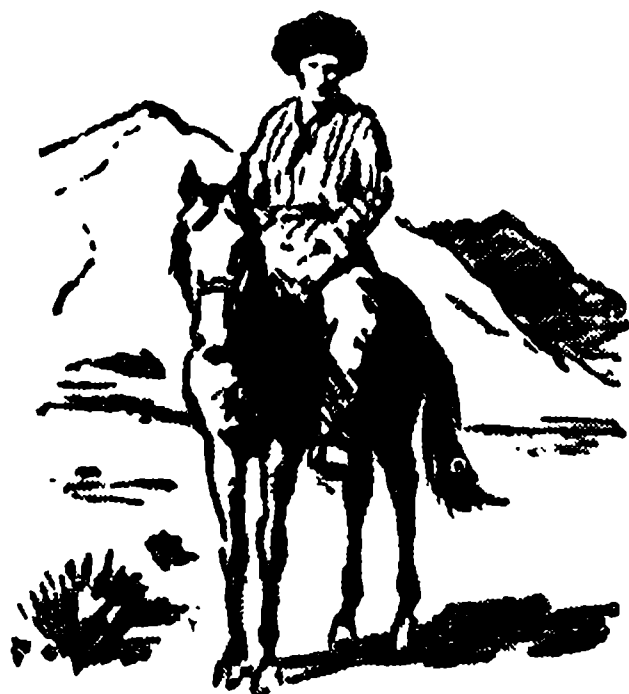
За перевалом открылись главные цепи Наньшаня, запорошенные свежим снегом. Там уже стояла зима; на скалистые пики наползали разорванные тучи, иззубренный гребень с острыми вершинами казался студеным и недоступным. Холодный ветер дул с гор. А с перевала вниз уходила долина, где шумел небольшой поток; он нес воду уже в Желтую реку, в бассейн Тихого океана. Здесь проходила граница «мирового водораздела».

Долина постепенно расширялась, поток уже превратился в реку Чжуанланхэ, показались селения, окруженные полями и садами, правильные квадраты городов, обнесенные крепостными стенами. Сверкнула широкая гладь воды: то из гор вышла Великая китайская река Хуанхэ. Ее пересекли по длинному деревянному мосту. На правом берегу реки на высоте 1500 метров расположен город Ланьчжоу. Корпуса новых заводов и фабрик, недавно проложенные улицы. Мы долго ехали мимо новостроек и только под вечер попали в старый город, многолюдный и шумный. Большим, очень большим городом стал Ланьчжоу. Это теперь самый крупный промышленный центр северо-западного Китая. Долина Хуанхэ в Ланьчжоу стиснута с двух сторон высокими лёссовыми террасами. Поэтому город тянется вдоль реки на добрые 50 километров. В прошлом из Ланьчжоу выходили многие научные экспедиции, изучавшие горы Наньшаня, верховья Хуанхэ и Янцзы, бассейны Кукунора и Цайдама, Тибет.

Ланьчжоу — многонациональный город. Помимо китайцев, здесь много дунган. По улицам в малиновых халатах, в больших сапогах с загнутыми вверх носками важно шествуют тибетские ламы. Рослые монголы неторопливо проезжают верхом на низкорослых мохнатых лошадках.

Несмотря на холод, грудь монголов обнажена и из-под халата видны голые плечи.

Стемнело. На улицах и в витринах магазинов, в окнах квартир зажглись огни. Прошло шесть дней, и окончилось наше автомобильное путешествие через Центральную Азию.

МОЛОДОСТЬ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ

Пекине, столице Китайской Народной Республики, мне пришлось побывать несколько раз: до начала полевых работ в Синьцзянской экспедиции и после окончания исследований. Впервые я попал в Пекин осенью 1956 года.

Золото солнечных лучей и золото тронутой октябрем листвы деревьев. Автомашина неторопливо скользит по черной сверкающей ленте шоссе. Короткий путь от аэродрома до столицы Китая неустомителен. Чем ближе Пекин, тем оживленнее движение на дороге. Постепенно дома все плотнее обрамляют улицы — мы въезжаем в столицу Китая.

Надолго запоминаются обычно первые впечатления от города. В Пекине — это зеленые городские магистрали, покрытые асфальтом, запруженные велосипедистами и велорикшами. Их очень много, они плывут сплошным

потоком. Здесь пользуются велосипедами для поездки на работу и с работы, а не для развлечения. Велосипед любят и молодежь, и пожилые женщины, и старики. В те годы коммунальный транспорт еще не мог полностью удовлетворить потребности населения и, может быть, поэтому велосипед так прочно вошел в быт пекинцев.

Много и подолгу бродил я по Пекину, знакомился с его жизнью и живописными пригородами. Мне понравился город, его деловой ритм, чистота и зелень улиц и тенистых парков, шумных и многолюдных в воскресные дни. В Пекине удивительно гармонично сочетается далекое прошлое, вековая история и новое, что рождено в последние несколько лет. Можно говорить о древности и молодости Тяньаньмыня, площади, на которой народ отмечает дни революционных праздников. Революция вдохнула новую жизнь в старые императорские дворцы и парки Гугун и Ихэюань с их неповторимыми глубоко национальными архитектурными ансамблями. И Гугун, и Ихэюань теперь стали любимыми местами отдыха пекинцев и открытыми для всех музеями.

По воскресеньям особенно оживленны городские и загородные парки. Много пекинцев отправляется на северо-запад, в летний императорский дворец, в Ихэюань, у берегов искусственного озера Куньминху. Сам парк поражает великолепием растительности и множеством храмов, кумирен, ворот, галерей. Видны живописные западные горы — Сишань. Центр Ихэюаня — огромный четырехэтажный храм Фосянгэ, построенный на высоком лесном холме. Посетители парка обязательно проходят по деревянной галерее длиной в 400 метров, состоящей из 273 секций. Каждая секция оформлена неповторяющимся рисунком в национальном «сучжоуском» или южном стиле. Ему присуще разнообразие рисунка: орнаменты, пейзажи, портреты, натюрморты, цветы, миниатюры на исторические темы, театральные сценки. Можно часами ходить по галерее и изучать многокрасочную живопись.

В Китае развита цветовая символика: синий цвет — цвет голубого неба — мир и покой; красный — жизнеутверждающий — счастье и радость; желтый — могущество, богатство, сила; белый — печаль и скорбь; черный — ужас, страх. Поэтому на загородных дворцах, где отдыхали императоры и высшие сановники, крыши покрывались черепицей с синей глазурью (мир и покой), в пекинских

дворцах и храмах — желтой глазурью (могущество и богатство).

Храмы и кумирни украшались рисунками в стиле «дяньши», который отличается строгостью и не допускает жанровой живописи и вольной тематики. Первое место здесь принадлежит орнаментам, ярким по краскам, порою причудливым по рисунку, но всегда симметричным и повторяющимся. Декоративное искусство Китая, художественная роспись имеют большую историю и сегодня удивляют своей жизнерадостностью.

В Пекин многими столетиями привозили различные редкости, предметы искусства в дар императорам. «... и если у кого-либо, — свидетельствует китайский писатель Вэй Ган, — оказывалась какая-то удивительная, необыкновенная вещь, он, несмотря на тысячи ли далекого пути, приносил ее в Пекин, чтобы преподнести императору и тем самым добиться его милости. И бесчисленные драгоценности, все загадочные и удивительные вещи, какие только хранились в поднебесной, отовсюду стекались в Пекин».

Иногда богачи дарили императору громадные камни с озера Тайху. Им приходилось изыскивать самые невероятные способы, чтобы переправить эти глыбы с далекого южного озера в северную столицу.

Некоторые выбирали для подарка огромные деревья. Для перевозки одного такого дерева из провинции Юньнань в Пекин понадобилось 12 лет. Увидев этот ствол, император Цян Лун удивился необычайному дереву и приказал сделать из него статую стоящего Будды.

Разрисованную статую поместили в храме, и люди стали приходить туда на поклонение Будде.

В Пекине еще и сейчас можно встретить многоэтажные новые дома, а рядом — старые глиняные домики. Через весь город протянулись длинные широкие проспекты, а в стороне от них — лабиринт узеньких улочек, переулков, тупиков с глухими стенами и красными калитками, ведущими в скрытый мир небольших зеленых дворики. Кто побывал в столице Китая, тот, конечно, посетил оживленную улицу Ванфуцзин и торговые ряды знаменитого пассажа «Дуньаньшичан», в котором уместается 600 магазинов, напоминающих пчелиные соты. В этих магазинах можно найти все — от коллекционных почтовых марок до мебели. Тут же, на той же улице Ванфуцзин, напротив пас-

сажа, высится новый шестиэтажный государственный универмаг, сверкающий стеклами многочисленных витрин и рассчитанный на одновременное обслуживание десяти тысяч покупателей.

Ванфуцзин — самая людная торговая улица — становится тесной. По воскресеньям поток прохожих заполняет даже ее проезжую часть, и кажется непостижимым, как по ней могут двигаться легковые автомобили, большие автобусы и троллейбусы, движением которых управляют изящные девушки-милиционеры. Летний Ванфуцзин особенно красочный и пестрый. Здесь можно встретить приезжих из национальных районов Китая: уйгуров из Кашгара, монголов из Хух-Хото, тангутов из Цинхая, тибетцев из Лхасы, дунган из Нинься, чжуаней из Гуанси. Русские, чехи, поляки, японцы, англичане — гости из разных стран мира — все посещают Ванфуцзин.

Много детей. Их привлекают и яркие витрины игрушечных магазинов, и розовые плитки мороженого, и темно-красные маленькие яблочки, покрытые сладкой глазурью и посаженные на тонкие палочки. Из дверей небольшой лавки доносится запах жареных каштанов. Здесь же в маленьких бумажных пакетиках очищенные и поджаренные чуть солоноватые земляные орешки, очень популярные у пекинцев. И право же, более вкусных орешков нигде не встретить.

Мое внимание привлекли книжные магазины и небольшие киоски с почтовыми марками. В магазине «Международная книга» можно целый день изучать литературу на всех основных европейских языках. Особенно много советских изданий. Некоторые из них, пользующиеся большим спросом, китайские книгоиздательства репродуцируют и размножают. Так было, в частности, с «Этимологическим словарем русского языка» А. Преображенского. Эта книга очень нужна в Китае, где русский язык изучают многие. Словарь Преображенского даже у нас был библиографической редкостью. В Пекине он репродуцирован в 1957 году и быстро разошелся.

Коллекционирование почтовых марок очень распространено в Китае. В пассаже на Ванфуцзине идет бойкая торговля марками. Среди покупателей нередки иностранцы. И я, грешный, не раз стоял над витринами, изучая марки. Я никогда не занимался филателией, но мне нужно было выполнить просьбу московских друзей. Одни из них

собирали марки с изображением ландшафтов, другие — памятников архитектуры, а третьи — спортивные. Как тут разобраться и чего-нибудь не забыть!

Китайские марки своеобразны, как и искусство Китая. Мне прились по вкусу марки с лубочными картинками, пейзажи в стиле «гохуа», серия с изображением животных. Особенно запомнились двенадцать красочных марок с разными аквариумными рыбками, очень распространенными в Китае.

В последние годы в Пекине быстрыми темпами развивается промышленность, но пока он, по-видимому, не собирается соперничать с индустрией Шанхая и Тяньцзиня. Да и по населению Пекин второй город — Шанхай примерно в два раза больше.

Впервые Пекин упоминается в письменных документах около 2200 лет назад. За это время он не раз менял свой облик, расширялся, застраивался, но всегда сохранял традиционную планировку. В Восточной Азии повсеместно передней стороной считается южная: на юг смотрят и фасады царских дворцов, и трибуны Тяньаньмынь, и двери юрт кочевников и домиков земледельцев. Окна домов новых рабочих поселков тоже обращены на юг.

Все старые города Китая имеют форму квадрата или прямоугольника, которые под прямыми углами пересекаются улицами, протянувшимися строго с юга на север и с востока на запад. Такова планировка и Пекина. В нем легко ориентируется даже впервые попавший сюда человек. Четыре храма, расположенные на юге, востоке, севере и западе города, носят названия Неба, Солнца, Земли и Луны. Особенно поражает трехэтажный храм Неба — круглый, большой со строго симметричными формами, окаймленный высокими стенами, за которыми открывается обширная площадь, пересеченная дорожками и площадками для прогулок и отдыха.

Храм Неба построен в 1420 году, после того как столица была перенесена из Нанкина в Пекин. Одна из его построек — кумирня Хуаньчюнь (небесного спокойствия). Она покрыта синей глазированной черепицей и в центре увенчана золотым шишаком. Но самое интересное, что привлекает внимание всех экскурсантов, — это стена, возвращающая звук. Высота ее 6 метров, а длина окружности 200 метров. Повернувшись лицом к стене, я вполголоса говорил какие-то ничего не значащие фразы. Мои друзья

слышали меня на противоположном конце двора, стоя у стены. Так удивительно ее отражающее свойство.

Историческое ядро китайской столицы — так называемый Внутренний город, где сосредоточены дворцы, музеи, живописные озера, которые здесь называются морями (хай). В XVI столетии южное предместье сильно разрослось и его обнесли крепостной стеной. Так возник внешний город, центр торговли и кустарных промыслов. Его длинные улицы — бесконечные торговые ряды.

Свидетели далекого прошлого, крепостные стены и рвы под ними хорошо сохранились в Пекине, но там, где они стали помехой для развития города, стены разбирают, а рвы засыпают. Монументальные городские ворота (мынь) построены в национальном стиле. К названиям улиц, ведущих к воротам, часто прибавляют окончание «мынь».

Через всю столицу протянулись две широкие улицы — Сичаньаньцзе и Дунчаньаньцзе. По существу это один проспект. Он режет город с запада на восток и проходит через площадь Тяньаньмынь. Все эти три названия перекликаются друг с другом: Западная длинная улица спокойствия, Восточная длинная улица спокойствия, Ворота небесного спокойствия.

К востоку от Тяньаньмыня расположен Дворец культуры, одно из первых больших зданий, построенных для трудящихся столицы. Его воздвигли на месте храма Таймяо, где хранили списки умерших предков императоров. В роскошных дворцах «запретных» городов жили богдыханы. Они заблаговременно сооружали себе и подземный дворец-могилу. Над могилой-усыпальницей размещали большой комплекс зданий, павильонов, беседок. Место погребения монарха засекречивалось; вход в склеп тщательно замуровывался. Особенной роскошью отличаются погребения императоров Минской династии под Нанкином и Пекином. В горах Сишаня, на запад от Пекина, находится тринадцать таких погребений, почему они и называются Шисаньлин (тринадцать могил).

В последние годы китайские археологи открыли несколько склепов. Подземные дворцы-могилы теперь посещают экскурсанты. Вещи в подземных залах, пролежавшие века, почти все не выдержали испытания временем. Ткани истлели, золото потускнело, серебро стало черным. Масло в жертвенном светильнике загустело, огонь без доступа воздуха погас. Только знаменитый китайский фарфор

выглядит так, будто он изготовлен только вчера. Тонкостенные прозрачные вазы и чаши оказались сильнее веков. Изящные рисунки на фарфоре не потеряли красок.

Теперь рядом с минскими могилами построено большое водохранилище с высокой плотиной. Ему дали древнее название Шисаньлин. Оно снабжает Пекин питьевой водой. Так друг с другом уживаются старое и новое.

Пекин был объявлен столицей Народного Китая в 1949 году. При гоминдане ею был Нанкин. Исторически в Китае сложились три основных стольных города: Пекин (Бейцзин) — северная столица, которая в древности называлась Даду (большая столица), Нанкин (Наньцзин) — южная и Сицзин (Сиань) — западная. Ныне Сиань один из крупнейших городов страны, центр провинции Шэньси.

Название «Дунцзин» — восточная столица — в разное время присваивалось разным городам: Лояну, Кайфыну, Шэньяну. Ныне Дунцзинем китайцы называют Токио — столицу Японии. В истории Китая было немало и других стольных городов «цзин». Что же значило это слово в прошлом, какова его эволюция? «Цзин» — первоначально обозначало высокое место, возвышенность, холм, курган, но также и большой хлебный амбар, главный склад зерна. Это слово толкуют также в смысле великий, возвышенный, богатый, пышный, роскошный, прекрасный, великолепный. Из какого же первичного значения возникло понятие «столица»? Может быть, из первого, потому что главная ставка правителя, штаб, дворец строились как крепости на холмах и возвышенностях. Так легче было их защищать от неприятеля; а может быть, от третьего — великий, богатый, пышный и т. д. Это пока не установлено.

Знаменитый русский синолог друг китайского народа Н. Я. Бичурин (монах Иакинф) перевел на русский язык много китайских исторических и географических сочинений. Он приводит несколько названий Пекина, которые менялись на протяжении столетий. Его именовали Гуньяном, Яньцзюном, Фаңьяном, Синьцзинем, Яньшанем, Чжунду (ду — также столица, большой город), Даду и т. д. И только с 1421 года стали называть Бэйцзинем или Пекином.

Пекин расположен в той области Китая, где зародилась китайская культура и цивилизация. В окрестностях столицы, в местечке Чжоукоудянь, в пещерах предгорий гор Сишань найдены останки самого древнего человека —

синантропа, называемого еще «пекинским человеком». 500 тысяч лет назад на пекинской равнине жил человек, он пользовался простейшими каменными орудиями и знал огонь.

Чжоукоудянь часто посещают экскурсии, чтобы посмотреть пещеры древнего человека и побывать в недавно построенном археологическом музее.

Пекин был столицей Китая при монгольских императорах династии Юань в XIII—XIV веках. А в XV столетии минские цари перенесли свою резиденцию из Нанкина вновь в Пекин.

Пекин быстро строится. Мне пришлось познакомиться с несколькими высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами. Почти все они размещаются в новых зданиях. Особенно много новых больших домов построено в западном пригороде Пекина, где пекинская равнина упирается в Западные горы. Здесь созданы большой академический городок, комплекс зданий Народного университета, гостиница «Дружба» и другие.

Художественные промыслы Пекина знакомы всему миру. Кто не знает изделий китайских мастеров из слоновой кости и дерева, камня и бумаги! А как хороша пекинская перегородчатая эмаль (клуазонне), посуда из лака, китайские фонарики, изделия из цветного стекла и бамбука! Пекин свято хранит традиции китайской культуры.

В Пекине я бывал неоднократно и каждый раз находил новые черты в облике города. Но в 1960 году эти изменения ощущались как-то особенно ярко. На «длинных улицах спокойствия» выросли великолепные здания Дома национальностей, почтамта, телецентра и монументальный вокзал — большие ворота столицы, как называют его пекинцы.

Обновилась и площадь Тяньаньмынь. Здесь возникли два новых дворца — Музей революции и Дом народных представителей, поражающий своими масштабами, отделкой и внутренним убранством. Его площадь 170 тысяч квадратных метров. В банкетном зале одновременно размещаются 5 тысяч человек.

Но более всего изменились окраины, где проложены новые магистрали с многоэтажными зданиями. На восточной окраине растет индустриальный Пекин.

В 1957 году я видел, как протягивались первые километры троллейбусных проводов, а в 1960 году в столице кур-

сировали уже десятки машин. Местами исчез трамвай, но зато очень сильно расширилось автобусное движение. Большинство автобусов ходит с прицепами. И как следствие развития городского транспорта — с улиц Пекина исчезли пассажирские велорикши. Наблюдая за шумным и пестрым уличным потоком многолюдного города, я их часто искал, но находил лишь грузовые велотележки, иногда снабженные моторчиками, да и их стало гораздо меньше. Заметно поредели колонны велосипедистов: они уже не катят сплошной лавиной и не запруживают улицы в часы пик. Только представляя, что значит велосипед в жизни китайских горожан, можно по-настоящему оценить изменения в жизни города. Велосипед уступил место автобусу, троллейбусу, такси. А пройдет несколько лет, и под древними парками, дворцами, озерами и крепостными стенами с их узорными воротами побегут поезда метро.

В окрестностях Пекина через реку Юньдинхэ перекинут старинный мост Лугоуцяо, известный в европейской литературе как мост Марко Поло. Путешественник упоминает о нем в своей знаменитой книге, называя его персидским словом «Пулисангинз», т. е. каменным мостом. «В целом свете нет такого хорошего моста. Вот он какой: в длину триста шагов, а в ширину восемь; по нем рядом проедут десять верховых; стоит он на двадцати четырех сводах и на стольких же водяных мельницах: выстроен из серого прекрасного мрамора; сработан хорошо и прочно: по обе стороны моста стены из мраморных досок и столбы: расставлены они вот как: в начале моста мраморный столб, под ним мраморный лев, а другой на столбе: оба красивые, большие и сработаны хорошо. От этого столба, через полтора шага, другой совершенно такой же с двумя львами; между столбами доски из серого мрамора, чтобы люди не падали в воду, и так из конца в конец моста. Любо на это посмотреть».

В XV веке Лугоуцяо сооружен заново. Теперь он имеет 11 арок и длину 250 метров. Мост построен из белого камня. В мраморные перила вделаны 140 узорных столбов, заканчивающихся небольшими львами, рисунок головы которых ни разу не повторяется.

7 июля 1937 года у Лугоуцяо началось провокационное военное выступление японской армии против китайского отряда, охранявшего мост. Началась большая война Китая против японских оккупантов, которая перерос-

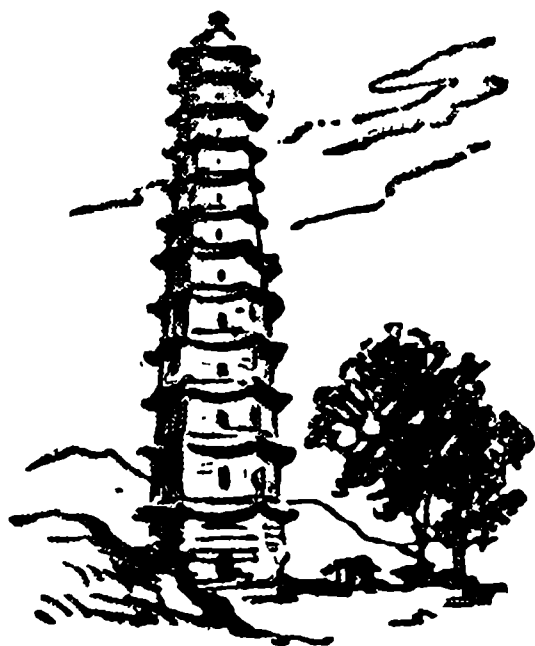
ла в национально-освободительную войну китайского народа.

Хорошо любоваться вечерним Пекином с горы Байташань, что возвышается в парке Бэйхай. Зажигаются первые огни, их серебряные лучи отражаются на спокойной поверхности озера. Временами лодки разрезают эти призрачные, чуть дрожащие снопы света, и они исчезают в водной ряби.

На противоположном берегу высятся новые многоэтажные дома с загнутыми вверх краями крыш. В окнах домов вспыхивают лампочки. По белому широкому мосту, перекинутому через пролив, соединяющий Бэйхай и Чжунхай (Северное и Срединное моря), бегут машины и торопится городской люд.

Сумерки спускаются на большой трудовой город. Они густеют, все ярче горят огни в парке, и лучи, уже совсем золотые, пересекают черную гладь озера.

Пекинцы очень гостеприимны. Испытав доброе отношение китайских друзей, я с неизменной теплотой вспоминаю Пекин и пишу о нем. Он особенно приятен осенью, когда исчезают жара и духота муссонного климата, когда нет и сухих, жестких зимних ветров, приносящих пыль из Гоби. Осенний Пекин тихий и солнечный, ласково теплый, нарядный своей желтеющей зеленью. Утренняя дымка мягкой вуалью одевает улицы, дома, парки, аллеи. «Живя в Пекине, трудно покинуть его. Покинув Пекин, нельзя забыть его» — говорит китайская пословица.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Всего не перескажешь. Скупые мои записки оказались неполными. Глаза географа ничего не хотят пропустить. А интересно написать обо всем — непросто. Поэтому нередко веет скукой от однообразного, шаг за шагом, день за днем описания будней путешествий по маршруту. Ведь в наши годы тысячи и тысячи людей ежегодно работают в экспедициях. Они уходят в тайгу и тундру, поднимаются в горы, бороздят моря и океаны, пересекают пустыни. Нелегко удивить читателя новыми рассказами о походной жизни разведчиков тайн природы.

Времена великих географических открытий, когда все было в новость, уже ушли в безвозвратное прошлое. Но не будем грустить об этом. Романтика поисков новых земель сменилась здоровой деловитостью и более трудными и сложными поисками причинности явлений. Часто и мучительно приходится искать ответа на простой, знакомый с детства вопрос: почему? Без его решения научному работнику нельзя разумно вмешаться в природные процессы и изменить их. Но мир скрытен, и сколько нужно труда, мысли, споров, чтобы найти правильный ответ. Как известно, путь к истине тернист. Говорят, природа не математика, но если их сравнить, то можно сказать, что натуралист всегда решает уравнение со многими неизвестными.

Путешественники в нашу эпоху, как правило, специалисты, а специалист, по утверждению Козьмы Пруtkова, флюсу подобен, т. е. односторонен. Поэтому современные комплексные экспедиции включают ученых разных направлений.

В своих записках я не коснулся некоторых важных вопросов нашей работы. Мне они показались менее интересными. Думаю, что многие молодые мечтатели не так представляют путешествие в далекие страны, как показано в этой книжке. Не правда ли, хотелось приключений, эпизодов, связанных с опасностью, всепобеждающего героизма? Такой романтики в моих записках действительно нет, и мне кажется, что это хорошо. Чем ее меньше в наших экспедициях, тем лучше для участников, тем результативнее их работа.

А разве нет радости в бесконечном познании, в поисках нелегких ответов на многочисленные «почему?» Разве нет радости в открытиях причинности взаимосвязанных природных процессов? Разве не счастье своим трудом помочь человеку покорить реки, правильнее использовать запасы влаги в горных снегах и льдах, улучшить почвы, остановить наступление песков на пашни? Разве не интересно выяснить закономерности, по которым живет и развивается неповторимый мир пустынь Центральной Азии? В поисках и находках и есть романтика, самая хорошая, пусть повседневная, но настоящая романтика. Большое вырастает из обыденного.

Впереди еще много увлекательных планов — новые маршруты, новые страны. Экспедиция — это школа, в которой бесконечен процесс познания природы, народного опыта и мудрости. «Учиться, — говорит китайская пословица, — это грести против течения, только перестанешь — тебя унесет назад».

Путешествия расширяют пестрый веер человеческих знаний.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
К читателю	5
На западе крайнем Китая	11
На севере Синьцзяна	23
Урумчи	23
Река Манас	29
Джунгарская пустыня	40
В горах Китайского Тянь-Шаня	52
Ниже уровня океана	52
В горы	59
Озеро Баграшкуль	71
Гроза в горах	79
Куньлунь — позвоночный столб Азии	85
Древний Хотан	105
Тарим и Лобнор	113
Такла-Макан	129
От Урумчи до Ланьчжоу	139
Молодость древней столицы	148
Послесловие	158

Эдуард Макарович Мурзаев

ПУТЕШЕСТВИЯ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

* * *

Редакторы *Б. Ш. Забиров и М. А. Каролик*

Младший редактор *Н. С. Шаповалова*

Художник *М. Н. Машковцев*

Художественный редактор *В. Д. Карандашов*

Технический редактор *С. М. Кошелева*

Корректор *О. П. Горшкова*

* * *

Т-05027. Сдано в производство 12/VIII 1961 г. Подписано в печать 18/IV 1962 г. Формат 84×108^{1/32}. Печатных листов 5+2,58 л. вкл.

Усл. л. 10,78. Издательских листов 10,58. Тираж 90000 экз.

Заказ № 2082. Цена 39 к., переплет 20 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.